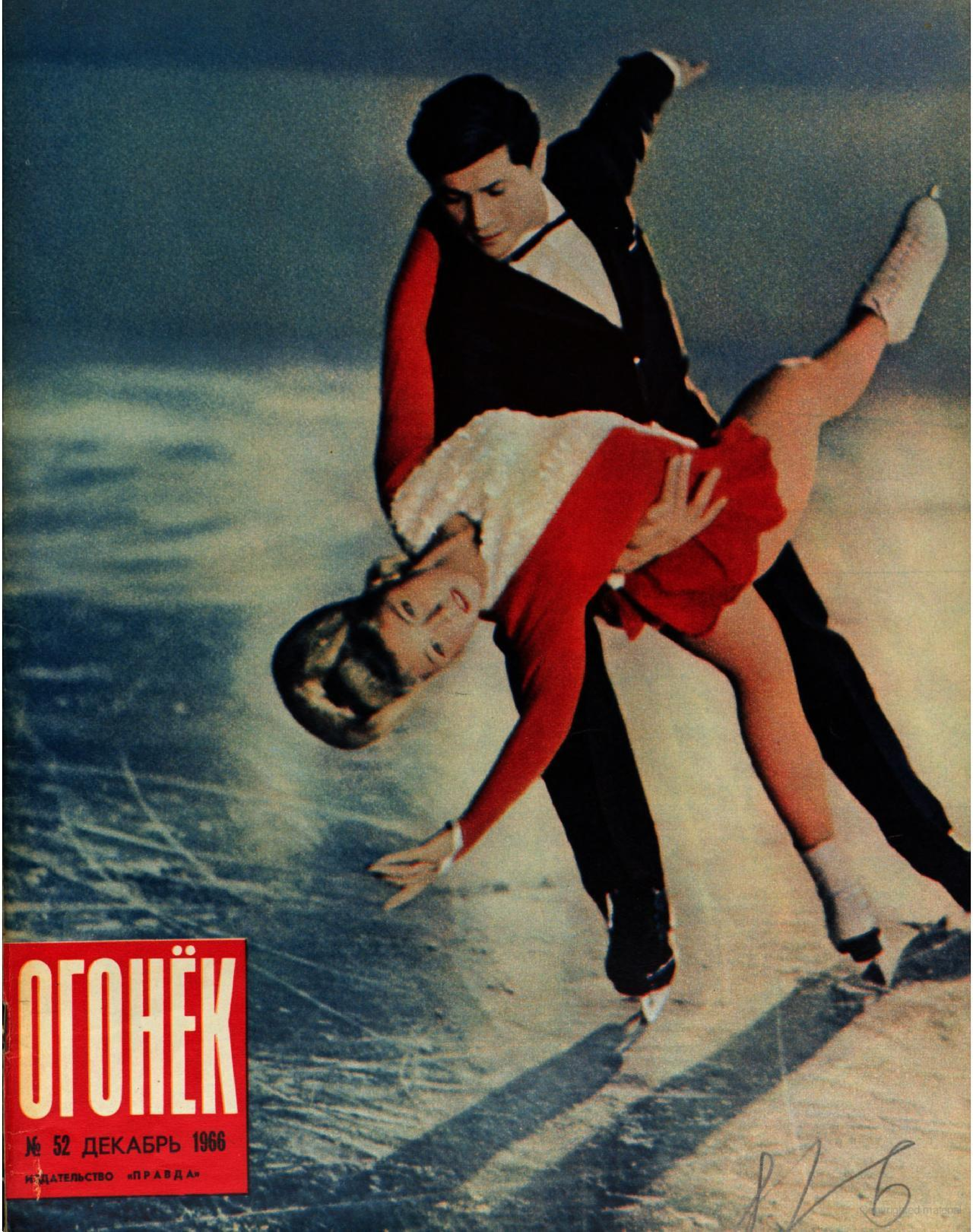

ОГОНЁК
№ 52 ДЕКАБРЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НОВОГОДНЕЕ КАТАНИЕ

* * *

Будто взорван морозный воздух.
Тройка русская — гром подков.
Сбруя в искрах и снежных
звездах,
С легким шорохом бубенцов.

Поле чистое в редких вехах...
Окрыляется бег саней,—
И отчаянный ветер века
Развевает гривы коней.

Олег АЛЕКСЕЕВ

Псков.

* * *

Ух, дорога встрепенулась,
Пробудилась ото сна,
Прояснилась, улыбнулась,
Подтянулась — не узнать!

Не в обнимку ль мчимся с ветром
Мы за солнечным лучом?
Край родимый, край заветный,
Нам и холод нипочем!

Борис ТЕРЕЩЕНКО

Чита.

* * *

А на кручах стоит —
не шелохнется лес,
И сверкает созвездьями елка
небес;
А вокруг пролетают
коньки-сорванцы,
На шлеях бубенцы, бубенцы,
бубенцы.

А за полночью нету ни ветра,
ни сна,
Во все стороны света Россия
слышна:
И поют петухи среди снежных
излог,
И рокочут в два провода гусли
дорог.

Николай ТРЯПКИН

Реутово.

Фото Б. Кузьмина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 52 (2061)

25 ДЕКАБРЯ 1966

После вручения товарищу Л. И. Брежневу ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

ВРУЧЕНИЕ Л. И. БРЕЖНЕВУ НАГРАДЫ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Указом Президиума Верховного Совета СССР товарищу Леониду Ильичу Брежневу в связи с шестидесятилетием со дня рождения, за выдающиеся заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством в коммунистическом строительстве, укреплении обороноспособности страны и отмечая большие заслуги в борьбе против немецко-фашистских захватчиков на фронтах Великой Отечественной войны, присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР обратились к товарищу Леониду Ильичу Брежневу с письмом.

«Всей своей неутомимой и разносторонней деятельностью на благо Родины,— говорится в письме,— Вы снискали глубокое уважение коммунистов, всех советских людей.

Желаем Вам, дорогой Леонид Ильич, доброго здоровья, долгих лет жизни и плодотворного труда во имя торжества коммунизма».

19 декабря в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу.

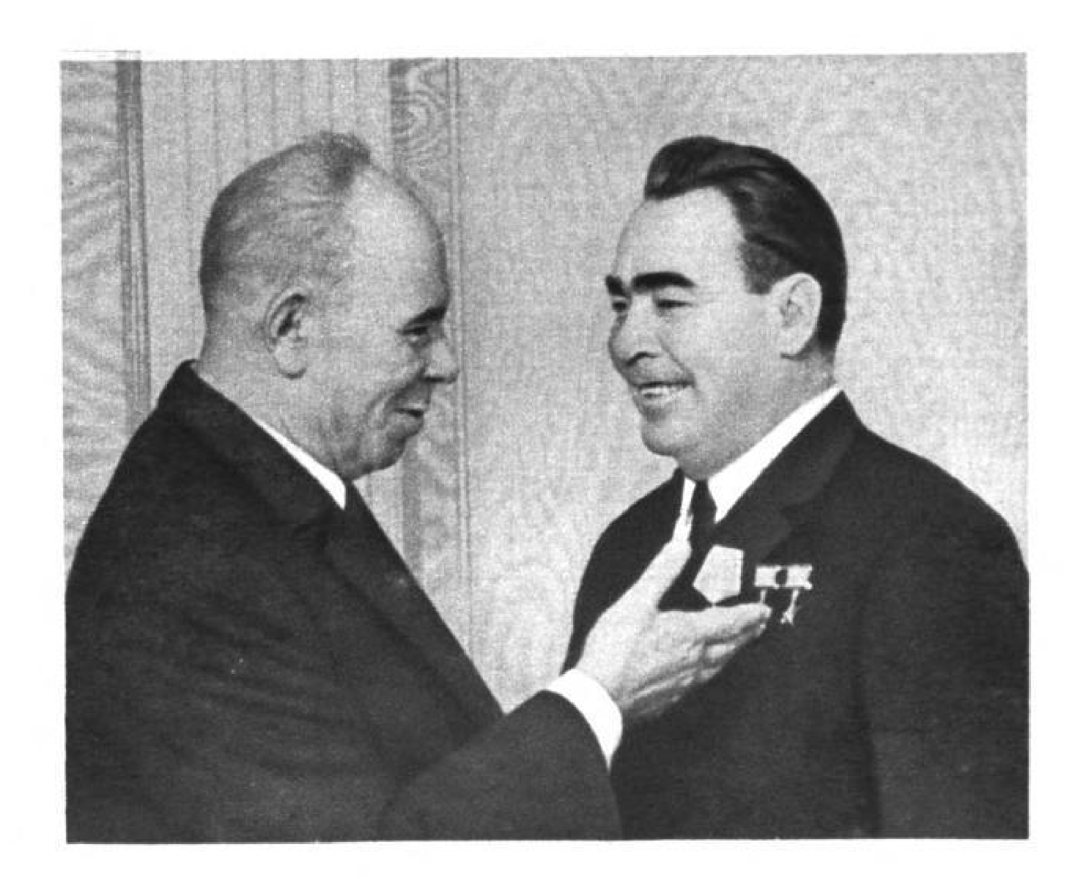
В зале заседаний Президиума Верховного Совета СССР присутствовали руководители Коммунистической партии и Советского правительства, секретари ЦК компартий ряда союзных республик и областных комитетов КПСС, министры СССР, председатели комитетов СССР.

Н. В. Подгорный сердечно поздравил товарища Л. И. Брежнева.

Ответную речь произнес Л. И. Брежнев.

Речи Н. В. Подгорного и Л. И. Брежнева неоднократно прерывались аплодисментами.

Л. И. Брежнев сердечно поблагодарил за поздравления.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный сердечно поздравляет Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с высокой наградой.

Фото А. Устинова.

ВИЗИТ ДОБРОЙ ВОЛИ

По приглашению правительства Турецкой республики в Анкару с официальным визитом прибыл Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. В турецкой столице главу Советского правительства встречал Премьер-Министр Турции Сулейман Демирель. В тот же день в Анкаре начались переговоры между главами правительств двух стран. Советские люди с удовлетворением встретили положительные сдвиги, происшедшие в советско-турецких отношениях за последние годы. Советский народ ожидает, что результатом советско-турецкой встречи явится дальнейшее развитие добрососедских отношений между двумя странами.

На снимке: А. Н. Косыгин вместе с Премьер-Министром Турецкой республики Сулейманом Демирелем.

Фото В. Савостьянова (ТАСС).

РУБЕЖИ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

В расцвете своих сил и могущества вступила Страна Советов в пятидесятый год Великого Октября. В эти последние дни уходящего 1966 года — 15—19 декабря — в Москве, в Кремле, работала вторая сессия Верховного Совета СССР седьмого созыва.

Депутаты Верховного Совета СССР заслушали и обсудили доклад заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова «О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1967 год» и доклад министра финансов СССР В. Ф. Гарбузова «О Государственном бюджете СССР на 1967 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1965 год».

Депутаты обеих палат раздельным голосованием единогласно приняли Закон о Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1967 год. Также единогласно депутаты приняли Закон о Государственном бюджете СССР на 1967 год. Верховный Совет утвердил отчет об исполнении Государственного бюджета СССР за 1965 год.

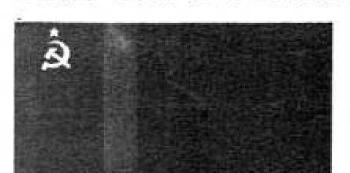
Затем сессия Верховного Совета перешла к утверждению Указов Президиума Верховного Совета СССР. С докладом выступил секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе.

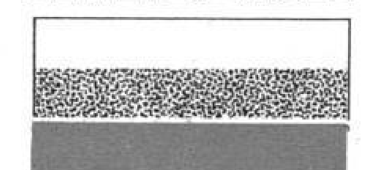
Верховный Совет СССР утвердил Указы Президиума Верховного Совета СССР и принял соответствующие Законы и Постановление. После этого был утвержден состав Конституционной комиссии с изменениями, внесенными на второй сессии Верховного Совета СССР.

На снимке: в зале заседаний сессии.

Фото Е. Умнова.

БРАТЬЯ НАВЕКИ

БРАТЯ ЗАВИНАГИ

Конкурс читателей завершен.

ДРУЖБА КРЕПНЕТ

На многих письмах, приходивших в редакцию журнала в последнее время, стояли два слова: «Братья навеки». И мы знали, что эти письма отправляли люди, связанные душевными узами с одной из самых близких Советскому государству стран — Болгарией. Нам писали из далекого Приморья и из Молдавии, из Мурманска, с Урала и из Магадана, из Ташкента и Армении.

К великому сожалению, мы не могли напечатать все интересные материалы: их было слишком много — свыше четырехсот. Мы старались выбирать лучшие. И мы очень рады сообщить вам, дорогие читатели, что шестнадцать материалов, опубликованных на страницах «Огонька», отмечены премиями. Их авторы — Николай Кондратенко (журналист из Новгорода), красноярский школьник Саша Балаев, Лидия Закруткина из Ростова-на-Дону, пенсионер Илья Андреевич Белоусов (Оренбург), студентка Людмила Люблинер из Ленинграда, Василий Узун из Молдавии, Наташа Федорова (Псковская область), журналист Дмитрий Трунов (Махачкала), военнослужащий Нико Стоянов, Лилия Тарасова (Ленинград), Василий Верес (Украина), Л. Алхутова из Ташкента, Мехти Джангиров из Тбилиси, Нелли Стар (Киев), журналист из Сухуми Семен Коротков и Владимир Величко из Красноярского края.

Каждый из лауреатов получит к Новому году приз, предоставленный посольством Народной Республики Болгарии: керамический сервиз или скатерть с ручной вышивкой и бутылку болгарского вина. С января 1967 года они будут бесплатно получать издаваемые в Софии на русском языке журналы «Болгария» или «Курорты». Редакция журнала «Огонек», болгарское посольство и Общество советско-болгарской дружбы горячо поздравляют всех лауреатов.

Кто же получил две первые премии — путевки на поездку в Болгарию, любезно предоставленные в распоряжение нашего журнала болгарской туристской компанией «Балкантурист»? Вот что написала в редакцию по этому поводу читательница журнала Т. Крылова: «Я уже несколько лет являюсь читательницей «Огонька». Слежу за публикацией материалов конкурса и не могу не написать вам. Первую премию, мне кажется, должен получить Иван Болгарев — внук героя Шипки, получивший фамилию в честь дружественной страны Болгарии».

Жюри конкурса, состоящее из членов редакции «Огонька», представителей болгарского посольства и Общества советско-болгарской дружбы, присудило первую премию десятнику Чернушинского шахтоуправления Ивану Болгареву за материал «История дружбы» («Огонек» № 39) и офицеру Советской Армии М. Каплунову за очерк «Вместе в небе» («Огонек» № 51).

И, наконец, последнее. Жюри решило отметить особыми премиями авторов четырех материалов. Это А. Садиленко из Липецка, сражавшийся вместе с болгарской девушкой Лилей Карастояновой в партизанском соединении под командованием А. Ф. Федорова. Он прислал нам очерк о болгарской героине, отдавшей свою жизнь за свободу двух стран: Советского Союза и своей родины — Болгарии.

Это бывший солдат, ныне студент Николай Могорян (из Кишинева), рассказавший о том, как во время военных учений стран — участниц Варшавского договора советские воины потушили пожар на болгарском пастбище. Это пионерка из Днепропетровска Наташа Аронова, которая помогла достать редкое лекарство для своих болгарских друзей. И это полковник в отставке Николай Мазуров. Прикованный к постели тяжелой болезнью, он по-прежнему остается на посту и пишет стихи. Н. Мазуров прислал нам поэму о горном цветке эдельвейсе, символе свободы. Этот цветок — дар музею Н. Островского от героев Болгарии, партизанивших в горах во время войны с гитлеровской Германией. Четыре письма — в них вся глубина чувств, весь смысл дружбы, связывающей наши народы.

Редакция получила десятки материалов от советских туристов, в которых они с восторгом описывают свое пребывание в Болгарии, и мы с радостью передаем их благодарность «Балкантуристу».

Итак, конкурс окончен, призы присуждены, а советско-болгарской дружбе крепнуть и цвести в веках!

ТБИЛИССКИЙ ТРИУМФ

Нана Александрия получает золотую медаль. Награду вручает член президиума Шахматной федерации СССР Я. Г. Рохлин.

Фотохроника ТАСС.

Когда на старте женского чемпионата страны в Киеве бакинка Т. Затуловская взяла мощный старт — четыре из четырех,— многим казалось, что догнать ее молодым шахматисткам будет трудно. Одна из них, Нана Александрия из Тбилиси, начала турнир с двумя нулями. Кому проиграла эти две партии Нана? Своим землячкам Э. Какабадзе и А. Чайковской. «Да, Нана — это еще не Нона!» — иронизировали злые шутники.

Нона Гаприндашвили не скрывает, что ее шахматным кумиром является замечательный гроссмейстер Таль. Нана Александрия также не равнодушна к стилю игры Таля, но добавляет, что ей нравится и В. Корчной. И вот после двух проигрышей Нана Александрия начала играть с удвоенной энергией, «по Талю» и «по Корчному». Она одержала 13 побед, потерпев всего 4 поражения, и только две встречи эта бескомпромиссная, талантливая шахматистка свела вничью.

Увы, Нана Александрия не могла поблагодарить человека, который ее воспитал: В. Карселадзе, превосходный педагог, шахматный энтузиаст, тренер Ноны Гаприндашвили и Наны Александрия, не дождался заслуженного триумфа своей второй ученицы и возможного матча на первенство мира между Ноной и Наной. Он умер летом нынешнего года.

Теперь Тбилиси является резиденцией чемпионки мира и чемпионки СССР. Особенно приятно поздравить с успехом тренеров прекрасного Дворца пионеров в Тбилиси. Подумайте только: в этом сильнейшем шахматном цехе получили свое воспитание Т. Петросян и Н. Гаприндашвили. И вот теперь прогремело имя еще одной тбилисской шахматистки — Наны Александрия!

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер

НА

Ник. КРУЖКОВ

В дырявых валенках, в разбитых лаптях брел по России год Тысяча Девятьсот Шестнадцатый. Скоро и конец его пути: метелями шумел декабрь, потрескивали рождественские морозы, поземка завивала седые косы на чуть видных проселочных дорогах. Огромный фронт, протянувшийся от Риги до Дуная, от Трапезунда до Керманшаха, кровоточил рубцами бесконечных окопов, требовал солдат, хлеба, снарядов, патронов, ружей. Брали мужиков подчистую — и пятидесятилетних и девятнадцатилетних. В городах стояли очереди — злые, голодные, взъерошенные — за хлебом, за мукой, за крупой, за сахаром. Цены ползли вверх: то, что вчера было по карману, сегодня — нет, шалишь, не укупишь. Правительство издало закон «против торгового хищничества». «Крестьянка села Шопино Агриппина Петрищева оштрафована полицией на 25 рублей за продажу яиц по завышенной стоимости». О богатых купцах этого не писалось: что же с ними поделаешь — оплот государства, мошна! Мелкие деньги — привычные семишники, алтыны, пятаки, гривенники — исчезли; вместо них ходили отпечатанные на плотной бумаге почтовые марки, выпущенные в свое время к 300-летию дома Романовых. На обороте марки оповещалось: «Имеет хождение наравне с серебряной и медной монетой».

В Петрограде шла министерская чехарда. После совершенно развалившегося Горемыкина явил свой лик в качестве премьера гофмейстер Штюрмер, затем — Трепов, после Трепова — светлейший князь Голицын. Об этом Голицыне другой Голицын, его дальний родственник, сообщал корреспонденту «Русского слова»: «Вы спрашиваете, что можно ждать от нового премьера? Ничего—отвечу вам откровенно». Кайзеровские шпионы вместе с жуликами и проходимцами всех мастей и рангов кишмя кишели при дворе его величества.

Девятнадцатого декабря всю Россию облетело сообщение: «Петроград. Утром около Петровского моста найден прибитым к берегу труп Григория Распутина. Следствие производится судебными властями (ПТА)».

Известный в ту пору фельетонист Александр Яблоновский писал: «В сущности, капризная судьба послала Распутину все, что было необходимо для его личного счастья: много водки, много вышитых рубах, много денег и много, очень много «женского продовольствия». Но за этой идиллией тобольского мужичка Григория скрывалась настоящая трагедия всея России».

КАНУНЕ

Газеты выходили с белыми пятнами: цензура беспощадно извлекала из набранных и сверстанных полос целые куски текста, которые были бы опасны для авторитета властей предержащих.

В ту пору жил я в Калуге, где прошли мое детство и юность, в типичном из типичных городов Российской империи, о которой в свое время говорили: «Россия — страна уездная».

Вот как выглядела Калуга в последний месяц последнего дореволюционного года. Так или почти так выглядели сотни ей подобных российских городов — губернских и уездных.

Неотвратимо надвигались грозные события, но внешне все еще оставалось по-старому. Почти по-старому. Как и встарь, в церквах и монастырях дьяконские басы возглашали многолетие «благочестивейшему самодержавнейшему, великому государю нашему...». По улицам городов шли на вокзал усиленные маршевые роты то под оркестр, исполнявший марш «Старые друзья», то под песню «Чубарики, чубчики», пользовавшуюся у ротных фельдфебелей особым уважением в силу, видимо, ее абсолютной бессмысленности. В нашей местной прессе, представляемой газетой «Голос Калуги», печаталось сообщение: «Государь император высочайше повелеть соизволил благодарить чинов полиции Козельского уезда за выражение верноподданнических чувств». Некая Тина Меньшова с ужасом писала, что на новогоднем костюмированном балу «очень дурно пахло» и что она встретилась там со своей собственной кухаркой, «одетой под испанку». У губернаторского дома, как и всегда, прохаживался молодцеватый околоточный с нафабренными усами «а-ля Вильгельм». Как и встарь, мерзли в своих полосатых будках городовые, изредка вылезавшие посмотреть, нет ли какого «беспорядку». Как обычно, в определенный час выходил на прогулку под руку с супругой сам губернатор, его превосходительство камер-юнкер двора Ченыкаев — еще не старый сухопарый человек вполне петербургского унылo-чиновничьего вида.

Калуге не очень везло на губернаторов. Один из предшественников Ченыкаева, Абросимов, прославился изданием приказа, запрещавшего ездить по городу на автомобилях «до тех пор, пока лошади не привыкнут», за что и был подвергнут всероссийскому осмеянию. Сам же Ченыкаев, оказавшийся последним губернатором, отличился тем, что запретил организацию потребительского общества, потому что в уставе его были начертаны загадочные буквы «и т. д.».

— Что значит «и т. д.»? — возмутился губернатор.

— И так далее, ваше превосходительство,— отвечали кооператоры.

— Вот именно! И потому запрещаю...

Как и встарь, мы, тогдашние гимназисты, должны были, согласно правилам, изложенным в ученическом билете, «при встрече с г. губернатором снимать фуражку и вежливо кланяться», в силу чего всегда норовили нырнуть в первый попавшийся переулок, завидев черную шинель с красными отворотами: переулки его превосходительство не посещал.

Как и встарь, в кинотеатрах, синематографах по-тогдашнему, шли «шикарные боевики» под названием «Молчите, проклятые струны» или «Так безумно, так страстно хотелось ей счастья». Как и раньше, на главной, Никитской улице по вечерам толклась молодежь, прогуливаясь от булочной Заверина до Гостиных рядов. Среди них нахально выделялись своей формой и самоуверенностью юные прапорщики, ожидавшие отправки на фронт, люто ненавидимые гимназистами и реалистами, ибо местные девицы отдавали «душкам-военным» явное предпочтение. В обывательских квартирках, населенных мелким чиновничье-служилым и мещанским людом, пели модные романсы под гитару или мандолину — «У камина» (что такое камин, мало кому было известно), «Ямщик, не гони лошадей» и, конечно, «Белая акация». И уж, понятно, никому в голову не могло прийти, что именно от этого романса, перекроенного на боевой маршевый лад, через два-три года родится песня, которую запела вся Россия на слова:

> Слушай, рабочий,
> Война началася!
> Бросай свое дело,
> В поход собирайся.

А пока что речь в романсе шла о «гроздьях душистых», которые «вновь ароматом полны».

По городу бегал в любую погоду босиком юродивый Александрушка, в белой до пят рубашке, с крестом на шее, любимец калужских набожных барынь, и вещал:

— Последние времена наступают. Подайте копеечку, я убогому отдам.

До распутинских масштабов Александрушка, конечно, не добрался, но существовал настолько безбедно, что про него говорили: «Жирует рыжий кот».

Изредка проводили по городу, известному своей старинной тюрьмой, арестантов в бушлатах шинельного сукна. Лязг кандалов был слышен издалека. Арестанты останавливались у лавки, кто-нибудь из них выходил, ломал шапку, просил: «На хлеб несчастненьким». Подавали мало — времена наступили нелегкие, чаще отвечали: «Богу за вас помолимся, идите со христом». И снова «дзинь-дзинь» и скрип снега под сапогами арестантов и конвойных.

Звонили, как всегда, к заутрене и к обедне, к вечерне и ко всенощной во всех церквах — со всех колоколен. Богатая купчиха Зыбина шла в свою любимую Одигитриевскую церковь в сопровождении старухи горничной, становилась на свое строго определенное, ограниченное ковриком место, купленное за деньги, и молилась отдельно, строго оглядывая всех осуждающим взглядом: с доплатой молитва доходила до бога быстрее.

Все по-старому. Почти все...

Вот только в гимназиях учились в две смены: утром — девочки, вечером — мальчики. Добрая половина школьных зданий была занята под военные госпитали. Впрочем, двухсменные занятия доставляли нам немало дополнительных развлечений: можно было сунуть под чернильницу записку: «Вы прелестны, я вас люблю» — и получить ответ: «Дурак».

Да еще наехало с запада много беженцев с семьями, и в российской Калуге нередко слышалась на улицах мягкая и нежная польская речь.

И раненых было много в городе, бродили на костылях, с перевязанными головами и бинтами на руках, сестры милосердия водили слепых — угрюмых незрячих солдат, потерявших на войне самое дорогое: свет солнца и краски жизни.

И пленные австрийцы и немцы часто попадались на улицах. Ходили они иногда под конвоем, а чаще сами по себе.

Да вот еще появилась новинка — выехали на извозчичьих санках две разбитные бабы в форменных армяках, бойко кричали: «Эх, прокачу! Мужиков поверстали в солдаты, а ребятишек кормить надобно. Пожалуйте, барин, за четвертак». Исконные извозчики посматривали на них косо: как же, конкуренция!

Где-то невидная нам, тогдашним подросткам, шла другая жизнь — на окраинных улицах, на Ямской, Боровской, Горшечной. Собирались люди, занавешивая окна, выставляя дозорных, спорили, судили-рядили, рассуждали, как быть дальше, как дальше жить. На устах у них были слова: «Борьба! Революция!»

Помнится, как в один из весенних дней в пригородном бору, славившемся своей красотой, корабельными соснами, тихими опушками, полными цветов, натолкнулись мы с приятелем на веселую компанию, которая баловалась чайком у разведенного костра. Кто-то тренькал на балалайке, кто-то читал стихи:

> Каменщик, каменщик,
> в фартуке белом...

Мы прошли стороной и скоро услышали не очень громкое, но стройное пение:

> Отречемся от старого мира,
> Отряхнем его прах с наших ног.

Пять лет спустя, в 1921 году, старый большевик-калужанин Акимов в своих воспоминаниях «О калужском коллективе марксистов» писал: «В начале 1916 года коллективом был получен из Москвы Циммервальдский манифест, обращенный к рабочим Европы по поводу империалистической войны, который решено было размножить для широкого распространения. Экземпляр манифеста, присланный из Москвы, был отпечатан очень неразборчиво, и поэтому перепечатанные нами на гектографе экземпляры имели целый ряд грамматических ошибок и других неточностей, а исправить мы не смогли ввиду того, что те товарищи, которые его переписывали, сами были малограмотны. Кстати сказать, этот манифест было решено не только распространить, но и обсудить во всех кружках».

Значит, и в тихой, «богоспасаемой» Калуге тлели искры, из которых в скором времени вспыхнуло пламя. Но что мы, мальчики-подростки, тогда знали? Слово «большевик» нам не было известно вовсе. О Марксе и Ленине мы не слыхали почти ничего. О Парижской коммуне нам в гимназии сообщалось, что это был бунт, а совсем недавняя революция 1905 года характеризовалась как беспорядки. Одиннадцать лет для подростка — огромный период. Где-то в самой глубине памяти сохранялись у меня тревожный, щемящий душу набат, раздававшийся из-за Оки, и широкое зарево от недальнего пожара — это и был 1905 год. Крестьяне жгли помещичье имение.

Наступал год новый — 1917-й. Широковещательные плакаты приглашали граждан Российской империи подписываться на военный заем, суля неслыханные выгоды. Губернатор Ченыкаев оповестил население губернии, что, «согласно указу от 24 октября, иметь будут призваны в начале 1917 года на военную службу молодые люди, родившиеся в 1898 году».

Губернская газета под рубрикой «Местная жизнь» сообщала: «Сегодня в 12 часов ночи во всех церквах г. Калуги будут отслужены новогодние молебны. Его преосвященство преосвященный Феофан, епископ Калужский и Боровский, будут служить молебен в своей архиерейской церкви».

Все по-старому. Почти все...

* * *

...Снег, поземка, ветер, один ветер на целом свете, рассвет и пламенная заря первого утра 1917 года...

1916—1966 гг. Калуга — Москва.

РУКУ, ТОВАРИЩ ВЬЕТНАМ!

В особняке на Кропоткинской улице в Москве, где помещается Советский комитет защиты мира, ждали гостей. Дорогих гостей из Демократической Республики Вьетнам, которые прибыли в нашу страну во время недели солидарности с героическим вьетнамским народом. Друзей из борющегося Вьетнама пригласили участвовать в собрании представителей Советских комитетов защиты мира и других общественных организаций СССР.

Гости приехали, и здесь, в зале заседаний Советского комитета защиты мира, ощутили, как близка советским людям борьба братского Вьетнама, какой болью, каким гневом отзывается в сердце советского народа взрыв каждой американской бомбы на земле их родины, каждое преступление американского империализма против этой многострадальной страны.

Представители республиканских и областных комитетов защиты мира, других организаций рассказывали, как всюду в нашей стране крепнет солидарность с отважными вьетнамцами, не ослабевает поддержка их борьбы.

Все от мала до велика помогают в нашей стране Вьетнаму. И это не просто слова. В Москве школьники Куйбышевского района провели пионерский рейд, и теперь ребята во многих районах Москвы собирают средства, чтобы приобрести санитарную машину и отправить ее во Вьетнам. В Хакассии колхозы засевали особые «гектары мира», доходы с которых шли для помощи Вьетнаму. С Украины вьетнамскому народу на собранные сто тысяч рублей отправляют продовольствие, велосипеды, киноустановки. В Азербайджане решено провести спортивные соревнования и сбор от проданных билетов перевести для помощи вьетнамскому народу. Комсомольцы Ленинграда, писатели Москвы, женщины Волгограда, жители Норильска, Куйбышева, Риги, бесчисленных городов и сел — все стремятся прийти на помощь Вьетнаму.

Руководитель вьетнамской делегации, министр внутренних дел ДРВ Унг Ван Кхьем сказал на этом собрании:

— Весь наш народ, от севера до юга, хорошо знает о советской помощи и повседневно ощущает ее. Эта помощь является одним из важнейших условий нашей победы.

В дни мужественной борьбы, как и в дни мира, советский народ остается плечом к плечу с братским народом Вьетнама.

Пионеры Москвы просили передать детям Вьетнама подарки — игрушки к Новому году.

Фото А. Агапова.

Недавно любители литературы города Коломны встретились с московскими писателями — авторами журнала «Октябрь». В гости к своим читателям приехали главный редактор журнала В. Кочетов, прозаики С. Сартаков, С. Бабаевский, поэты С. Васильев, Вас. Федоров, Е. Исаев, Н. Агеев, Ф. Чуев, А. Заяц, критики Д. Старико и П. Строков.

И еще одна интересная встреча состоялась в этот вечер. В зале среди слушателей находился фронтовой товарищ Всеволода Кочетова, один из героев его книги «Записи военных лет», бывший командир подразделения В. Е. Лайхтман. В дни блокады Ленинграда В. Кочетов был военным корреспондентом «Ленинградской правды». И вот встреча старых фронтовых друзей состоялась.

В. Кочетов и В. Лайхтман.

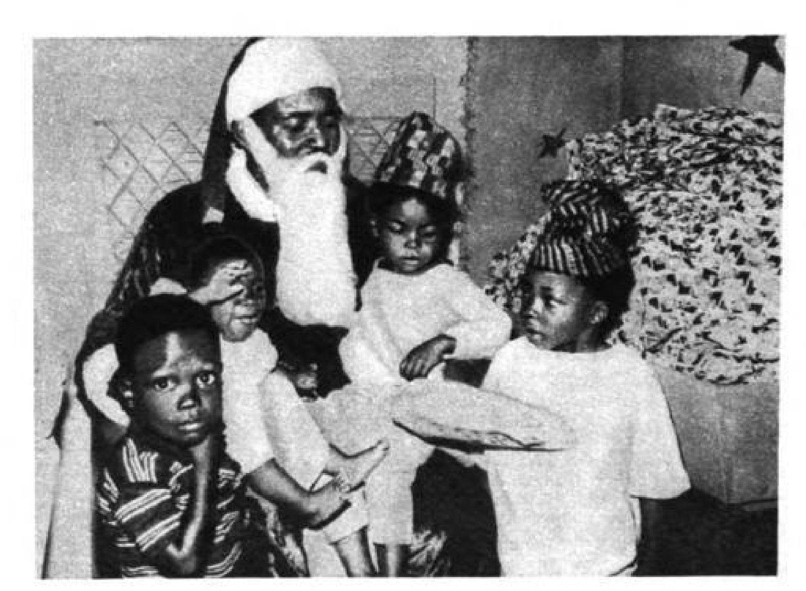
Фото И. Чиркова.

Фото ТАСС, ЮПИ, журнала «Пари-матч».

Все ближе и ближе Новый год — праздник новых надежд, нового счастья. Жители демократического Берлина готовятся украшать елки. В каждую семью принесет зеленое деревце радость и веселье.

Африканский вариант Деда Мороза выглядит так. Этот снимок сделан в главном городе Нигерии Лагосе. Совсем непросто быть Дедом Морозом, когда вокруг нет ни одной снежинки, а столбик термометра ползет к тридцати выше нуля. Для мальчишек Лагоса Дед Мороз — иностранец...

Черное пятно на теле Африки — это государство белых расистов Южная Родезия. Ян Смит, стоящий во главе кучки расистов, захвативших власть в стране, растит себе подобных. Взгляните, с каким радостным упоением он учит мальчишек стрелять из пулемета.

Это произошло в Альпах. Для того, чтобы совершить этот уникальный прыжок с парашютом, австрийцу Хейнцу Циммерману не понадобился самолет. Он прыгнул с отвесной горы высотой в 2 900 метров.

●

Английское телевидение назвало лучших, по его мнению, футболистов 1966 года. Награду и звание лучшего футболиста Англии получил капитан команды, выигравшей «Золотую богиню», Роберт Мур. Знаменитый Эйсебио из Португалии был назван лучшим футболистом мира.

Исламабад — так называется новая столица Пакистана. Она еще не выстроена окончательно. На нашем снимке — одно из административных зданий, воздвигаемых в Исламабаде.

●

Недавно скончался Уолт Дисней, американский художник, создатель знаменитого Микки-Мауса, известный у нас по фильмам «Бэмби», «Белоснежка и семь гномов» и другим. Микки-Маус принес много радостей ребятам разных стран и сделал своего творца мультимиллионером.

Итальянская актриса Анна Мария Джуглиельмотти демонстрирует в Лондоне новую моду. Ее волосы окрашены в два цвета — красный и зеленый, а юбка сделана из металлических пластин. В этом костюме она снимается в новом фильме.

●

Считается, что у слоних не рождаются близнецы. Один лишь случай подобного рода произошел как-то в зоологическом саду. Недавно в Южной Африке охотник Дж. Янг стал свидетелем второго случая, который войдет в историю животного мира. Янг не только наблюдал появление слонят-близнецов, но и представил снимки Один из снимков мы печатаем.

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

Лучший иллюстратор Пушкина

I

Из всех рукописных и художественных достопримечательностей русского Парижа, с которыми мне посчастливилось ознакомиться в месяцы пребывания во Франции, пожалуй, наибольшее впечатление произвели на меня огромный литературный архив и обширное собрание произведений Александра Николаевича Бенуа. И это несмотря на то, что нам удалось отыскать немало материалов по истории русской культуры, охватывающих период от Пушкина до Маяковского, удалось увидеть множество интересных картин, акварелей и рисунков выдающихся русских художников, начиная с Левицкого и кончая Александром Яковлевым.

Более того, я получил возможность отправить на родину содержательные архивы друзей и знакомых Александра Бенуа: художественного критика, мемуариста и поэта С. К. Маковского, писателей-сатириков Аркадия Аверченко, Тэффи, Дона Аминадо, литературное наследие Константина Коровина. И все же среди остающихся во Франции архивов деятелей русской культуры первое место по богатству содержания принадлежит архиву Александра Бенуа. Что же касается его живописных и графических работ, хранящихся на парижской квартире, где он еще недавно жил и творил, то они исчисляются многими сотнями.

Знакомство с архивом и художественным наследием Бенуа оставило во мне неизгладимое впечатление еще и потому, что я был заочно знаком с Александром Николаевичем и даже, смею сказать, душевно с ним подружился, несмотря на то, что он был почти вдвое старше меня. На протяжении последних лет его жизни мы переписывались, и его письма, лежащие передо мной, свидетельствуют о том, какие добрые, сердечные отношения могут возникнуть между людьми, которым так и не довелось увидеть друг друга воочию.

Я не собираюсь — да и невозможно — охарактеризовать в этих очерках все созданное Александром Николаевичем за тридцать четыре года (1926—1960), прожитые им за рубежом,— оно почти необъятно. Мне хочется рассказать лишь о выполненных за этот период иллюстрациях к Пушкину и о двух картинах на сюжеты великого поэта.

Дочь А. Н. Бенуа, Анна Александровна Черкесова, отнеслась ко мне с исключительной доброжелательностью и вниманием и согласилась на мою просьбу отправить на родину для издания и передачи в один из наших музеев папку с 44 акварелями и рисунками к «Капитанской дочке», над которыми Александр Николаевич работал в 1945 году. Затем я получил авторский оттиск цветной композиции на тему «Сказки о Золотом Петушке», исполненной художником в 1927 году, когда в Гранд-Опера в Париже была поставлена опера Римского-Корсакова в декорациях Александра Бенуа. В конце 1920 годов в Авиньоне был найден автограф стихотворения Пушкина «Гусар»; в связи с публикацией этого автографа художник исполнил три рисунка к нему, в том числе цветной фронтиспис — подлинный шедевр книжной графики. Наконец, в 1929 году Бенуа написал картину «Наводнение в Петербурге в 1824 году», а на закате жизни, в 1959 году, он довершал работу над картиной «На берегу пустынных волн...» — обе были навеяны «Медным Всадником».

Все эти работы Александра Николаевича у нас неизвестны.

II

Александр Бенуа — очень яркое явление в истории русской культуры. У него как иллюстратора Пушкина не было соперников, а это значит, что ему принадлежало едва ли не первое место в ряду художников книги. К тому же это был один из наиболее тонких и блистательных исторических живописцев в России — мы уже не говорим о пейзажах Бенуа, набросках с натуры, которым могли бы позавидовать самые прославленные мастера. И его с полным основанием называли создателем современной театрально-декорационной живописи.

Ко всему этому надо добавить, что Александр Бенуа посвятил художественной критике едва ли меньшую часть своей жизни, чем труду живописца, так как в многочисленных статьях систематически откликался на интересные явления в различных областях искусства, и не только изобразительного, но и архитектуры, театра, музыки, кино, фотографии. Подавляющая часть этих статей до сих пор не утратила живого интереса. Наконец, перу Бенуа принадлежат углубленные исследования по истории отечественной и зарубежной живописи.

Многосторонняя деятельность Александра Бенуа и его товарищей по объединению «Мир искусства» с давних пор и до последнего времени подвергалась резким нападкам и поношениям, в большинстве своем необоснованным. И это нанесло немалый урон их творческим замыслам и практике. Вот что говорил по этому поводу сам Бенуа, имея в виду себя и товарищей: «...попав в ужасную передрягу, в какой-то ливень плевков, в какой-то грохот смеха и издевательств, им так и не удалось дать все то, что они несли, с братской любовью нести — на радость ближним». Это чувство глубокого неудовлетворения и большой горечи не покидало Бенуа до самого конца его долгой жизни. Рассуждая о том, как предстанет перед потомками его творчество, он писал мне 31 августа 1957 года: «Сколько под всем этим недоразумений, кривотолков, непонимания».

Слова эти, отдающие болью сердца, относились не только к далекому прошлому, но и к более поздним оценкам явлений искусства с вульгаризаторских позиций. Бенуа будто чувствовал, что и завтра могут прозвучать такие, казалось бы, отжившие и оставившие по себе позорную память суждения о «Мире искусства» и его собственном творчестве. Горькую обиду должно было вызвать у маститого художника то, что он прочел в 1958 году, уже на исходе жизни, в книге А. Михайлова, посвященной М. В. Нестерову. Желая «оправдать» самый факт участия Нестерова в этом объединении, А. Михайлов писал: «... «Мир искусства» привлек сочувствие... лозунгами свободы искусства. Реакционные основы эстетики руководящей группы «Мира искусства» тогда еще не всем были ясны... Кроме того, «Мир искусства»

Продолжение. См. №№ 47, 49.

Александр Бенуа. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» ПУШКИНА. **1945 год.**

Воспроизводится впервые.

Александр Бенуа. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» ПУШКИНА. 1945 год. **Воспроизводится впервые.**

объявил себя сторонником всех новых исканий». Сказано это без малейших доказательств. Тем не менее спустя два года и почти через год после смерти Бенуа М. Эткинд дословно привел эту мысль в качестве собственной в книге о Б. М. Кустодиеве — также деятельного участника объединения «Мир искусства»: «Реакционное содержание такой эстетики было понято не сразу и не всеми: привлекал лозунг «свободного искусства», тем более что «Мир искусства» критиковал официальную живопись и академизм, объявляя себя сторонником новых исканий». Но еще больше, чем этот плагиат (а в книге о Кустодиеве фактов плагиата немало!), возмущает пренебрежение, с каким М. Эткинд говорит о произведениях «мирискуссников», и прежде всего Александра Бенуа, пытаясь доказать, что Кустодиев, войдя в это объединение, являлся чужеродным телом.

Диаметрально противоположны оценки, даваемые объединению «Мир искусства» и Александру Бенуа, его большой роли в интеллектуальной жизни страны выдающимися творцами советской культуры А. М. Горьким, А. В. Луначарским, К. С. Станиславским, мнение которых разделяли многие другие прославленные деятели. Так, обращаясь к Бенуа в 1922 году с просьбой помочь «ознакомить Европу с подлинным и чистым русским искусством», к которому он явно причислял и произведения Бенуа, Горький писал ему: «Вы основоположник и создатель целого течения, возродившего русское искусство». А за год до этого А. В. Луначарский выступил в печати со следующим утверждением: «...главным отрядом нашего изобразительного искусства является центр, идущий от тонких европейцев, сорганизовавшийся вокруг так называемого «Мира искусства», центральной фигурой которого, как теоретик, историк, эстет и художник, является одна из самых приятных и культурных фигур России — А. Н. Бенуа».

Что же касается К. С. Станиславского, очень близко знавшего Бенуа, так как они вместе работали над созданием ряда спектаклей в Московском Художественном театре, то великий реформатор сценического искусства не только дал в 1925 году в своей знаменитой книге восторженный отзыв о бесчисленных талантах Александра Николаевича, но и назвал его «первоклассным художником». Да и в своих письмах тех лет Станиславский вспоминал «гениального Бенуа».

III

Еще в недавние времена мастеров круга «Мира искусства», и прежде всего Александра Бенуа, некоторые малосведущие искусствоведы неизменно зачисляли в ряды «чужаков России», ярых врагов реалистического искусства. Все это глубоко неверно. Правда, Бенуа, откликаясь на многие явления художественной жизни родной страны, иногда допускал ошибки. Бывали случаи, когда он не смог в полной мере оценить значение современных ему исторических событий. Но и за рубежом он всегда оставался подлинным патриотом.

А в годы, когда реакция преследовала все прогрессивное, Бенуа мечтал о грядущем расцвете русской культуры. Так, в 1906 году появилась его статья, в которой он требовал от власть имущих предоставления широкой возможности «русскому искусству развиться вполне и в будущем русской истории сделаться достойным той грандиозной культуры, которая грядет с неудержимой стремительностью и которая призвана просветить и утешить не только наше отечество, но и остальной дряхлеющий мир, вся надежда которого именно обращена к нам, русским».

Со времени расцвета своего таланта Александр Бенуа неизменно выступал как страстный поборник реалистического искусства. Уже в 1910 году он публикует статью, где решительно выступает «за бодрый и здоровый реализм — лучшее во все времена питание искусства», продолжающий «существовать и процветать в России». И это говорится в те времена, когда не только за рубежом, но и в России едва ли не каждое объединение художников левого направления начинало свои манифесты ниспровержением реалистических основ искусства — это была их «первая заповедь».

А еще за пять лет до этого, во время первой революции, Бенуа писал о великом значении труда народа в создании художественных ценностей в России: «Искусство есть величайшая демократическая сила в лучшем смысле слова, ибо оно все сложилось народными силами... Оно есть произведение народа, и оно создано для народа... Как раз люди, вышедшие из деревни, из городских трущоб, создали весь тот блеск, всю ту красоту, которые составляют неувядаемую прелесть минувших столетий».

И как бы полемизируя со своими ранними воззрениями и начисто отвергая их, Александр Бенуа в 1915 году решительно заявляет: «Нет ничего вреднее для искусства, как проведение во всех его выводах нежизненной теории искусства для искусства».

А. Н. Бенуа принадлежит основная роль в организации художественных выставок «Мира искусства», участниками которых были его друзья и единомышленники: Серов, Врубель, Константин Коровин, Левитан, Грабарь, Нестеров, Рерих, Добужинский, Бакст, Рябушкин, Сомов, Головин, Яремич, Малявин. Благодаря великолепному умению Александра Николаевича быстро распознать настоящий талант получили возможность показать свои произведения на этих выставках такие замечательные мастера последующих поколений русских художников, как Лансере, Петров-Водкин, Сапунов, Кустодиев, Билибин, Остроумова-Лебедева, Серебрякова, Борис Григорьев, Александр Яковлев, Шухаев, Черкесов, Бушен, Митрохин, Чехонин, Верейский, Радлов. И в творческой жизни каждого из них он сыграл большую роль.

К чести Бенуа, он должным образом умел оценить талант и тех молодых художников-новаторов, искусство которых, казалось бы, не должно было прийтись ему по душе. Так, например, он был одним из первых, выступивших в русской печати с высокой оценкой таланта молодого Марка Шагала... И таких примеров можно было бы привести не один десяток.

Упоминая об «исключительном педагогическом даре» Александра Николаевича, о его влиянии на молодежь, А. П. Остроумова-Лебедева говорит и о других его редчайших качествах: «Обладая феноменальной памятью, он все свои знания претворял своим исключительным умом. Ум его был творящий и творческое начало неистощимо... Быстрота восприятия у него была изумительная... Жизнеспособность его была безгранична. Неутомимость удивительная... Влияние Александра Николаевича на меня было громадно. Это особенно было для меня ощутительно потому, что совпало со временем моих исканий, сомнений, когда художник из ученика должен стать художником-творцом, знающим, что ему **надо** делать и **как** делать».

Вот еще одно свидетельство выдающегося мастера русской живописи, получившего всемирное признание в качестве декоратора, М. В. Добужинского. Рассказывая о своем знакомстве в начале века с А. Н. Бенуа, увлеченным в ту пору театром, он пишет: «Я не мог еще думать, что в будущем театр займет такое место в моей жизни, но Бенуа задолго до этого первый приоткрыл мне как художнику завесу в этот пленительный мир». В тех же своих воспоминаниях Добужинский называет Бенуа «человеком невероятно богатой культуры, одним из самых замечательных людей».

Такого рода признаний о благотворной роли Бенуа в становлении многих художников, занявших впоследствии видное место в русском изобразительном искусстве, можно привести немало.

IV

В 1926 году в силу ряда обстоятельств А. Н. Бенуа поселился в Париже. О том, почему он и его семья «здесь застряли», Александр Николаевич писал Горькому 16 мая 1929 года: «С необходимостью мне здесь остаться согласился и Анатолий Васильевич [Луначарский] в той беседе, которую я имел с ним года два назад». Затем этого всемирно признанного мастера декорационной живописи совершенно поглотила работа для театра — художник на протяжении последней трети своей жизни занимался в основном исполнением эскизов декораций и костюмов для балетных, оперных и драматических спектаклей по заказам лучших театров Парижа, Рима, Лондона, Вены, Нью-Йорка, Монте-Карло, Копенгагена, Милана, Буэнос-Айреса. Наступала старость,— когда завершилась вторая мировая война, Александру Николаевичу уже исполнилось семьдесят пять лет. Но до последних дней жизни все его помыслы были о родной стране, о ее культурном процветании, о дальнейших путях развития русского изобразительного искусства. Связей с Россией он никогда не порывал, пытливо следя за развитием советской культуры, и особенно за новыми работами живописцев, графиков, скульпторов, историков искусства, восторженно откликаясь на все, что считал талантливым.

9 февраля 1960 года, за несколько недель до своего девяностолетия, Александр Николаевич Бенуа скончался в Париже.

В связи с этой утратой журнал «Искусство» в № 5 за 1960 год поместил некролог «Памяти А. Н. Бенуа», в котором говорилось о большом вкладе, внесенном им в русскую художественную культуру. Теплым словом помянули Александра Николаевича в статье «Высокое призвание писателя», напечатанной в текущем году в № 14 журнала «Коммунист». Выступая против тех, кто теоретически оправдывает последовательный субъективизм, открывающий дорогу воинствующему индивидуализму, Сергей Михалков приводит далее в этой связи «слова одного художника», в которых резко осуждаются подобного рода тенденции, и говорит: «Не ищите этой цитаты в произведениях нашего современника. Это слова старого русского художника Александра Бенуа, сказанные шестьдесят лет назад (см. «Золотое руно» № 2, 1906 год). Но слова эти актуальны и поныне. Они довольно ясно выражают чувство художников, которым дороги судьбы искусства».

Мы в неоплатном долгу перед А. Н. Бенуа: до сих пор нет работы, выполненной на должном научном уровне, которая была бы посвящена его многообразной деятельности в самых различных областях русской культуры.

V

В течение всей жизни Бенуа Пушкин был для него подлинным кумиром. Александр Николаевич не только без конца перечитывал своего любимого писателя, но и как художник не переставал вдохновляться его произведениями. Работы Бенуа в этой области ознаменовали собой новый этап развития русской графики, как бы стремительный рывок вперед по сравнению с тем уровнем посредственности, на котором вплоть до столетнего юбилея со дня рождения поэта оставались почти все иллюстрации к пушкинским произведениям. Подавляющая часть рисунков и картин Александра Бенуа на пушкинские темы отмечена сверкающей виртуозностью.

А сколько душевно-трепетных строк посвятил Бенуа Пушкину в своих выступлениях в печати, в своих письмах! В 1915 году он вместе со Станиславским поставил на сцене Московского Художественного театр «Пушкинский спектакль» («Моцарт и Сальери», «Каменный гость» и «Пир во время чумы»). В связи с этой постановкой Бенуа напечатал две статьи. В первой из них есть такие строки: «Пушкин тем и «Пушкин», что он целый мир, что грани в нем без числа... Пушкин — родник, из которого берут свое начало все величайшие реки русского словесного искусства». А во второй статье Бенуа пишет: «Мне «легкость» Пушкина казалась величайшей прелестью, самой улыбкой его поэзии, самой пряностью его аромата, очаровательнейшим «тоном» его речи».

Со всей свойственной ему категоричностью, когда дело касалось самых сокровенных взглядов маститого художника, он не уставал утверждать, что личность Пушкина «для русских олицетворяет некую вершину человеческого духа». В письме Бенуа к известному советскому искусствоведу А. Н. Савинову, написанном 12 октября 1956 года, говорится: «Я... назвал бы в качестве своего идеала обожаемого мною Пушкина. При всем несомненном и горячем патриотизме, Александр Сергеевич не замыкался в нем, но с великим вниманием следил за

А. Н. Бенуа у своей картины «На берегу пустынных волн...» (фотография была сделана в 1959 году, когда художнику исполнилось 89 лет).

всем, что появлялось замечательного где бы то ни было. И вовсе он не считал нужным это скрывать!»

На закате жизни, надписав живущему в Париже превосходному знатоку русского искусства С. А. Белицу экземпляр издания «Пиковой дамы», украшенного своими иллюстрациями, Бенуа так отозвался о самом произведении: «Чудесная повесть Александра Сергеевича, пленившая меня с самой ранней моей юности». А на оборотной стороне своей картины «Наводнение в Петербурге в 1824 году», передавая ее в декабре 1952 года видному деятелю французского балета С. М. Лифарю, художник написал, что рассматривает ее «как свидетельство нашего общего преклонения перед великим Пушкиным».

Александр Бенуа, видимо, долго вынашивал мечту выступить в качестве иллюстратора произведений наиболее чтимого им писателя. Но из присущей ему скромности он долго откладывал осуществление этого сокровенного замысла. Только в 1898 году он принялся за работу, получив от издателя П. П. Кончаловского приглашение участвовать в иллюстрировании пушкинского юбилейного издания (к участию в этом издании были привлечены не только уже известные, но и начинающие художники). Бенуа успел закончить только два рисунка к «Пиковой даме», которые и появились в трехтомнике. Работа воодушевила молодого художника, и, когда вскоре культурные круги России стали готовиться к тому, чтобы отметить двухсотлетие основания Петербурга, Бенуа приступил к созданию большой серии иллюстраций к «Медному Всаднику».

За неделю до кончины — 1—2 февраля 1960 года — художник писал А. Н. Савинову: «С самых юных лет, когда только я впервые познакомился с творением Пушкина, именно эта поэма особенно меня пленяла, трогала и волновала своей смесью реального с фантастическим... Что же касается до «этапов» создания иллюстраций, то я сразу решил, что я буду идти «строфа за строфой»: я очень всегда любил такое «построчное» иллюстрирование как в иностранных (немецких, французских и английских) изданиях, так и в русских».

Здесь необходимо вкратце остановиться на том, как А. Н. Бенуа определял задачи иллюстратора. Еще в 1910 году в превосходной статье, посвященной книжной иллюстрации, он писал: «Графику можно рассматривать двояко: или как иллюстрацию, или как украшение. И то и другое должно непременно **служить** делу книги, а не играть самостоятельной роли. И вот поэтому важно, чтобы иллюстратор-график строго экзаменовал себя, находит ли он в своей душе живые, ценные комментарии к иллюстрируемому произведению, понимает ли он его, и если окажется, что он не понимает, так сказать, не может «увидать» изложенное в ясных и определенных образах, то он обязан отказаться от дела».

Как все это современно! Следовало бы вывесить плакат с этими словами во всех художественных отделах наших издательств. Может быть, сократился бы тогда выпуск книг, иллюстрации которых навевают беспросветную тоску, поскольку они «ни к селу, ни к городу».

В статье подробно изложены мысли Бенуа и его отношение к задачам книжной иллюстрации: «Но даже тогда, когда художник призван только **украшать** книгу, он обязан помнить об ее целостности, о том, что его роль подчиненная и что она может стать прекрасной и образцовой только в случае, если ему удастся создать красоту в этом подчинении, в этой гармонии». И заканчивая статью, он, обращаясь к подлинным мастерам искусства, пишет: «Их только я и призываю к тому, чтоб они отказались от свойственного нашему времени дилетантизма и помогли создать новое цельное искусство книги, новую графику, которая была бы и живая, и яркая, и простая, но которая вязалась бы со значительностью печатного слова, была бы не помехой его уразумения, а его тонким ароматом, его красивым отражением».

И если кто подумает, что Бенуа имеет в виду эстетское украшательство, бездушную красивость, тот, безусловно, ошибется. Как бы предотвращая возможность такого примитивного понимания задач художника книги, Бенуа в другой своей статье — 1916 года — решительно заявляет: «Бывают иллюстраторы — уборщики книги... Их личного отношения к жизни и не увидишь. Зато масса грации, внешнего вкуса, такта. Но бывают и такие иллюстраторы, которые на страницах книги пишут свои прозорливые комментарии или которые слагают рядом с поэзией текста свои собственные поэмы. Они получают как бы лишь благословение на выступление от иллюстрируемого автора, в сущности же обладают независимой, полной и в себе заключенной творческой силой».

Когда художественная критика Запада в 1930-х годах открыто выступала против иллюстраций, выполняемых реалистически, Бенуа, бросая вызов поклонникам моды на украшение книги рисунками, не имеющими прямого отношения к тексту, в специально написанной по этому поводу статье утверждал: «...повторю свое признание книжной иллюстрации как таковой и выскажу свою благодарность тем художникам, которые сумели пояснить иллюстрируемую ими книгу и создали, комментируя ее, ценнейшие целостности, не только не мешающие тому, что стоит в книге, но и являющиеся, в прекрасной гармонии с этим, источником неисчерпаемых наслаждений».

Акварели А. Н. Бенуа к «Медному Всаднику» показали его блистательным иллюстратором-поэтом. Именно эти два высоких слова он сказал по адресу одного из лучших русских художников книги, Е. Е. Лансере. И опять-таки вспоминаются чудесные слова Бенуа о том, что музыка рисунков бывает созвучной музыке стихов; слова эти были сказаны по поводу иллюстраций к «Евгению Онегину», исполненных М. В. Добужинским, его другом и соратником.

VI

Вернемся к иллюстрациям Бенуа к «Медному Всаднику». Как это нередко бывает с творениями, обогнавшими свое время на целые десятилетия, рисунки к «Медному Всаднику» были забракованы Кружком любителей русских изящных изданий, и в свет они появились в 1904 году в журнале «Мир искусства». Критика их ни в малой степени не оценила. Вот, например, категорическое суждение, которое Бенуа мог прочесть о себе в столичной газете в 1906 году: «У него нет ни единого зернышка фантазии и творчества... его неуклюжие иллюстрации, особенно к «Пиковой даме» и к «Медному Всаднику» — только пачкают создания Пушкина». Напечатал это на девятом десятке своей жизни и за несколько месяцев до смерти В. В. Стасов: он не сумел оценить нового явления русской художественной культуры.

Взыскательный художник и в последующие годы упорно продолжал работать над иллюстрациями к «Медному Всаднику». Несмотря на то, что спустя несколько лет первая сюита рассматривалась как триумф реалистического искусства, Бенуа еще дважды возвращался к ней. Сейчас не место для подробной характеристики этих листов. Скажем лишь одно: в многочисленных композициях художник охватывает такой широкий круг явлений, что трагическая судьба одного человека и весь окружавший его мир становятся близкими читателю и наново раскрывают перед ним жизненные коллизии поэмы.

Выдающиеся мастера русского изобразительного искусства высоко оценивали эту работу Бенуа. Вот мнение И. Э. Грабаря: «Лучшие создания Бенуа — его иллюстрации, а венцом их является «Медный Всадник», сверкающая жемчужина во всем его творчестве. Все иллюстрации к великим литературным произведениям страдают обычно одним существенным недостатком: они неизмеримо ниже оригиналов и неубедительны в своей трактовке персонажей данного автора. Можно представить себе их так, но можно вообразить и иначе — гораздо лучше и ближе к авторскому образу. Увидев рисунки к «Медному Всаднику» Бенуа, не можешь уже представить себе и пушкинских образов иначе».

И. Е. Репин, несмотря на яростные споры с Александром Бенуа, признавался: «...я очень люблю его иллюстрации к «Медному Всаднику» Пушкина, в них есть смелость и воображение». Любопытна запись от 18 февраля 1923 года в дневнике В. В. Воинова, друга и биографа Б. М. Кустодиева, свидетельствующая о том, как художник реагировал на только что появившееся превосходное издание поэмы с рисунками Бенуа: «...Борис Михайлович в восторге от издания, да и сами иллюстрации находит изумительно родственными тексту Пушкина».

В самые первые годы революции Горький в докладной записке по вопросу о художественной литературе для школ предлагал выпустить «Медного Всадника» и «Пиковую даму» с иллюстрациями Александра Бенуа. Осуществить это не удалось. И лишь в 1923 году было выпущено издание поэмы, готовившееся еще в дореволюционное время, когда в нем принимал деятельное участие Бенуа,— эта книга стала одной из любимейших русских книг.

В наши дни, в 1964 году, Гослитиздат выпустил это творение Пушкина и Бенуа массовым тиражом, который тотчас разошелся. Огромными тиражами выпускаются иллюстрации Бенуа к «Медному Всаднику» в виде открыток. Следует лишь пожалеть, что все это репродуцируется с издания 1923 года. Необходимо было бы выпустить новое художественное издание «Медного Всадника», в котором иллюстрации Бенуа были бы воспроизведены непосредственно с оригиналов, сохранившихся в нашей стране почти полностью (только два листа из них находятся за рубежом: один во Франции, другой в Чехословакии).

С чувством большого огорчения приходится констатировать, что до сих пор встречаются рецидивы вульгаризаторского отношения к замечательному творческому наследию Александра Бенуа. Пример тому — работа М. Эткинда «А. Бенуа», выпущенная в 1965 году Ленинградским отделением издательства «Искусство». В ней, в частности, оценивая вклад художника в книжную графику 1900-х годов, М. Эткинд называет его «откровенным стилизатором», завершая свое измышление о рисунках Бенуа начала века следующим, не слишком грамотным утверждением: «Это не более чем умелая стилизация под узоры барокко и рококо». Как будто и отдавая должное иллюстрациям к «Медному Всаднику» в целом, автор все же ищет в них «уязвимые места»: художник якобы «так и не освободился от элементов театральной напыщенности, некоторым рисункам недостает пластической ясности»; автор даже договаривается до того, что «не во всех рисунках сумел подняться профессионализм Бенуа-рисовальщика».

Здесь не место отмечать многочисленные недостатки книги М. Эткинда, их более чем достаточно. Конечно, неплохо, когда вчерашний хулитель «Мира искусства» и творчества А. Н. Бенуа, каким выступил тот же автор в книге о Кустодиеве, меняет свою ошибочную точку зрения. Но было бы лучше признать это открыто, а то когда подобного рода перемена взглядов происходит как бы невзначай, тогда, естественно, производит впечатление конъюнктурщины. Изобилующая произвольными и поверхностными суждениями и показывающая творческий путь художника вульгаризаторски, упрощенно, работа М. Эткинда не может в должной мере удовлетворить взыскательность читателя при том интересе к творческому пути Бенуа, который существует в наши дни.

Живя за рубежом, художник снова и снова возвращается к образам «Медного Всадника». Он и там не расстается со своей любимой темой. Две композиции из числа его иллюстраций к «Медному Всаднику» послужили как бы эскизами для созданных им в Париже двух замечательных картин: «Наводнение в Петербурге в 1824 году» и «На берегу пустынных волн...». Первая картина, как я уже сказал, принадлежит сейчас С. М. Лифарю. Любопытна фотография, изображающая престарелого художника с кистью в руке возле второй из этих картин; снимок сделан родственником Бенуа, Дж. Эдвардом, в 1959 году, за несколько месяцев до кончины Александра Николаевича. Я твердо верю, что недалеко то время, когда обе картины — в настоящем номере они воспроизводятся у нас впервые — займут почетное место в экспозиции наших пушкинских музеев. Смею думать, что сам Александр Николаевич не желал бы лучшей судьбы для этих своих произведений. Он был бы счастлив знать, что его творения, тем более на пушкинские темы, будут жить на Родине.

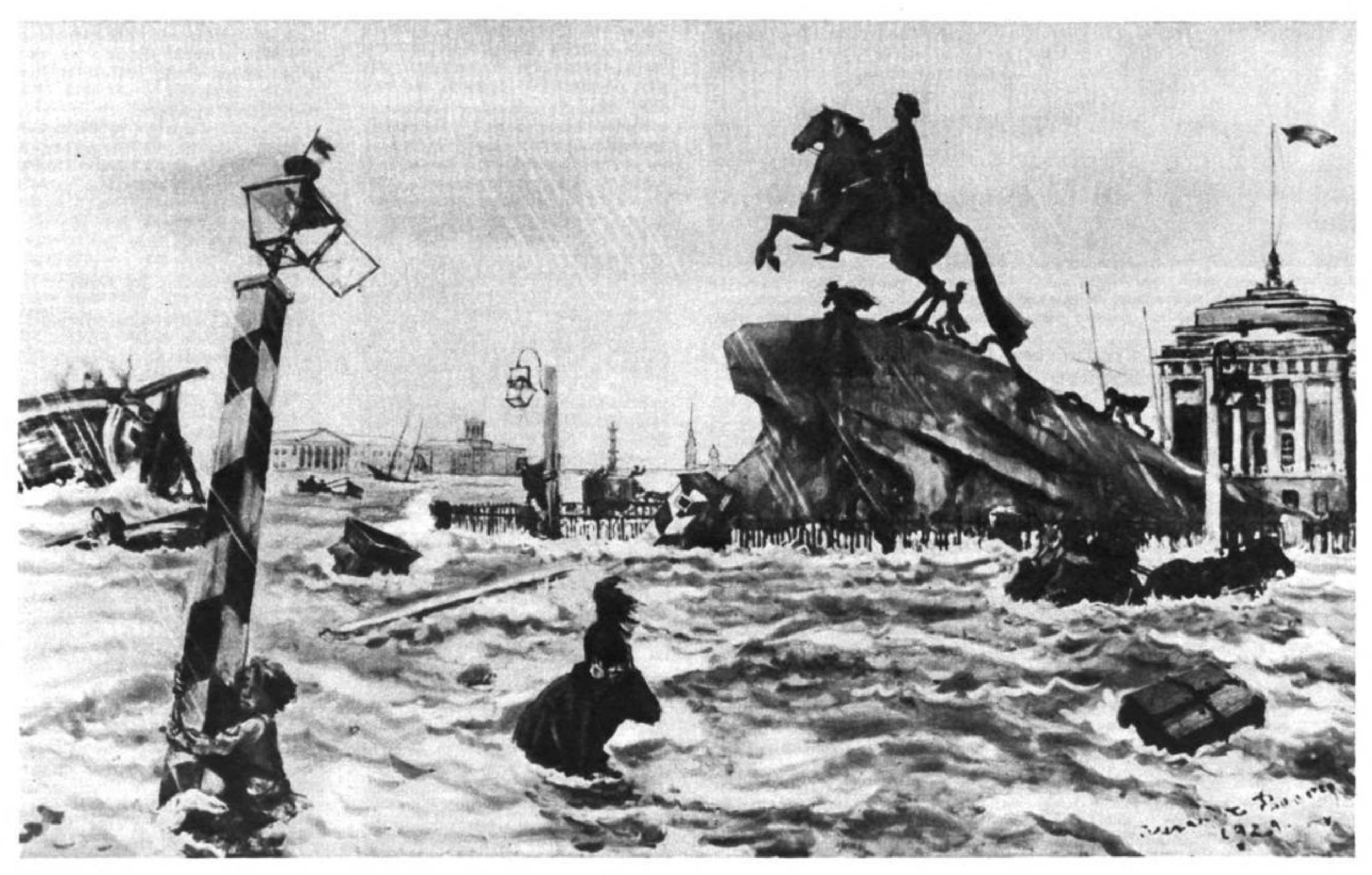
Я так подробно остановился на иллюстрациях Александра Бенуа к «Медному Всаднику» потому, что они и по сей день остаются вершиной русской художественной книжной иллюстрации и принадлежат к числу лучших образцов нашей графики.

Над иллюстрациями к «Пиковой даме» Бенуа работал неоднократно, каждый раз расширяя стоявшую перед ним задачу. «Пиковая дама» с цветными репродукциями акварелей Бенуа, великолепно оформленная типографией Голике и Вильборг и выпущенная в 1911 году,— одно из совершеннейших художественных изданий дореволюционной России. Все в этой чудесной книге Бенуа продумал до мельчайших деталей: превосходны не только большие иллюстрации на целую страницу, заставки и концовки, но даже эпиграфы для каждой главы полны остроумной выдумки. Оригиналы Бенуа настолько блистательны, что реализм этих работ увлек и Репина, который, противопоставив Бенуа другим участникам выставки «Мира искусства» в 1912 году, писал: «Его иллюстрации к «Пиковой даме» мне нравятся: у него есть воображение, есть вкус и чувство эпохи несомненное. Некоторые картинки, несмотря на малую величину... производят большое впечатление».

К «Капитанской дочке» Александр Бенуа возвращался три раза, причем самая капитальная сюита иллюстраций к ней была им выполнена в 1945 году. Но случилось так, что художник при жизни своей не увидел эту работу напечатанной. В настоящем номере впервые публикуются в красках два листа из этой сюиты. Подробно же об иллюстрациях к «Капитанской дочке» пойдет речь в одном из следующих очерков. Там же я расскажу об иллюстрациях к пушкинскому стихотворению «Гусар», а также к «Сказке о Золотом Петушке».

Хотя жизненные обстоятельства затрудняли художнику занятия книжной графикой, так как много сил и времени уходило на работу для театра, которая одна только и кормила его и семью, все же творческая мысль Александра Николаевича вновь и вновь возвращалась к шедеврам родной литературы, и он с глубоким благоговением и воодушевлением работал над их иллюстрированием. Но на Западе в издательском мире не оказалось в те годы никого, кто был бы способен понять и оценить прозу Пушкина и искусство Бенуа...

В последние годы жизни за рубежом Бенуа-художник ощущал трагическое одиночество. Лишь теперь его произведения, любовно воссоздающие образы национальной истории и литературы, возвращаются на родину, появляются в печати, украшают экспозиции музеев и становятся таким образом достоянием его соотечественников — советских людей.

Картина А. Н. Бенуа «Наводнение в Петербурге в 1824 году» (1929).

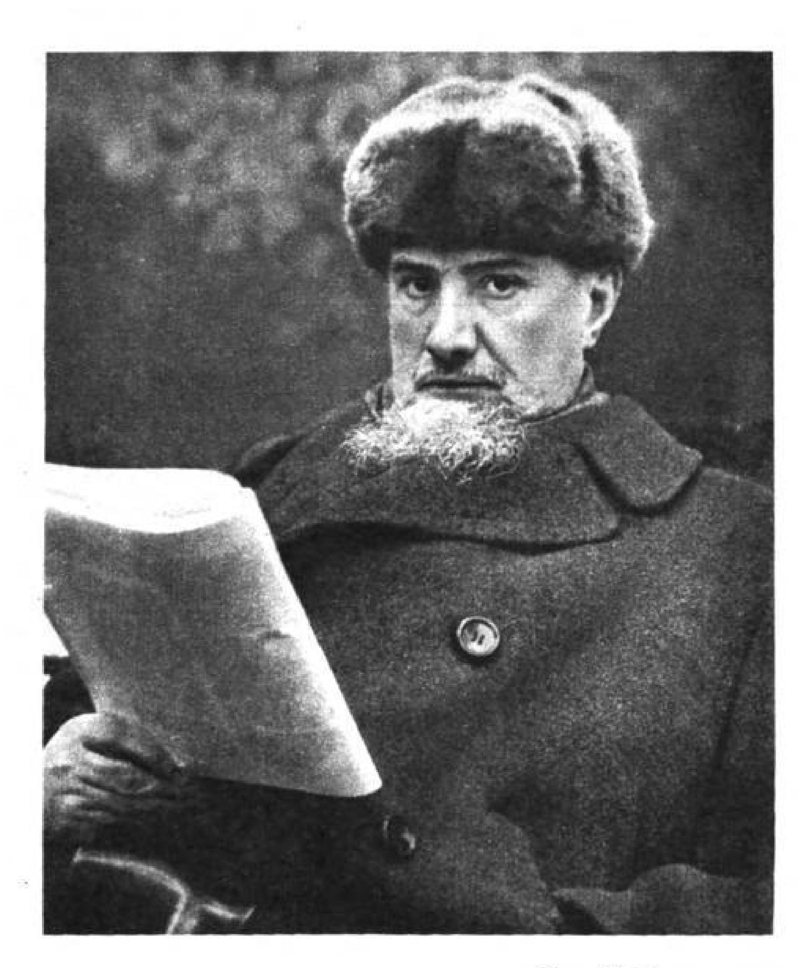

Фото Д. Переверзева.

БУШУЕТ АТОМНОЕ ПЛАМЯ...

Двадцать лет назад, в предновогоднюю ночь 25 декабря 1946 года, в нашей стране был пущен первый атомный реактор.

Об этом событии рассказывает П. АСТАШЕНКОВ, автор книги об И. В. Курчатове.

* * *

Есть в истории нашей науки звездные пики — вершинные свершения. К ним, бесспорно, относится легендарная эпопея высвобождения энергии атомного ядра.

В армии ее участников было много мудрых и мужественных бойцов. Возглавлял их Игорь Васильевич Курчатов. Это по его инициативе четверо советских ученых еще в августе 1940 года обратились с предложением в Президиум Академии наук немедленно начать практические работы по высвобождению энергии атомного ядра. Это письмо имеет такое же историческое значение, как и известное обращение Альберта Эйнштейна к президенту США Ф. Рузвельту о возможности использования атомной энергии.

«КАК ВЫ ДЕЛАЕТЕ АЛМАЗЫ?»

...Шел июль 1943 года. В тихом переулке в Замоскворечье обосновалась лаборатория И. В. Курчатова. Игорь Васильевич четко определил цель: работать над уран-графитовой системой реактора.

Графит служил для замедления нейтронов, чтобы они легче «раскалывали» ядра. Но замедлитель ни в коем случае не должен был сильно поглощать нейтроны. По расчету Курчатова, сечение захвата нейтронов графитом не могло превышать очень малую величину — $3 \cdot 10^{-27}$ см^2. Реально ли такое сечение? Курчатов утверждал: да! Как стало теперь известно, ученые фашистской Германии на тот же вопрос ответили отрицательно. Это во многом и определило их неудачу. Запомним же цифру, названную И. В. Курчатовым,— она будет нам ориентиром.

— Но где мы найдем такой чистый графит? Да и урана у нас еще нет,— волновались сотрудники.

Через несколько дней Игорь Васильевич предупредил И. С. Панасюка, только что отозванного с фронта:

— Едем смотреть графит.

И вот они на заводе, делающем электроды для производства алюминия. Познакомились с технологией, захватили с собой несколько образцов.

В подвале дома на Пыжевском было сооружено устройство, измеряющее сечение захвата нейтронов графитом. Сама способность к захвату зависит от того, насколько чист графит. После испытаний графита, привезенного с завода, Игорь Семенович Панасюк сказал Курчатову:

— Эти образцы относятся к нейтронам, как голодные волки к ягнятам.

Игорь Васильевич (разговор шел в его кабинете) не был удивлен, он ждал такого результата — ведь никакой специальной обработки этот графит не проходил, а для электродов он в самый раз.

— Будем искать, где только можно, графит почище.

На одном из заводов обнаружили около 5 тонн более чистого графита. Вывезли его в лабораторию на Пыжевский. Но измерения опять показали, что и этот графит для реактора не подходит.

Игорь Васильевич собрал специалистов. Решили, не полагаясь более на удачу случайных поисков, сформулировать свои требования промышленности. В конце 1943 года были разработаны условия, очень жесткие для производства. Достаточно сказать, что примесь бора в графите не должна была превышать миллионных долей, а редких земель и того меньше.

Удовлетворить эти требования промышленность, конечно, сразу не могла. Надо было прежде технически и технологически перестроить производство, чтобы обеспечить небывало строгую очистку графита. Нужны были люди, способные произвести буквально революцию в этом деле. И такие люди нашлись. Это были — Владимир Владимирович Гончаров и Николай Федотович Правдюк. С Правдюком Игорь Васильевич вместе учился в Крымском университете и знал его как специалиста по электрометаллургии, одного из талантливых учеников академика Байкова. Разыскал Правдюка он с помощью... радиовещания.

Как-то передавался Указ о награждении орденами работников танковой промышленности. Упоминался Правдюк Николай Федотович. Срочно был найден адрес, награжденному полетела приветственная телеграмма от друга юности.

И вот свиделись друзья юности, не слыхавшие ничего друг о друге несколько лет. В эти «несколько лет» вместилось столько всего, что и не рассказать.

— После чая,— предупредил Игорь Васильевич,— будет особый разговор к тебе.

Действительно, они уединились, и Игорь Васильевич спросил Николая Федотовича, не пошел бы он к нему помогать в трудном деле, близком к его специальности.

— Я бы рад,— ответил Правдюк.— Но ведь война не кончилась. Меня не отпустят. Скажут: научный работник и в институте боеприпасов нужен.

— И у нас фронт, и у нас битва!

Договорились, что Курчатов начнет хлопотать.

Завод, который должен был дать графит, старался приблизить технологию к требованиям института. Туда ездили Курчатов и Гончаров, ходили по цехам, беседовали со специалистами. Вскоре подключился к этой работе и Н. Ф. Правдюк. Почти каждый день он рассказывал Игорю Васильевичу о том, как идет дело. Тот слушал, уточнял, советовал, записывал, что они решили предпринять.

В одну из таких бесед Николай Федотович рассказал, как в дирекции завода обсуждались требования института к чистоте графита. Директор говорит: «Некоторые у нас встречают ваши требования в штыки. А мы сами не понимаем, для чего вам такая дьявольская чистота графита?»

— А что я мог ему ответить? — улыбается Правдюк.

Курчатов, поглаживая бороду, соглашается:

— Безусловно, звонить в колокола мы не можем.

— На этой почве,— продолжает Правдюк,— произошла даже курьезная история. Ко мне на заводе подошел инженер и говорит: я понимаю важность жестких требований. Но скажите, каким методом вы делаете алмазы? Я всю литературу перечитал. Как вы создаете давление и каков выход продукции?

Постепенно требования института приживались на заводе.

И все же, когда стали испытывать графит, обнаружился брак. Пришлось срочно создавать на заводе специальную лабораторию. С Урала вызвали одного из лучших специалистов, чтобы он возглавил заводские испытания. Графит пошел лучше.

Курчатов вздохнул облегченно: доброе начало. Но предупредил: темпов не снижать, графита только для первого реактора нужно несколько сот тонн.

ЗНАКОМЬТЕСЬ, УРАН

Если по теоретическим расчетам графита требовалось сотни тонн, то урана несколько меньше — до 50 тонн. Но от этого проблема обеспечения ураном не становилась легче. Цепь предприятий, от которых зависело поступление продукта высокой чистоты, начиналась с рудника, где добывалась урановая руда, проходила через обогатительные фабрики и заводы металлического урана. Процесс производства осложнялся тем, что содержание примесей в нем не должно было превышать миллионных долей. Особенно нетерпимы бор, кадмий, индий, редкие земли.

Как только был получен уран в виде металлических слитков, порошка и окиси, начались интенсивные исследования.

Еще никогда в распоряжении Игоря Васильевича не было металлического урана. Когда была получена первая партия, он вызвал сотрудников, ответственных за этот участок работы, и показал на запакованное богатство:

— Знакомьтесь, уран.

И не успокоился до тех пор, пока те, кому это было нужно,

действительно не стали с ураном на короткую ногу. А то, что малейшее незнание опасно и не зря был так взыскателен Курчатов, подтвердил такой случай.

Один из подчиненных Панасюка, В. К. Лосев, производил в палатке измерения вторичных нейтронов. Вдруг вспыхнуло оранжевое пламя. Огонь моментально перекинулся на палатку, она загорелась. Присутствовавшие во главе с Лосевым боролись с пламенем. Одним из первых прибежал к палатке Курчатов:

— Водой не заливать,— властно командовал он,— засыпать песком...

Палатку спасти не удалось: сгорела дотла, все же остальное — а оно-то и представляло главную ценность — удалось отстоять. Комиссия из виднейших специалистов стала разбираться: кто же виноват? Оказалось: незнание. Это теперь в каждом учебнике можно прочесть о том, что порошкообразный металлический уран легко возгорается и при распылении в воздухе горит ярким пламенем. А тогда ведь никто об этом предупредить не мог...

Заводы стали регулярно присылать уран, хотя еще и небольшими партиями. Их немедленно проверяли на чистоту. Теперь это, как и физическое испытание графита, производилось в огромном помещении, названном СК — склад котла (реактора).

С самого начала наши ученые во главе с Игорем Васильевичем четко определили, что уран и графит не надо перемешивать. Было предложено применить решетку, состоящую из замедлителя с периодически вкрапленными в него кусками (блоками) урана.

В ходе опытов меняли сотни вариантов решеток, собирали призмы с поглотителем нейтронов. И каждый раз измеряли нейтронные потоки. Кропотливо делали расчеты. И после многодневной утомительнейшей работы убедились, что чистота урана... недостаточна! Надо же было случиться такому! Казалось, уже все налажено. Ученые забили тревогу.

Виднейшие химики во главе с академиком А. П. Виноградовым определили характер вредных примесей — редкие земли. Работники урановых предприятий сделали все от них зависящее, чтобы дать более чистый продукт. И они его дали.

ЧЕТЫРЕ СФЕРЫ

Истекали последние подготовительные месяцы.

В это время группа Панасюка по инициативе Игоря Васильевича решила сложить весь полученный для реактора графит и померить его сечение захвата нейтронов, так сказать, в полностью собранном виде. Вдруг оно превысит контрольную цифру, горевшую, как огонь, в памяти у всех? Не подставит ли графит ножку на последней финишной прямой?

Признаться, и Игорь Васильевич нервничал изрядно. Ведь чем ближе цель, тем обиднее была бы задержка.

Сложили графит в огромный куб. Каким будет суммарное эффективное сечение захвата нейтронов графита? Игорь Васильевич был тут же — хотел сам подвести итог многочисленным измерениям по партиям (всего было проведено 100 измерений порциями по пять тонн каждая). Мерили на этот раз несколько дней и ночей. Настала минута подсчета. Игорь Васильевич орудует логарифмической линейкой. И все видят, как он поднимает руку и говорит:

— Есть!

Понятно без слов. Сечение в норме. Выражаясь точнее, оно составляло $3{,}7 \cdot 10^{-27}$ на см^2, то есть было очень близким к тому ориентиру, которого держался коллектив. Весь графит, полученный с предприятий страны, был годен для реактора.

Под руководством Игоря Васильевича начали строиться последовательно четыре модели реактора: Сфера-1, Сфера-2, Сфера-3, Сфера-4. Когда была готова первая, на ней измерялась плотность нейтронов внутри сферы. На заранее приготовленной сетке Игорь Васильевич лично нанес первую точку будущей кривой предсказания того, при какой загрузке ураном и графитом реакция «пойдет».

Вторая сфера представляла уже весьма солидное сооружение. Люди спокойно возводили сферу без каких-либо устройств для остановки реакции. Так велика была уверенность в точности сделанного под руководством Игоря Васильевича теоретического расчета.

О готовности второй сферы докладывали Игорю Васильевичу. Стандартный источник, борная камера, золотые индикаторы были в готовности для контрольных измерений. Игорь Васильевич опять присутствовал при тщательнейших испытаниях этой сферы и опять собственными руками нанес точку на будущем графике.

Третья сфера строилась снова без стоп-стержней. Так назвали здесь стержни, способные сказать «стоп!» ядерной реакции. Точки на графике смещались все ниже. Из трех точек уже угадывается ход кривой, кажется, можно экстраполировать. Но Игорь Васильевич решает: делаем еще одну сферу, последнюю. На этот раз надо применить стоп-стержни. Безопасность прежде всего!

И вот новое сферическое сооружение готово.

Последняя точка легла на график. Пунктир, проведенный рукой Игоря Васильевича, уперся в горизонтальную ось. Отрезок этой оси от нуля до точки встречи с пунктиром показал, при какой загрузке урана и графита возможен критический режим. Кроме этого главного, определяющего итога, метод моделей дал людям навык в сборке, позволил рассортировать урановые блоки по сортам. Уран получше решено было размещать поближе к центру, уран похуже — у периферии.

Все этапы предварительной подготовки к сборке самого реактора фотографировались. Это была инициатива Игоря Васильевича.

— Для истории надо, для истории,— говорил он.

Но на предложения сфотографироваться «для истории» отвечал:

— Некогда, некогда сейчас, как-нибудь потом.

Это «потом» так и не наступило.

Предполагалось, что первый реактор будет существовать недолго — его разберут и отправят на объект для промышленного производства плутония. Поэтому особых затрат на защиту решено было не делать. Лучше всего углубить его в землю по возможности в точке, максимально удаленной от других зданий. Над бетонированной ямой для реактора шириной, длиной и высотой в 10 метров было выстроено одноэтажное серое здание с большими окнами.

ПУСК

Итак, наступил торжественный момент сборки реактора. Не было ни митинга, ни речей. Атомники скромно вершили свои триумфальные дела. На полу котлована под зданием реактора собрались участники постройки реактора.

— Начнем с кладки отражателя,— этими простыми словами начался исторический эксперимент.

Отражатель нейтронов выкладывался из того же графита. Он не должен был выпускать нейтроны наружу, а направлять их обратно в пекло реакции. Толщина его — 0,8 метра. Собрали этот первый слой на полу.

«Приступаем к активной зоне» — опять простые слова. В этой активной зоне, если все будет хорошо, скоро начнет полыхать «ядерное пламя».

На улице лютует декабрьская стужа, а здесь тепло, даже жарко. Люди увлечены работой, не замечают времени. Почти безотлучно здесь Игорь Васильевич.

Форма реактора была близкой к сферической. Теория утверждала, что в этом случае требуется меньше материалов. В графитовых кирпичах, из которых выкладывалась активная зона, имелись отверстия для похожих на гирьки цилиндриков урана диаметром 3—4 сантиметра.

Когда были положены первые слои, установили стержни для регулирования и остановки реакции. Счетчики нейтронов поместили в активную зону и присоединили к приборам. Параллельно от усилителя протянули провода к громкоговорителю. Он отмечал появление нейтронов щелчками. Только щелчки раздавались пока хаотически и нечасто. Попробовали при наличии лишь первых слоев поднять стержни. Всем хотелось, чтобы число щелчков хоть немного возросло. Но ничего не было. Некоторых это приводило в уныние. «Не получится с реакцией»,— вздыхали они. Игорь Васильевич оставался невозмутимым, лишь пощипывал бороду.

— Продолжим кладку.

Опять проба, опять подняли стержни. Но гула реакции в громкоговорителе снова не было. Так продолжалось 23 и 24 декабря. 25 декабря 1946 года, когда графитовая сфера была близка к завершению, Игорь Васильевич для контроля еще раз нажал кнопку подъема стержней. Присутствующие затаили дыхание. Дробь в громкоговорителе заметно нарастала, репродуктор заговорил скороговоркой пулемета:

— Ожил реактор! Осталось шесть слоев. Продолжаем кладку.

Когда положили, считая с фундаментом и отражателем, 62-й слой графитовых кирпичей, Игорь Васильевич с большими предосторожностями стал поднимать кадмиевые стержни.

В громкоговорителе — дробь. Замигали неоновые сигнальные лампы.

Игорь Васильевич решает еще выше поднять стержень, потом еще и еще. И с каждым разом все нарастает дробь громкоговорителя, световые вспышки сливаются в алое сияние.

И наконец сплошной гул. Бушует атомное пламя!

Игорь Васильевич бросился поздравлять товарищей. Грянуло приглушенное подземельем «ура!». Реактор пошел, они чувствовали, что у них в руках атомная энергия. Больше не стали задерживаться.

— Пойдемте теперь поработаем над собой,— сказал Курчатов, намекая на то, что можно и поспать.

Надо было отдохнуть. За четверо суток бессонной тяжелой работы они устали и только сейчас почувствовали это.

Впоследствии Игорь Васильевич так в одной из своих книг напишет об этом моменте: «Вспоминаю волнение, с которым впервые на континенте Европы мне с группой сотрудников довелось осуществить цепную реакцию деления в Советском Союзе на уран-графитовом реакторе».

Их было четверо в тот момент рядом с Игорем Васильевичем. Пусть Родина знает имена этих людей: И. С. Панасюк, А. К. Кондратьев, Б. Г. Дубовский, Е. Н. Бабулевич.

Игорь Васильевич шагал по запорошенной снегом дорожке от здания реактора и, не отворачиваясь от сильного ветра, упруго бившего в лицо, думал о том, что вот и завершились сегодня многолетние поиски заветной цели.

И тут вдруг по какой-то непонятной связи в памяти воскрес веселый вечер отдыха в Ленинградском физико-техническом институте еще до войны. Каждому сотруднику глава института Абрам Федорович Иоффе дарил шутливый символический подарок. Вызвали Игоря Васильевича. Абрам Федорович приготовил ему воздушный шарик на ниточке с надписью «Ядро атома». В зале понимающе заулыбались. Но только было Игорь Васильевич хотел схватить ниточку, Абрам Федорович отпустил шарик. Игорь Васильевич машинально сделал движение достать ниточку. Но где там! Шарик улетал от него неудержимо. Шутка имела успех...

«А теперь-то я шарик зацепил»,— подумал с удовольствием Курчатов, входя в новый свой дом, который ему специально построили на территории института.

...Несколько дней Игорь Васильевич и его сотрудники изучали, как лучше управлять реактором, выясняли его свойства. Реактор имел надкритичность, то есть превышение над критическим режимом, всего 0,0007. Был он поэтому очень безопасным в обращении. Его мощность возрастала сравнительно медленно, чтобы она удвоилась, например, нужно было несколько минут. Аппаратуру управления реактором разрабатывали и изготовляли прямо здесь же, в мастерской института, и она служила безотказно.

Одновременно проводились опыты по действию излучений реактора на животных. Кролики и собаки и здесь жертвовали своей жизнью ради науки. В дальнейшем на основе этих экспериментов получила развитие радиобиология.

Теперь был окончательно выяснен механизм цепного процесса. Менее чем через год после пуска первого реактора Советское правительство на весь мир заявило о том, что секрета атомной бомбы уже не существует. Советский Союз получил ключи к тайнам атомной энергии.

Это и есть Советская власть

В дорогу позвала книга

Ю. КРИВОНОСОВ

«В апреле 1955 года на совместном заседании правления колхоза и педагогического совета школы было принято решение о создании ученической производственной бригады. Колхоз выделил бригаде участок земли в 22 га, сельскохозяйственную технику и автомашины...»

Ученики орденоносной Григориполисской школы осваивают мощный «Кировец».

По-разному воздействуют книги. Одна вызывает желание подражать ее героям, другая заставляет с ней поспорить, третья рождает серьезные думы, размышления... А вот эта книга позвала в дорогу. С виду она вроде совсем неприметная, и название звучит плакатно, и картинки-то в ней нет ни одной... А ведь зря картинок нет! Об интересных вещах она рассказывает так, что очень хочется посмотреть на все это. Словом, привела нас книга в станицу Григориполисскую, на Ставропольщине, в колхоз «Россия», и мы попытались с помощью фотоаппарата проиллюстрировать некоторые строки издания. А называется книга так: «Колхоз — школа коммунизма для крестьянства»,— и выпущена она издательством «Мысль». Авторов много — целый коллектив ученых, проводивший комплексное социальное исследование колхоза «Россия».

«...Софья Матвеевна Булина — одна из самых уважаемых тружениц колхоза...

— В колхозе,— рассказывает она,— я нашла свое настоящее счастье... Колхоз помог построить мне кирпичный дом из четырех комнат, с кухней и верандой, есть свой сад, большой двор. И работать в колхозе — одно удовольствие...»

Можем добавить, что Софья Матвеевна за свой труд награждена двумя орденами — Трудового Красного Знамени и орденом Ленина. Первый свой орден она получила в 1938 году из рук М. И. Калинина.

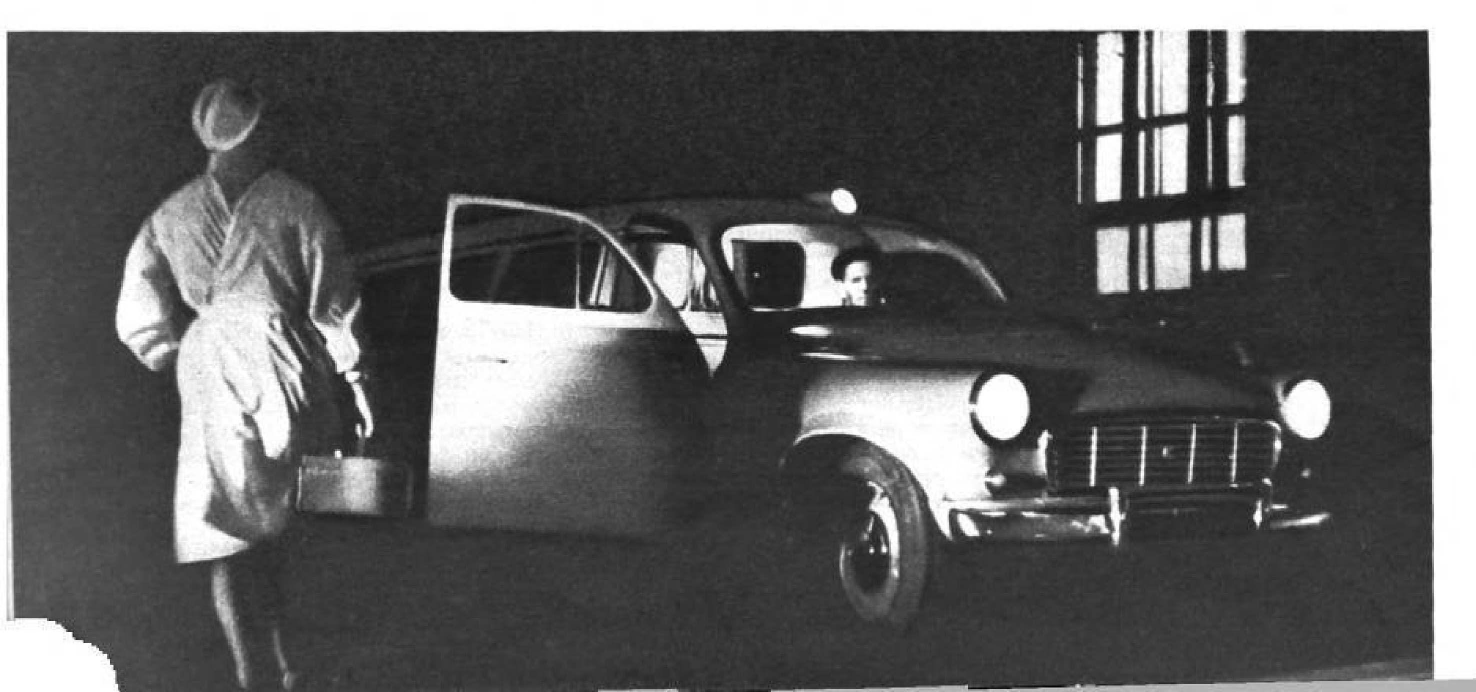
«Колхоз все больше проявляет заботу об улучшении бытовых условий. Сейчас он стал не только выдавать своим членам ссуды на строительство, отпускать застройщикам необходимые материалы и транспорт, но и взял на себя сооружение домов для колхозников...»

Вот она улица... в рассрочку!

«Современная одежда колхозников, особенно молодежи, стала разнообразнее, красивее, удобнее и почти ничем не отличается от одежды жителя города...»

Девчата, которых мы увидели в колхозе «Россия».

«...Колхозники здешней артели по праву гордятся своей больницей...»

Дежурный фельдшер Валентина Гурова спешит на вызов. В самый отдаленный участок колхоза «Скорая помощь» примчится за несколько минут.

«...Более 400 детей станичников находятся в детских яслях и садах...»

Пока мама на работе, у Аллы Шульгач в детском саду много своих ребячьих дел.

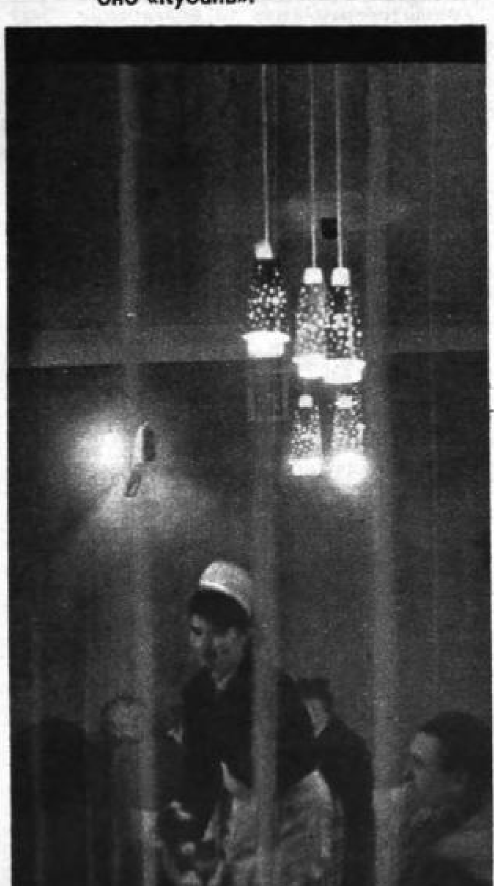

«В станице завершена электрификация и радиофикация. Озеленены улицы, проложено несколько километров асфальтированных тротуаров».

В станичном сквере.

«За несколько лет в станице выросли новые здания школы, детского сада, бани, больницы, народного театра, гостиницы. Строится новый корпус родильного дома, молодежное кафе...»

А кафе уже готово. Называется оно «Кубань».

СЛЕДОПЫТЫ ИЗ «МЕРЦХАЛИ»

Участники мотопробега на улицах Киева.
Фото Ф. Чабана.

Неподалеку от Керчи есть село Глазовка. В том селе, у небольшой усадьбы, зеленеет сад. Его хозяину Мефодию Павловичу Ярославскому семьдесят пять лет. Когда в тех местах полыхала война, Ярославский приютил тяжелораненого бойца. Не выжил солдат, умер от ран. И в старом саду появился первый холмик с пятиконечной звездой...

Но были еще бои под Глазовкой, и Мефодий Павлович бережно переносил убитых наших солдат и матросов к своему домику. Навечно отдал он павшим бойцам свое скромное богатство — собственными руками выращенный сад. Покоятся там десятки героев — русские и украинцы, грузины и казахи. Прохладная сень черешен и слив сомкнулась над ними. И сегодня к дому Ярославского приходят люди поклониться памяти павших, издалека приезжают сюда сыновья и дочери героев, приезжают, чтобы в молчании постоять под скорбными деревьями и обнять Мефодия Павловича.

Как-то возле сада заглушили моторы запыленные, обожженные южным солнцем мотоциклисты. Один, черноглазый, молодой, снял шлем, преклонил колена и высыпал горсть земли на могильный холмик. Робинзон Патиашвили, мастер чулочной фабрики из Тбилиси, не помнит своего отца. Робинзону было всего семь месяцев, когда отец ушел на фронт. С войны он не вернулся. Может, здесь, под этими деревьями, обрел вечный покой солдат Патиашвили?..

Восемь мотоциклистов, члены автомотосекции «Мерцхали», что в переводе на русский означает «Ласточка», в пути не один день. И к саду Мефодия Ярославского они подрулили не случайно. Маршрут, протянувшийся на десять тысяч километров, вел участников пробега по дорогам былых битв Великой Отечественной. Выехав из Тбилиси, мотоциклисты побывали в Сочи, Новороссийске, Керчи, Севастополе, Киеве, в Белоруссии, Прибалтике, Ленинграде. Конечный пункт маршрута — Москва.

Командор мотопробега шестидесятипятилетний мастер спорта Владимир Константинович Наврозашвили показывает нам на карте те места, где он сам и его молодые друзья установили мемориальные доски на братских могилах советских воинов. Доски из белого мрамора, добытого под Телави, изготовлены грузинскими каменотесами, грузинские же мастера высекали на них слова благодарности тем, кто отдал жизнь за Родину. Теперь мрамор из Грузии сверкает на памятнике погибшим воинам вблизи Новороссийска, на обелиске кладбища-сада в Глазовке, в Севастополе. Мемориальной доской отмечается и могила партизанских разведчиков И. Бондаренко и Г. Талахадзе, похороненных в Ямпольском лесу, на Украине. Об этой могиле грузинским мотоспортсменам рассказал в Киеве Сидор Артемьевич Ковпак. Участники пробега услышали от Сидора Артемьевича много нового о своих земляках, воевавших в отрядах украинских партизан, узнали подробности о подвигах грузин-партизан, ходивших в знаменитый рейд к Карпатам.

На следующий год тоже выбран маршрут. 50-ю годовщину Советской власти они отметят новым мотопробегом, на этот раз по Сибири. Их влечет край, где сражался за революцию и погиб герой гражданской войны Нестор Каландаришвили, «партизанский дедушка», как называли его сибиряки.

А. СТАСЬ,
собкор «Огонька»

В космосе — новые имена

Еще один итог уходящего 1966 года. Его подвела комиссия Академии наук СССР, присвоившая наименование горам, хребтам, кратерам и «морям», открытым советскими учеными на обратной стороне Луны.

149 безымянных деталей лунной поверхности обрели названия. На карте Луны теперь есть имена Ломоносова, Лобачевского, Менделеева, Попова, Циолковского, Курчатова.

В ряду славных деятелей отечественной и мировой науки особое внимание обращает большая группа ученых и конструкторов — создателей советских ракет.

Лунное море названо именем академика, дважды Героя Социалистического Труда С. П. Королева, крупнейшего конструктора ракетно-космических систем, на которых впервые в мире произведены запуски искусственных спутников Земли, совершен облет и фотографирование обратной стороны Луны.

Одному из лунных кратеров присвоено имя и другого пионера космонавтики, инженера Ф. А. Цандера, вместе с которым С. П. Королев в 1932 году организовал группу по изучению реактивного движения (ГИРД).

...Над созданием ракет инженер Н. И. Тихомиров начал работать еще до первой мировой войны. Его конструкции получили положительную оценку «отца русской авиации» Н. Е. Жуковского. В 1919 году Н. И. Тихомиров обращается к управляющему делами Совета Народных Комиссаров В. Д. Бонч-Бруевичу с предложением использовать ракеты для защиты молодого государства рабочих и крестьян.

Это предложение было признано заслуживающим внимания, и Н. И. Тихомирову в начале 1921 года дают средства для организации в Москве ракетной лаборатории, которую затем переводят под Петроград. Здесь 3 марта 1928 года была успешно испытана первая ракета на бездымном порохе, разработанная под руководством Н. И. Тихомирова.

На карте лунной поверхности рядом с именем Тихомирова можно найти имена Б. С. Петропавловского, Г. Э. Лангемака, Н. Г. Чернышева. Это его ближайшие соратники по лаборатории, с июля 1928 года получившей название Газодинамической (ГДЛ).

Б. С. Петропавловский пришел в ГДЛ в 1929 году, после окончания военной академии. Он стал преемником Тихомирова, возглавил лабораторию. Под его руководством, при активнейшем участии Г. Э. Лангемака уже в 1930 году было создано несколько образцов реактивных снарядов, прежде всего для вооружения советской авиации.

После смерти Б. С. Петропавловского в 1933 году руководить разработкой пороховых ракет стал талантливый инженер и конструктор Г. Э. Лангемак. Немало труда здесь вложил в эту работу и Н. Г. Чернышев.

Для объединения усилий энтузиастов-ракетчиков в 1933 году ленинградскую Газодинамическую лабораторию сливают с московской группой изучения реактивного движения. Так был создан Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ), первым директором которого стал инженер И. Т. Клейменов, его именем также назван кратер на Луне.

Ученые, инженеры, техники Реактивного научно-исследовательского института создали боевую ракету, сердце грозного оружия — знаменитые «катюши».

В честь замечательных научных коллективов кратерная цепь протяженностью в 1 100 километров названа цепью ГДЛ, другая — длиной 520 километров — носит имя ГИРД, третья, растянувшаяся на 540 километров, — имя РНИИ.

Так вечно будет жить память о создателях советских ракет. Они приблизили время, когда советский космонавт собственными глазами увидит лунные горы, кратеры и моря, названные в честь советских ученых и конструкторов, открывших путь к далеким планетам.

М. НОВИКОВ,
инженер-подполковник

Сладкое интервью

Короткая телеграмма из Одессы: первые тысячи тонн лимонов нового урожая доставлены в Одесский порт из Греции. Прибыла также большая партия бананов из Индии. Мы пошли по следам этой телеграммы.

У самого молодого Всесоюзного внешнеторгового объединения «Союзплодоимпорт» своеобразная программа деятельности: оно занимается импортом и экспортом овощей, фруктов, винно-водочных и кондитерских изделий. Оно покупает и продает то, что украшает наш стол, что ежедневно поступает на прилавки магазинов. В преддверии Нового года поток таких товаров увеличивается.

— Сейчас, когда мы с вами беседуем, границу пересекает поезд,— говорит председатель объединения Александр Николаевич Тутушкин,— везет консервированные томаты и маринованные яблоки. На банках стоит марка одного из крупнейших болгарских внешнеторговых предприятий.

Большая «посылка» плывет из Бразилии — к советским берегам идет теплоход с кофе «сантос». Гана грузит какао-бобы. Из южных стран поступают большие партии чая и пряностей. Специальные суда доставляют бананы из Гвинеи. Их разгружают в южных портах нашей страны и тут же направляют в магазины...

Греция поставляет изюм «султанину», из Югославии вот-вот должен прийти транспорт с «виньяком» — этот напиток будет не лишним на новогоднем столе. Начались закупки алжирских, египетских, марокканских апельсинов. Кипр уже поставил пять тысяч тонн этих ароматных плодов. Закупаются не только фрукты, созревающие в зимние месяцы. Холодильники готовятся принять партию летних плодов: они бережно собраны несколько месяцев назад, отсортированы и заморожены способом, сохраняющим вкус и все питательные качества земляники, абрикосов, вишни. Рефрижераторные вагоны везут к нам восемь тысяч тонн свежезамороженных овощей и фруктов...

Недавно советское объединение «Внешторгреклама» и болгарские экспортеры провели в Москве пресс - конференцию - дегустацию, познакомили с новыми и уже известными конфитюрами, которые они поставят в ближайшее время.

...На стол председателя «Союзплодоимпорта» кладут свежую почту. Письмо от роттердамского коммерсанта. Он интересуется возможностью закупки у нас соли и предлагает вина. Письмо из Брюсселя: акционерное общество «Бельсо» сообщает, что хотело бы установить с «Союзплодоимпортом» деловые, взаимовыгодные коммерческие отношения. В центре Брюсселя открывается крупный универсальный магазин, который будет торговать товарами, полученными главным образом из СССР. Понятно, магазину не обойтись без того, что продает за границу «Союзплодоимпорт», сюда, в частности, будут поступать знаменитая «рашен водка», отличное шампанское, конфеты, советское бренди...

Кстати, о конфетах. Кондитерские предприятия Болгарии предложили нам на 1967 год двенадцать тысяч тонн разнообразных сластей.

К. КОСТИН

На снимке: Вот какое разнообразие конфитюров предлагают нашим покупателям болгарские внешнеторговые объединения.

В. Васин. СЕВЕРЯНКА.

Ю. Анохин. ОКРАИНА ДЕРЕВНИ.

В. Токарев. НОВАЯ ШКОЛА.

Т. Яблонская. ВМЕСТЕ С ОТЦОМ.

Два дня рождения

Мартти ЛАРНИ

«Если ты собираешься писать торжественно и солидно, то лучше всего придерживаться классической композиции,— говорил когда-то мой старый учитель.— Надо, чтобы в статье было вступление, кульминация и заключительная часть».

Я вообще очень уважаю моих учителей, да и зачем отвергать хороший урок? И хотя многие читатели в настоящее время весьма аллергичны ко всему классическому, я все же последую совету моего старого учителя и начну приличным случаю вступлением.

В Техасе, где каждый ребенок учится прежде всего стрелять, а потом уже разговаривать, жили-были два приятеля — Джим и Роджер. Оба они были хорошими стрелками и почитали закон «дикого Запада», который гласит: лучший способ разрешения споров и разногласий — застрелить противника. На прошлой неделе Роджер сказал Джиму:

— Хэлло, старина! Пошли в кабак. Сегодня я угощаю.

— В честь чего? — спросил Джим.

— У меня день рождения. Это надо отпраздновать.

Друзья пришли в кабачок, ударом ноги распахнули дверь, вошли и сели за стол.

— Эй, бармен, восемь бутылок виски сюда! — проревел Роджер.

— Восемь бутылок? — удивился Джим.

— Вот именно. Восемь! Я хочу угостить и других пьющих.

И прежде чем бармен успел принести виски, Роджер спросил у Джима:

— Что это за громила там стоит и улыбается, развалившись у стойки бара?

— Их же там шестеро,— ответил Джим.

— Да, шестеро, но я спрашиваю о том, что в сапогах со шпорами.

— У них у всех сапоги со шпорами.

— Да. Но я о том, что с двумя револьверами.

— Черт побери, — ответил Джим,— у них у всех по два револьвера, разве не видишь?

Роджер начал уже терять терпение. Он проворчал с досадой:

— Да ну, Джим! Неужели ты еще не понял? Ну, тот, в черной шляпе, с перебитым носом.

— Да что ты, приятель? Погляди, ведь они все в черных шляпах, и у всех носы перебиты.

— Да я тебя спрашиваю вон о той глупой горилле с сигаретой в углу рта!

— Опять не легче! Все шесть горилл держат сигареты в уголке рта...

Роджеру это надоело. Ругнувшись, он выхватил пистолет и — раз, раз, раз!..— сделал пять выстрелов. На пол упали пять сигарет.

— Ну вот, Джим,— сказал Роджер спокойно.— Я спрашиваю о том, у которого сигарета еще во рту.

— А-а,— ответил Джим,— теперь я понял. Но, к сожалению, я его не знаю.

— Ясно. В таком случае пригласим его, хоть он нам и незнаком.

Они позвали всех шестерых парней и перед каждым поставили по бутылке виски. Роджер гордо объявил, что у него день рождения. Для большей торжественности он тут же выпустил остаток обоймы в висевшую на видном месте рекламу с изображением смеющегося ковбоя и надписью: «Пей техасское виски и стреляй без промаха!».

Это было вступление, которое дает мне возможность перейти наконец к делу. Наступающий 1967 год знаменателен тем, что в конце его два государства будут отмечать свой пятидесятилетний юбилей. Это Союз Советских Социалистических Республик и Республика Финляндия. Пятьдесят лет — большой этап. Это будет прекрасный и достойный праздник, очень радостный и светлый. Я думаю, он вообще обойдется без пальбы, если не считать торжественных салютов и фейерверков. Иное положение в мире было 25 лет назад. Тогда стрельба заглушила праздники, и стреляли не по сигаретам — по людям. Ужасный водоворот войны захлестнул Европу. Да и не только Европу — чуть ли не весь мир воевал. Даже моя любимая родина очертя голову ринулась выяснять с соседом пограничные споры. Это безумное столкновение ушло далеко в прошлое. К счастью для Финляндии, она благополучно закончила смертельный поединок, обменявшись с Советским Союзом дружеским рукопожатием. Есть старая финская пословица: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Я слышал, что и по-русски есть такая же пословица. Мне вовсе не хочется терять глаз, поэтому довольно о прошлом. Лучше поглядим на настоящее и будущее.

Советский Союз родился примерно на месяц раньше Финляндии. Так что они почти ровесники, но не близнецы. Собственно, они сводные братья, у которых один отец — Ленин. В данном случае мы можем пока забыть о матерях и говорить лишь о детях одного отца: о брате Большом да о брате Меньшом, которые долгое время глядели друг на друга исподлобья, пока не познакомились поближе. Прежде бывали у них и потасовки, но ведь это не редкость между братьями, хоть они и дети одного отца. Однако же, когда братья выросли и возмужали, они поняли, что соседям разумнее всего жить в дружбе и согласии. Так и вышло. Добрососедская дружба между нами теперь уже не просто фраза, которую произносят на дипломатических приемах, а действительный и радостный факт, который стоит торжественно отметить, особенно теперь, когда обоим исполняется по 50 лет.

Взаимопонимание и обоюдное уважение соседей привело к тому, что они стали все больше сотрудничать да помогать друг другу. Будь я купцом, я бы, конечно, повел речь о торговых отношениях Финляндии с Советским Союзом. А когда купец разговорится, он уж измеряет время не часами, а календарем. Будь я ученым, я бы обстоятельно рассказал о своих советских коллегах, с которыми мы ведем постоянный обмен интересующей нас информацией. Будь я спортсменом, балетным танцовщиком, музыкантом, врачом, языковедом, гидростроителем, земледельцем, шахматистом или... Да, будь я всем этим... я бы и в год не кончил рассказа. Но поскольку я только писатель, то я расскажу лишь о сотрудничестве в области литературы. А говоря о литературе, нельзя не сказать и о литераторах, поскольку без них литература не существует.

Когда между народами установились отношения дружбы и доверия, то и между отдельными лицами легко налаживаются дружеские контакты. И хотя писатели у нас — это зачастую погруженные в себя индивидуалисты, все же и они, оказывается, умеют дружить и уважать творчество своих товарищей. Дружеские связи писателей Советского Союза с писателями Финляндии установились около десяти лет тому назад, когда представители союзов писателей обеих стран побывали в гостях друг у друга. В первое время, конечно, имели место известная скованность и смущение, но поскольку тех и других объединяло общее дело — литература,— они вскоре освободились от мешавшей предвзятости и нашли друг друга. Финны заметили, что «Старший брат» пришел к ним не с высокомерием победителя, а с чистой душой, как сосед к равноправному соседу, у которого есть своя национальная культура, свои слабости и свое человеческое достоинство. Со своей стороны, советские люди заметили, что известные своей драчливостью финны не прячут в рукаве финский нож и что они действительно зарыли томагавк войны глубоко в землю. Так исчезали громоздившиеся в течение многих лет психические барьеры и комплексы, и начиналось оживленное общение и взаимодействие, которое углубляется и расширяется непрерывно. Чем больше личных дружеских контактов устанавливали советские и финские писатели, тем легче работалось и официальным дипломатам. Чем больше советских книг переводится на финский язык, а финских — на языки Советского Союза, тем больше наши народы знакомятся с жизнью друг друга, с социальными и культурными проблемами соседней страны, с ее прошлым и настоящим. Художественная литература — это ключ к душе народа. Вот ведь в чем суть. Задача писателей — раскрыть живую душу человека и условия его жизни, показать человека в световом луче истории и в нынешнем быстро меняющемся мире.

Тут я уже слышу возгласы многих читателей: «До чего ж этот

Ларни патетично говорит! А сам-то ведь пишет все более шуточками, несерьезно как-то, даже, можно сказать, легкомысленно».

Я охотно принимаю все упреки. Но, разумеется, те серьезные задачи, о которых я сказал, отнюдь не исключают шутки или иронии. У финнов есть пословица: «Чувство юмора — показатель ума и душевности». Но кто же из нас захочет острить, когда речь идет о готовящемся 50-летнем юбилее? И, кроме того, я же сказал еще в самом начале, что хочу построить эту статью по канонам моего старого учителя. И тут я, собственно, приближаюсь к кульминации: к писательским встречам.

Помимо туристских поездок и визитов частного характера, Союзы писателей СССР и Финляндии начали проводить писательские семинары, на которых обсуждаются общие проблемы. Первый такой семинар, длившийся неделю, состоялся в Ленинграде осенью 1965 года. От Финляндии в нем приняли участие восемь человек. По сведениям, поступившим от хозяев — устроителей семинара, финские писатели вели себя там вполне нормально. Вернувшись после семинара домой (никто не отстал от поезда и не потерялся по дороге!), они все в один голос восклицали: «Почему раньше у нас не было таких встреч?»

Положительный опыт ленинградского семинара придал нам смелости организовать семинар того же характера нынче весной в Хельсинки. На этот раз собрались 28 советских писателей и 40 финнов. Главная тема семинара определялась так: «Писатель и современные средства массовой информации — печать, радио, телевидение, кино». Тут было о чем поговорить! Атмосфера была накалена, однако это не мешало деловому и дружескому разговору. Разумеется, обнаружились и разногласия, но ведь для того семинар и собирается, чтобы разногласия выявлять и преодолевать. Лично я считаю, что если два собеседника всегда во всем согласны между собой, то один из них просто не нужен. Но тут оказалось, что все собеседники были необходимы. И особенно по вечерам, когда гости и хозяева беседовали свободно, без регламента.

Очень приятно, что многие финские писатели рассказывают о своих долгих принципиальных беседах и спорах с советскими друзьями, в результате которых было достигнуто единое понимание. Я со своей стороны могу сказать, что имею много хороших друзей в Советском Союзе, а прошлым летом я нашел там новых друзей, проведя месяц в Сочи, где я лечил свой раненый четвертый позвонок, а заодно пытался вылечиться от моей типично финской неразговорчивости.

Готовясь к торжественному юбилею, нам предстоит еще многое сделать. И уже сейчас можно многое решить, высказать много пожеланий. Вот что предлагают, например, некоторые финские писатели. Давайте решим, говорят они, что в 1967 году мы будем рекламировать произведения друг друга, как свои собственные. Давайте смотреть больше вперед, а не назад, ибо, кто все время оглядывается, тот слишком часто спотыкается. Давайте решим также, что, приезжая в гости к соседям, мы будем оставлять в передней калоши и предвзятые мнения.

Добрых пожеланий всегда бывает больше, чем хороших решений. Итак, пожелаем от всей души, чтобы торговцы смертью поскорее ушли на пенсию; чтобы в Хельсинки стало меньше копоти, а взамен автомобильных выхлопных газов, от которых уже дышать невозможно, мы получили бы природный газ из Советского Союза; чтобы в дни 50-летия Большого брата и Меньшого брата мы выпили по-грузински (12 тостов обязательных и 10 добровольных); чтобы молодые люди находили счастье в любви и не теряли его в браке; и чтобы психиатры пришли наконец к единому мнению в вопросе о том, является ли страсть к жевательной резинке инфекционным психозом, проникающим в организм через десны.

Готовясь отпраздновать пятидесятилетие своей государственности, Советский Союз и Финляндия чувствуют глубокую ответственность за судьбы всего человечества. На свете есть слишком много громил, разгуливающих с двумя пистолетами на поясе, всегда готовых выстрелом вышибить сигарету изо рта у соседа. Этих «героев» нельзя ни на миг упускать из виду, потому что пуля того и гляди попадет кому-нибудь в лоб, и грубая игра с оружием может перерасти в большую потасовку. Безусловный нейтралитет, обеспечение мира и безатомный Север Европы — вот программа действий маленькой Финляндии на 1967 год. С такими мыслями она готовится к своему юбилею и приветствует всех своих друзей.

Ну вот, а теперь я могу наконец перейти к эпилогу. Знаете ли, что дальше случилось с техасским парнем Роджером, справлявшим свой день рождения?

Протрезвился он в соседнем штате. Вошел в первый же кабачок и, выстрелив с порога, сбил шляпу с головы одного из гостей. Следующей пулей он сбил у бармена очки, а затем у одного молодого солдата отстрелил одну за другой все пуговицы с мундира. Когда прибежал шериф, парень прострелил ровненький пробор в растрепанных волосах блюстителя порядка. Потом он выпил бутылку виски и расстрелял вдребезги три зеркала. Тогда шериф собрался с духом, подошел к Роджеру и спросил:

— Не будете ли вы столь любезны, сэр, сказать мне, откуда вы?

— Из Далласа, штат Техас.

— И что же привело вас к нам? Захотелось переменить обстановку, попутешествовать?

— Нет,— ответил парень,— просто вчера мы отмечали мой день рождения, погуляли немного, и вдруг в самый разгар торжества меня выставили из-за стола и вытурили вон из штата.

— Но почему же, за что?

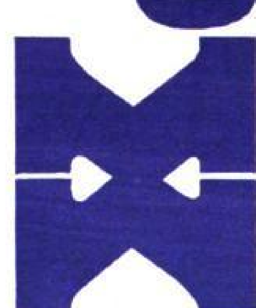
— Приятели сказали, что я вел себя, как баба. Болтал, говорят, чересчур много, а стрелял слишком мало. А это им не понравилось — скучно.

Хотя я тут больше говорил, чем стрелял, мне бы все-таки хотелось надеяться, что читатель не сочтет меня скучным. Просто я больше привык стрелять пером, а револьвер не мое оружие. Пусть мне простят эту слабость, и я настреляю много-много самых лучших новогодних пожеланий моим друзьям-читателям.

Перевел с финского Владимир БОГАЧЕВ.

Играют сборные СССР и Чехословакии. Атакует спартаковская тройка: Б. Майоров, Е. Зимин, В. Старшинов.

Хоккей сегодня

Всеволод БОБРОВ, заслуженный тренер СССР

Интервью «Огонька»

Хитрая штука — хоккей! Сколько уже лет осваиваем мы эту игру — и все время сталкиваемся с новыми и новыми сюрпризами. Вот и сейчас после первых прикидочных матчей нашей сборной со сборными командами Чехословакии и Швеции мы понимаем, что у нас не все благополучно. Удастся ли нам в пятый раз подряд завоевать золотые медали чемпионов мира? Вот как многие ставят вопрос. Но как же так, спросит нас дотошный болельщик, что изменилось за год? Ведь перед нами та же сборная команда, которая выиграла в Любляне, и притом в четвертый раз, первенство мира! Не какая-нибудь другая, а именно эта команда начала подготовку к чемпионату в Вене, замены в ней не очень большие, опыт у хоккеистов огромный, искусство высокое, взаимопонимание тончайшее — и вдруг тревога. В самом деле, не рано ли мы бьем в набат? Давайте попробуем в этом разобраться...

В тот вечер, когда во Дворце спорта в Лужниках золотой и серебряный призеры люблянского чемпионата —команды СССР и Чехословакии впервые в новом сезоне экзаменовали друг друга, мне показали только что вышедший номер «Вечерней Москвы». В газете был напечатан отрывок из воспоминаний старшего тренера сборной А. И. Чернышева, в котором шла речь о чемпионате мира 1954 года в Стокгольме.

Какие же далекие времена возникли передо мной! Наша первая встреча с прославленными канадцами, решавшая, кто завоюет мировое первенство... И вот я, привыкший уже к своему месту тренера на левом фланге скамейки запасных, увидел вдруг себя за бортом, на поле, а рядом своих боевых друзей: Евгения Бабича, и Виктора Шувалова, и дебютанта сборной, ставшего впоследствии сильнейшим вратарем мира, Николая Пучкова, ныне также работающего тренером, и стремительных нападающих «Крылышек»— Николая Хлыстова, Алексея Гурышева, и динамовских ребят — Александра Уварова, Юрия Крылова, и защитников сборной первого созыва — Николая Сологубова, Александра Виноградова, Павла Жибуртовича, Альфреда Кучевского...

Как мы были тогда счастливы своей победой, титулами чемпионов мира! Теперь победами советских хоккеистов никого не удивишь: ведь после того, первого, успеха в Стокгольме были и олимпийские триумфы в Кортина д'Ам-

пеццо и Инсбруке, победы на чемпионатах мира в том же Стокгольме, Тампере, Любляне.

Да, много льда растаяло с тех времен, когда мы, дебютанты, потрясли сильнейшие команды своей скоростью, коллективизмом своих действий. Но с того 1954 года и по сей день идет неустанная гонка хоккейного мастерства. Мы за это время освоили особую, присущую только хоккею с шайбой, тактику силового давления, а наши соперники научились у нас игре в пас на высоких скоростях. Наши защитники стали не только хорошо прикрывать ворота, но и смело атаковать, а нападающие сильнейших команд мира взяли у нас на вооружение атлетическую подготовку. Казалось бы, что за 100 лет существования хоккея с шайбой эта игра должна была бы достигнуть полнейшего совершенства, но этого не происходит: хоккей развивается, непрерывно появляются новинки и в технике и в тактике, неустанно продолжает работать тренерская мысль, обогащая игру новыми стратегическими идеями, все большее значение приобретает психология в подборе троек, во взаимодействии отдельных игроков на поле. И, решая эти сложные проблемы, один из самых думающих наших тренеров, А. В. Тарасов, раскрыл перед нами принципы комплектования хоккейных звеньев в одной из глав своей интересной книги.

Тарасов, как и Чернышев, в этой главе, опубликованной в журнале «Молодая гвардия», вспоминает юность хоккея, нашу первую армейскую тройку, и меня в том числе. Надо сказать, что в оценке нашей тройки мнения двух тренеров сборной команды СССР не совпадают. Если Чернышев считает, например, что я любил сверкать, но не для себя, а для команды и что меня делали сильнее беззаветно преданные мне партнеры, то Тарасов придерживается иного взгляда. Он хочет доказать, что я был в тройке премьером, что вся «продукция тройки» шла с моим фамильным клеймом. (Тарасов против премьерства. Он считает, что «рядовые исполнители» полезнее для команды, чем выдающиеся игроки.)

Так неожиданно, через 10 лет после моего ухода со льда, я снова «воскрес» на газетных и журнальных страницах как хоккеист. Кто прав в своих взглядах, судить не мне, и я бы вообще не упоминал об этом, если бы точка зрения А. Тарасова не получила, так сказать, практического решения в тройке А. Альметова, В. Александрова и А. Ионова, за которой мы с тревогой наблюдали на первых контрольных матчах.

Первая армейская тройка — А. Альметов, К. Локтев, В. Александров — в течение последних четырех лет неизменно являлась первой тройкой сборной страны. Это был поистине великолепный боевой ансамбль, где каждый спортсмен дополнял друг друга, сверкал друг для друга. Тронуть такую тройку, поднять на нее руку не каждый решился бы. Но руководители команды ЦСКА, видимо, считая, что премьеров быть в хоккее не должно, с легкостью заменили ушедшего в нынешнем сезоне Локтева Ионовым. («Скромный спортсмен, исповедующий принципы подлинного хоккейного коллективизма» — такова характеристика, которую дал А. Тарасов А. Ионову в одной из глав своей книги.)

И вот мы увидели, как тройка, изумлявшая знатоков своим мастерством, поблекла и уступила в сборной не только первое место, но, пожалуй, и второе.

Конечно, все мы стареем, все рано или поздно уступаем свои места на льду молодежи. Но делать это надо вовремя и клюшку передавать достойным, заранее подготовленным спортсменам. Не знаю, кто решил после Любляны, что Константин Локтев больше не «тянет» и что Ионов вполне может его заменить. И вот ушел Локтев. И его товарищи по тройке Альметов и Александров, которых никак нельзя назвать «рядовыми исполнителями», неожиданно стали именно таковыми.

Нет, не так надо создавать в тройке преемственность мастерства. И ведь армейцы убедительно показали нам, как это надо делать. Это же они соединили такого опытнейшего мастера, настоящего хоккейного премьера, как Анатолий Фирсов, с двумя молодыми хоккеистами Владимиром Викуловым и Виктором Полупановым, создав всего за год выдающийся боевой ансамбль.

Если Локтеву действительно пришло время проститься с хоккеем (в чем я очень сомневаюсь), то тренерам сборной, конечно, на его место следовало подключить молодого хоккеиста, который мог бы сравняться в ближайшем будущем с такими выдающимися партнерами, как Вениамин Александров и Александр Альметов. Ведь не случайно же к нам в тройку десять лет назад подключили дебютанта сборной Александрова.

Да, сложна природа хоккейной тройки, и об этом нам еще раз говорит судьба Альметова и Александрова после ухода Локтева. Не смог Анатолий Ионов заменить Константина Локтева в армейской тройке так же, как он не смог заменить Евгения Майорова в нашей спартаковской тройке на чемпионате мира в Тампере. Сейчас Ионов играет во второй сборной, и надо надеяться, что Альметов и Александров получат в сборной равного партнера.

Если продолжить разговор о нападении нашей сборной, то прежде всего тревогу вызывает ослабление тройки Альметова и Александрова. Но есть и другие тревожные симптомы, тоже каким-то образом смыкающиеся с проблемой премьерства. Нам хорошо известна давняя беда нашего футбола. Нападающие с удовольствием, при любой возможности уступают друг другу право завершающего удара по воротам. Каждый из них с удовольствием готов передать лавры забитого гола товарищу, а вместе с ними и ответственность. Нечто подобное мы наблюдаем теперь и на ледяном поле. У нас становится все меньше результативных игроков, смело, самоотверженно идущих прямо на ворота. Все чаще и чаще в самый ответственный момент атаки, когда можно бить по воротам, следует внезапно пас или же нападающий покорно позволяет оттеснить себя за ворота, в углы — словом, туда, откуда броски не столь опасны.

На заре хоккейной славы. Справа налево: Н. Сологубов, А. И. Чернышев, В. Бобров, А. Гурышев, И. Трегубов.

Фото А. Бочинина.

Следует нам подумать и о том, что теперь игра в зоне противника становится все менее эффективной. Защитники успешно применяют силовые приемы, пас теряет свою остроту, и возможность реализации атаки все уменьшается. Это явление наблюдается не только в любительском, но и в профессиональном хоккее. И за последнее время самые опытные нападающие профессиональных команд канадо-американской лиги все чаще отказываются от борьбы в зоне противника. Если атака принимает позиционный характер перед воротами, нападающие откатываются назад, чтобы оттуда с ходу начинать новый штурм. Не следует ли нам пойти по этому пути?

Но главная проблема нашего хоккея сегодня — это защита. Уже после первых же встреч на чемпионате страны замелькало на страницах газет это слово — «защита». Каждая новая встреча показывала, что лучшие наши защитники, заслужившие в Любляне эпитет «самые надежные в мире», внезапно потеряли способность действовать на высоких скоростях. Вот почему защитники все реже подключаются в нападение и все чаще не успевают откатываться назад для того, чтобы преградить дорогу к своим воротам.

Эти тревожные симптомы получили свое развитие и в международных матчах в Москве. Правда, кризис защитных линий наблюдается не только у нас, он отмечен, например, и у шведов, где защитник-ветеран Роланд Стольц оказался боеспособнее своих молодых партнеров, и в чехословацкой команде, где начинают сдавать игроки поколения Яна Сухи. Но разве это для нас утешение?

С защитой плохо. Об этом говорит и число пропущенных шайб на четырех международных матчах в Москве (11 от чехов и 6 от шведов) и два поражения сборной.

До нынешнего года надежным защитным оплотом сборной являлись армейские хоккеисты, теперь из них, пожалуй, лишь Э. Иванов сохранил боевую форму. В этой ситуации мне трудно понять, как можно было не испытать в первых же играх сборной двух защитников «Спартака» — В. Блинова и А. Макарова, которые так успешно выступают со старшиновской тройкой. Здесь мною руководят отнюдь не местнические интересы. Вот, мол, Бобров тянет в сборную своих спартаковцев. Нет, это не так. Я убежден, что, когда вопрос касается силы нашего хоккея на международной арене, мы должны быть выше личных интересов.

Сейчас наши хоккеисты сборной не имеют преимущества ни в скорости, ни в технике. Чехословаки лучше нас играют в пас, канадцы по-прежнему сильнее нас в силовой борьбе, шведы показали, что умеют очень точно бить по воротам. Что же нам надо делать сейчас, чтобы сборная команда СССР приехала в Вену во всеоружии? Прежде всего нам надо значительно повысить скоростные качества всех игроков. Здесь еще до предела далеко. Играть на более высокой скорости, чем раньше, обязаны и нападающие и защитники, а это требует, в свою очередь, невиданной закалки воли, несокрушимой смелости, полнейшего взаимопонимания в действии троек. В сегодняшнем хоккее каждый спортсмен должен чувствовать себя на льду премьером, ни в чем не уступать товарищам в мастерстве.

Как видите, задачи большие, сложные, но они нам по плечу. Советские хоккеисты, впервые испытавшие силы на чемпионате мира 1954 года, завоевали славу сильнейших в мире. Они имеют все основания и в дальнейшем сохранять свои позиции.

Сила Калиныч, душа горемычная, или русский солдат ни в аду, ни в раю

Солдатская сказка

Владимир ДАЛЬ

Владимир Иванович Даль (1801—1872 гг.) был в свое время известным писателем. Его первые произведения были восторженно встречены Виссарионом Григорьевичем Белинским, который ставил Даля в одном ряду с Гоголем и Тургеневым. Однако ради «Словаря живого великорусского языка» Далю пришлось пожертвовать призванием писателя. Пятьдесят три года жизни отдал Владимир Иванович своему словарю. «Словарь не дает браться ни за какую иную работу, все свободное время — ему!» — с болью и горечью восклицает Даль в период расцвета своего таланта. Он не мог бросить «запасы слов» неизданными, он работал над «Словарем» до последних дней своей жизни.

Идея составить словарь пришла к нему не сразу, вначале он решил использовать собранные им запасы слов в сказках: надо было познакомить своих современников с образцами народной речи, и вот в 1832 году вышла в свет первая книга Владимира Ивановича, подписанная псевдонимом Казак Луганский (в честь Лугани, впоследствии Луганск, где он родился), «Русские сказки. Пяток первый». Даль писал: «Не сказки сами по себе были... важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода,— и сказка служила предлогом. Я задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком и говором, которому открывался такой вольный разгул и широкий простор в народной сказке».

Сборник Даля наделал столько шуму, что Николай Первый приказал арестовать сочинителя вместе с его бумагами, и только благодаря вмешательству Жуковского, который был воспитателем сына царя, Николай дал указание освободить Даля. Однако сборник Даля был конфискован и сейчас является библиографической редкостью.

Сказка «Сила Калиныч, душа горемычная, или русский солдат ни в аду, ни в раю» написана в те же годы, что и сказки, вошедшие в «Пяток первый», но по цензурным соображениям она не могла быть напечатана. Даль переплел писарский список в дорогой кожаный переплет: оформленной в виде книги рукописи не грозит опасность затеряться в бумагах. Расчет Даля оказался правильным. До нас не дошел основной архив писателя, а его неопубликованная сказка отлично сохранилась.

Работая над книгой о Владимире Ивановиче Дале, я занялась поисками дома, где он провел последние годы жизни. Дом этот цел, хотя очень обветшал. После смерти Даля дом был куплен у его дочерей Иваном Сергеевичем Аксаковым для племянницы, вышедшей замуж за известного русского химика Бутлерова, внучка которого, Надежда Владимировна Симонова, до сих пор поддерживает связь со своей дальней родней — правнучками Даля.

В мае этого года «Комсомольская правда» напечатала заметку «Дом Даля». Прочитав ее, ленинградский искусствовед К. А. Кордобовский написал в редакцию письмо и предложил автору заметки ознакомиться с рукописью неопубликованной сказки Казака Луганского, относящейся к первой половине XIX века. При встрече Константин Александрович рассказал, что купил эту рукопись в 1929 году в Книжной лавке писателей, которая тогда находилась на Литейном проспекте. Кордобовский сразу определил ценность своего приобретения, но не догадался справиться по регистрационным книгам, кем она была продана, что могло бы навести на след архива писателя, большая часть которого до сих пор не обнаружена. Газетная заметка напомнила искусствоведу о сказке, которая более тридцати лет пролежала в его книжном шкафу.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую признательность Константину Александровичу Кордобовскому за сохраненную им рукопись. Ценность этой литературной находки несомненна.

Майя БЕССАРАБ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Достопамятное и верное изображение житья-бытья солдатского и похождений его на этом свете и на том, изложенное грамотою скорописною-гражданскою не красно, не хитро и не складно да ладно. Сказку сказывал, похождения свои, землю, ад и небеса поприщем своим протекши, припомином перегадывал сам Сила Калиныч, душа горемычная; а по незнанию его грамоте великороссийской на бумагу со слов его перекладывал пономарь Ставропольского большого прихода Крючкоаз Крутоглаголевич Кутейкин. У него же Сила грамоте учился, да не изучился; знать, его мало били, а Сила, солдат, без палки учения не знает, а бьют, так про себя считает — помнит в долг, а записывать некуда. По окончании же сказки, за неимением на правой руке трех перстов, левою рукою крест приложил. Есть.

Жил я служил, говорит Сила Калиныч, душа горемычная, вытряхая из рожка оправленного табачку на ладонь,— а он, бывало, навеселе, сыпал его и в ямку под большой палец,— жил я служил верно богу и великому государю тридцать три года правдою и делом, показал, что штык православный бьет вернее пули свинцовой, видел поговорку в лицах: — пуля дура, штык молодец, тер лямку тридцать три года, и формуляр чист, а отставки нет. Царь положил службы 25 лет: да нас много, а царедворцев мало, докладывать знать об нас и некому. За богом молитва, за царем служба не пропадают, это Сила, русский солдат, знал, но знал и то: на бога надейся, а сам не оплошай; а будешь плох, не подаст и бог! старайся, как Шемяка говорит, всяк про себя, так постарается господь про всех; на небо надейся, а в ноги гляди. Надейся генерал на полковника, полковник на капитана, капитан на капра-

ла, капрал на солдата, а солдат — на судьбу, так вить матушка-судьба и поневоле спросит: а я вам что за ефрейтор дался? Ну, словом, срок Калинычу вышел давным-давно, у отцов командиров все идет да идет переписка, а у меня седой волос из головы лезет! Стали все меня обижать: ты, говорят, срок выслужил, нет на тебя постройки, тебе и пай из милости идет, ты чужой век служишь, чужой доживаешь, уже за тебя на том свете провиант получают.— Пойду же и я туда, где про меня рожь молотят.— Взял с собою ружье, амуницию да шинель заслуженную и пошел. Воля божья, суд царев, что будет, то будет, умирай в поле, да не в яме!

Это было в первый день праздника рождества христова. Сила видел путем-дорогою, как Кит-рыба под землею плещется и земля дрожит, как звезда со звездою здоровается, за душою усопшего летает. Все было на том свете тихо, чинно и празднично, как у нас. Сила поспел к заутрене. Служил седовласый, маститый старец, окруженный блеском необыкновенным; он не родился и не умирает; для него нет века, нет времени, нет прошедшего, нет будущего.

Сила Калиныч явился в полной походной и боевой амуниции, принес жалобу свою на притязания нашего мира и просил о перемещении его в лучший.

Старец выслушал его благосклонно и сказал: останься здесь, не ходи к своим начальникам; у каменного попа не вымолишь и железной просвиры. Стань на часы у порога.

Сила надел амуницию, взял ружье, стал на часы и стоял три дня и три ночи без смены; проходящих окликал, праведным честь отдавал, а нечистых и на выстрел не допускал.

— Кто идет?— спросил он в Новый год, в самую полночь.

— Свой.

— Свой, ближе! Дай на тебя посмотреть, кто ты?

— Смерть.

— Смерть русскому солдату своя, это правда, но дружба дружбой, а служба службой. Куда ты пробираешься?

— К старшому.

— Зачем?

— Спросить, что велит в этот год делать, чем мне прикажет питаться, на какую снедь посягать.

— Постой, землячка-своеченица,— сказал Сила,— обожди здесь, а я пойду доложу; и песня без запевалы не поется, знай порядок и начальство.

Смерть почесала костяной затылок — как быть? С русским солдатом не спорить стать.

— Поди,— говорит,— доложи, а я обожду покуда.

Сила пошел и доложил, что смерть пришла и спрашивает разрешения, на какую ей в этот год посягать снедь, чем питаться.

— Пусть морит стариков да старух,— сказал старшой, тот же известный нам седовласый старец,— они мне надоедают изуверством; пристают, как мухи на сон грядущий; в рай просятся, а смерти боятся.

Калиныч вышел и подумал: у меня еще отец, может быть, дома жив, мать,— за что же она их уморит? Дай поднимусь на хитрости, как леший на ходули, обману ее!

— Смерть, приказано тебе этот год одни старые, дубовые пни глодать, а на молодые и не заглядываться!

Смерть почала было оговариваться, клялась и божилась, что по старости пня дубового и не угрызет, но Калиныч, топнув, закричал, что по службе нет отговорок; что Измаила и Очакова нельзя было взять, а велели, так взяли!

— Налево кругом! Марш! ходи не шатайся, говори не заикайся, гложи не объедайся! Прощай, землячка, счастливо оставаться!

Минул год, да еще и високосный, а грядущий, простой, не успел еще наступить, как смерть явилась в самую ту минуту у порога, когда стенные часы, у которых Калиныч стоял и на которых земля наша и планеты были гирями, а солнце маятником, пробили полночь.

— Кто идет?

— Смерть.

— Смерть, ближе!

Она подошла.

— Смерть, что пароль?— спросил Сила, недовольный приходом ее, вскинув ружье на руку.

— Небо!— отвечала смерть.

— Это прошлогоднее,— отвечал сметливый Сила,— а ныне уж не то! Ныне пароль отдается всегда город, лозунг святой, а отзыв— так вещь какая-нибудь, пожалуй, хоть бы престол; да только все три подбираются начальством так, чтобы начинались с одной буквы, например: Москва, Св. Матвей, монета; да ты, я вижу, ни пароля, ни отзыва не знаешь, ступай-ка, не проедайся, а то, ей-ей, зашибу.

«Никогда здесь у нас не бывало такой строгости»,— подумала бедняжка смерть, голодная и изнуренная годовым постом, и просила, чтоб служивый доложил о ней.

— Ступай пропадать!— сказал он ей в ответ, но она наконец умела как-то обольстить его; он умилосердился и пошел.

Пусть читатели не удивляются отступлению от строгости воинственной, Калиныч здесь уже не часовой, иначе бы он не осмелился отлучаться от притина своего, он был уже здесь на инвалидном положении, в звании сторожа, а ружье взял с собою, как берут жену, по старой дружбе и привычке, но сверх штата и положения.

Когда он вышел опять к землячке своей и своеченице смерти, то увидел, что она лизала жадно трехгранный штык ружья его и счистила всю ржавчину. «Голод не тетка, а брюхо не лукошко»,— подумал Сила.

— Суконный язык!— сказал он,— приказано тебе этот год лозу мелкую да дубнячок по опушкам подбирать, а по праздникам воскресным молодую березу да клен, да и то понемногу!

Так он лукаво перетолковал приказание морить этот год одних младенцев: ибо вспомнил, что у него есть кой-где на матушке России ребятишки, их-то ему и жаль стало. Своя рубашка к телу ближе чужой! Смерть была в отчаянии, ломала костяные руки и уверяла, что не доживет до нового года, а Калиныч утешал ее и рассказывал, как он и сам, бывало, постился, да в постную кашицу без круп, то есть, в свежепросольную воду, клал, за неимением чего иного лучшего, березовые листья и делывал для господ офицеров, по недостатку иного снадобья и набора, гороховую настойку; кинешь горсть серого сухого гороху в манерку с водкою, переболтаешь... а водка, прибавил он, у нас всегда водилась; есть нечего, а пьешь весело; вот, например, под Кагулом... Смерть поклонилась низко и промолвив: ваша речь впереди православной, просила покорнейше милости и пощады.

— Если бы по крайней мере,— говорила она.

Но Сила не дал ей договорить:

— А если бы да когда бы! Если бы на Тарасовой голове да капуста росла, так был бы огород, а не плешь; слышала приказание? Ступай, не толкуй!

Перекрестился и выгнал челобитчицу прикладом. Смерть ушла молча во-свояси и заплакала.

— Ступай пропадать! — ворчал Сила,— я тебе дам жидоморничать! Как турок на расправе; крику много — толку мало; а не взял криком да шумом, так и поворотил опять на Шумлу!

Время там течет не по-нашему и дела делаются скоро и споро. Калиныч семи напоек табаку не успел вынюхать, как маятник-солнце пробежало взад и вперед 365 раз, а годовая гиря, земля, протекши четыре слоя вечного пространства, познала на лице своем превращения четырех времен года, и седая вечность с ключом своим подошла заводить огромные часы и подымать гирю вспять. Смерть опять явилась, но она так исхудала и перепала, что и Сила ее было не узнал: одни кости да связки! Она в отчаянии пошла прямо напролом, без докладу, и была так суха и тоща, что Калиныч, хотев ее ударить штыком, промахнулся и выколол какому-то французскому маршалу, который на беду подвернулся, глаз. Мужик сосну рубит, а по грибам щепа летит... Он запрыгал, закричал, смерть также завыла не на шутку — шум, крик, народ навалил, подъячии продрались, полиция доискалась — и все вышло наружу!

За корыстный перетолк высокого приказания, за самоуправство, за нарушение воинской дисциплины, осужден Сила носить три года со днем смерть за плечами. А там судятся не по-нашему, не проволакивают. Смерть насела на него и — ступай, сказала ему, прямо и не оглядывайся.

Прямо, подумал Калиныч, у нас на Руси только сорока летает; а оглядываться не на кого, когда смерть за плечами. Давно не носил ранца, так, чтоб не разучился, навесили! Он с горя выпил и пошел, по-охотничьи сказать, метать петли и закидывать крюки, а попросту писать мыслете, а по-военному, траншеи резать, потому что траншеи копаются, как известно, зубцами и уступами. Ему небо казалось с овчинку; он из семи пальцев своих — трех на правой руке не было,— не видал ни одного, а один у него в глазах семерил. Пьяному море по колено, а лужа по уши! Завел Сила ладонь за ухо, затянул: «Ты заной, заной, мое сердечушко, заной, ретивое!»— накричался вволю, так что сам осип, а у смерти в костяных ушах трещало, лег и уснул.

Проспавшись, встал он, опохмелился и вспомнил пословицу старика Грыцька Мироненка, у которого в Киевской губернии, в селе Будинце, стаивал на квартире, и который говаривал во всякой беде: «Як кому не поведется, то и пивень не несется; кому не повезет, тому и петух яйца не снесет». Этот же старик сказал ему однажды, когда он воротился домой пьяный, как теперь: «Як бы я був твой батько, то дав бы тоби одиннадцать розог!» — «А зачем не больше?» — спросил Сила. — «Бо не стоишь!» Видно, он правду сказывал, подумал Сила, и хохлы под старость правду говорят, бог без вины не накажет. Но он не унывал, там же не раз слыхивал он любимую пословицу хохлов: утик не утик, а побигты можно; ушел не ушел, а побежать можно! Сила скрепился духом и вооружился терпением. Капля терпением камень долбит; три года не три века, а служил я тридцать три, а прожил на свете пятьдесят ли, шестьдесят ли три! Он стал думать, как бы от смерти, которая смеялась, пела и плясала у него за плечами, избавиться; и завел с нею для первого нового знакомства иносказательный разговор на обиняках:

Сила. Никак у меня ранец за плечами ожил?

Смерть. Ранец! он еще и подтрунивает! Нет, это не ранец, а я!

Сила. Ты! Да кто ты? Мне тебя там не видать!

Смерть. Это я, смерть; вся костяная, связки жилистые, вместо кожи — саван белый; в одной руке коса, как бритва, в другой — часы песочные с крыльями, песок вечно пересыпается...

Сила. Полно, полно, не маши! В долг поверю, что пересыпается, глаза запорошишь! Так это ты, землячка-своеченица, да ты сегодня, не в зазор твоей чести сказано, рябее суслика, голосистее сверчка, бородастее белевского раскольника! Не рано ль пташка запела, чтоб кошка не съела? И стара, да весела!

Смерть. А ты стар, да глуп, что не умел пользоваться славою и силою, когда был в случае, теперь на моей улице праздник!

Сила. Слава тебе тетерев, что ноги мохнаты! А дураком меня величать погоди, не всяк дурак, кто в фофаны играет.

Смерть. Да, ты дурак, говорю я тебе.

Сила. Мы все говорим, да не все по говоренному выходит.

Смерть. Ну так ты дура, если не дурак!

Сила. Когда-то пуля моя была дура! Где ударит — дыра! А ты так дура, когда на то пошло, без ума голова — лукошко; ты два года голодом сидела, а на третий лишь съела!

Смерть. Хорошо, я дура, но признайся же, что и ты теперь в дураках!

Сила. Для чего не так! За компанию и цыган удавился.

Смерть. Ну вот, на мое же вышло, это все равно!

Сила. У турок шекер; у немцев цукер, а поглядишь — тот же сахар; вот это так все равно; а нововязный кол не неподковный гвоздь, это не одно.

Смерть. Отчего же не одно?

Сила. Про глупого, про бестолкового две обедни не служат. Оттого, отчего ты спрашиваешь; оттого что у тебя девятой клетки в голове нет!

Смерть. Восемь да один девять; я сам-девять на тебе сижу!

Сила. Мулла не за то в славе, что на ме-

четь лезет, а за то, что громко кричит. Этого мало, что ты на меня села, зануздай меня, как уносливого коня, бечевкой возьми поводья в ежовые рукавицы, да припаси на меня кнут с пуговицей! Не то проведу тебя, да уйду!

Смерть. Охота смертная, да участь горькая! Ты никак часто около бутылок ходишь, да и только! Нет, сват, не снести индюшке верблюжьего яйца!

Сила. Правда! Огуречный рассол и из заморской березы не потечет!

Смерть. Что где не посеяно, не повеяно, то не пожнешь, не поешь!

тебе толкую, либо пегая, либо одношерстная, и, как родясь не видала, умру не увижу.

Сила (понюхав табаку). А я так и теперь вижу.

Смерть. Где?

Сила. А вот прямо! (Понюхав еще раз.) А теперь так и пару вижу.

Смерть. Отчего же я не вижу?

Сила. Опять-таки отчего! Ведь ты не духовный отец, да и мой еще не последний конец; много будешь знать, скоро состаришься. Отчего мужик в кафтане, баба в сарафане? Отчего в клетках птицы, в теремах — девицы?

— На то,— отвечал Сила,— на что с липы лыки дерут!

— А на что лыки? — спросила снова неугомонная.

— На спрос, а кто спросит, тому чихарю в нос! Ты в карты играть садишься, ни мастей, ни козырей не знаешь. С тобой, как с французом, с балагуром, натощак не сговоришь, сиди да и полно!

— Выпусти меня,— взмолилась смерть,— я тебе все, чего душа твоя пожелает, отдам.

— Мужик тонет, топор сулит,— отвечает Сила,— вытащишь, топорища жаль. Русский

Сила. А у нас на Руси смоленскую крупу и не сеют, да едят!

«Не умен, да находчив»,— подумала смерть, но не сказала, а своротила разговор опять на прошедшее.

— Ну, если ты не сознаешься в глупости своей,— сказала она,— так тебе должно быть тем стыднее с умыслу обманывать бога и морить честных людей, как я.

Сила. Русский солдат — что багор: зацепил, потащил. Он же как рак краснеет на огне. Нашего русского бога не обманешь, хоть и пораньше нашего встанешь, а вашего брата сизокафтанника не прижимать, так не с кого и поживиться. Солдат с солдата не возьмет. Да чем из пустого в порожнее переливать, разгадай-ка ты лучше мою загадку: найди-ка ты мне пегого коня, да чтоб был одной только масти.

Смерть. А на что тебе?

Сила. На что! На то у селезня на крыльях зеркальце, чтоб утки гляделись; сядем да подождем вдвоем. Ты, чай, на мне сидя, устала.

Смерть. Пегого коня да одной масти! Вот у пономаря есть кобыла, если бы подмазать немного...

Сила. Что? Если б подмазать, так была бы одношерстная? Кабы соловой кобыле да черная грива, она ль не буланая? Ох ты, разумница! Мы не вороной эскадрон на смотр выводим, чтоб отметины закрашивать; не в том сила, что кобыла сива, а в том, как она везет; закрасишь под одну масть, так, полно, будет ли пегая!

Смерть. Голова твоя шестерня, и я то же

Оттого, что ты умница, а я дурак. (Понюхав еще раз.) А вот теперь так я и тройку вижу!

Смерть. Да что ты это делаешь?

Сила. Ворожу, табак нюхаю.

Смерть. Да разве это хорошо?

Сила. Хорошему хорошо. От него и вижу, что захочу.

Смерть. И здорово?

Сила. Здоровому и нездоровое — здорово, а нездоровому и здоровое — нездорово.

Смерть. А дорог у вас этот табак?

Сила. Вот скряга! Ты бы, чай, и на обухе рожь молотила, чтобы зерна не уронить; за алтын — три напойки!

Смерть. А почем ходит у вас алтын?

Сила. По рукам да по карманам. Ну, а третья-то кобыла моя показистее всех! Черкесская шея с (в тексте — пропуск), морда с оскалом, копыта стаканчиками! Чудо чудное, диво дивное! Чистой масти золотогнедая, а приглядишься — пегая!

Смерть. Да как бы мне поглядеть на это чудо? Дай ты мне понюхать табачку!

Сила. Перекинься мухой, садись в тавлинку да и нюхай вволю.

Он достал тавлинку свою с чихарем, а рожок сунул за голенище. Смерть не превозмогла любопытства своего — и за это-то она у нас, говорят, сопричислена к женскому полу,— перекинулась мухой, села в тавлинку, зачихала, закружилась, а Сила не промах,— крыщку накрыл, придавил да и в карман. Теперь не вылезешь, говорит, после смерти нет покаяния, не кусала зубами, а губами не укусишь!

— На что ты запер меня?— зачихала смерть в тавлинке.

человек задним умом крепок, теперь поздно, сиди, не держись, лягушки за уши и за хвост не поймаешь!

Смерть зачихала и заплакала. Не знала баба горя, родила баба походя! Вот тебе и пегая кобыла! Кто теперь в дураках? Не всяк дурак, кто в дураки играть садится! На то щука-рыба в море, чтоб карась не дремал!

Скоро шары перекатываются, не скоро конька подбивают; спорое кушанье — толокно: замеси да и в рот понеси; скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Выходил Сила Калиныч, душа горемычная, три года со днем, и проносил он смерть при себе, и зачихалась она от чихаря до полусмерти. Теперь пришел он в роковой день, по истечении срока, явился к тому, кто наказал его, и наложил эпитимию за грехи его и неправду, и попал за новую свою штуку и за повиновение в такую милость, что посажен прямо и без очисти,— или три года, в продолжение которых он проносил смерть при себе, зачислены ему были очисткою,— посажен, говорю, прямо в рай. Пошел гулять Сила Калиныч, душа горемычная! Русский солдат, куда ни пришел,— все дома! Кричит:

— Хозяин, хозяин, обедать давай! Мой пай, твой привар.

Не откликается никто, он на первого праведного, сидевшего с пирогами да соусами у стола, напал, объел его кругом, перекрестился, отдохнул, а потом принялся убирать амуницию свою. Он стены все истыкал кольями, амуницию походную и боевую вычистил, развешал рядком, покрыл, а кто из праведных подойдет, бил по шеям без разбора; не за-

май, говорит, это казенное! Не прошло трех часов, как весь лик праведных подняли бунт, пошли всем миром жаловаться, просить на него. Нельзя, дескать, с ним ужиться, этакого человека у нас не бывало, не знаем кто и за что ему дал право осквернять святотатным присутствием своим пречистое обиталище наше. Он, извините слову нечистому, не при вас будь сказано,— так продолжали они,— водку пьет, табак курит, нечестивые слова, ругательства произносит, ест за семерых, пляски-сказки заводит, дерется, стены все истыкал копьями, не знает праздника, не знает будень, мелом, ваксой, воском, кирпичом все перегадил, да еще и песни поет, на беду нашел еще тут какого-то шепелявого старика-чудака с косой, с которым он знался в походах в Туречине, да на горах Швейцарских, этот, даром, что в лентах да в звездах, так что пальцем ткнуть негде, с ним запанибрата, в шашки играют, вприсядку пляшут, кричат, курят, кутят, пьют— совсем нет мочи терпеть нам, и пришли мы повергнуть жалобу нашу ко стопам престола твоего.

«Опять начал проказить,— подумал седой судия и старший,— в аду и в раю ему не терпится, попусти поводья, он и удила закусит! Правду же он сказывал, что его надобно зануздывать бечевкой, держать в ежовых рукавицах, да припасти на него кнут с пуговицей! Нет ему пощады, когда он недостоин милости моей, посадить его в преисподнюю, прямо в ад! Пусть его там проказит!»

Принесли Калинычу, душе горемычной, командировку, аттестат о продовольствии и отправили, как срочного, на перекладных. Сила и тут не горюет: семи смертей не бывает, а одной русскому солдату не миновать. Что господь даст, то и будет, кому суждено умереть с перепою, того до поры и обухом не зашибешь, кому скоромным куском подавиться, хоть век постись, комара проглотишь — подавишься! Впрочем, пенять не на кого, как постелешь, так и выспишься, не умел играть яичком, играй желвачком.

— Приехали!— закричал ямщик из подмосковной, отряхаясь, у которого была на руках последняя станция в преддверии ада.

Лишь только послышался колокольчик валдайский, как полсотни чертей выскочили из мрачного обиталища своего, озаряемого не светом дня, но пламенем ночным, и, увидев Калиныча, обрадовались ему до исступления. Это нашего бору ягода! Мы давно до него добирались.

Схватили и с криком, с визгом, с шумом потащили за собою в ад. Тут-то пир и торжество! Дым, пар такой, что топор повесить можно! У Силы разбегались глаза, земляков много во всех углах, бранились по-русски, пели, приговаривали, плясали, пили, прыгали; было довольно, правда, и иностранцев, все художники наголо, булочники, пивовары, но между ними увидел он и земляка, покойного творца «Телемахиды». Его здесь лучше нашего умели пристроить по достоинству, по таланту: он пек пирожки с луком, и черти не могли нахвалиться. Дело мастера боится, подумал безграмотный Сила, а ему и на ум не пришло пожелать, чтобы задорные рифмодеи наши принялись бы также за это ремесло. Он их и понаслышке не знал, не только не читал, а то-то было бы пирожников! Между тем черти плясали вокруг него камаринского, барыню, били трепака, один ходил спирю, другой — журавля. Третий напевал «Антон козу ведет, Антон рогатую» с вариациями.

— Ходи круче, собака,— закричал Калиныч, свистнул, топнул, и пошел сам с ними приседать, кто кого лучше!

Ой, бейте трепака,
Не жалейте каблука!
Мужик пляшет,
Шапкой машет,
Приседает,
Меру знает.
Солдат выпьет на отраду,
Скачет, пляшет доупаду!

Сила бросил амуницию свою зря, прямо в огонь.

— Служивый, сгорит!— закричал чорт с рогатиной.

— Небось,— отвечал Сила,— казенное у нас на воде не тонет, на огне не горит! Водка есть у вас?

— Есть.

— И табак есть?

— Есть.

— Вот где житье мое будет! Давай водки, давайте табаку, давайте батрака мне, чтоб за амуницией ходил, я у вас за капрала! Я вас буду ружью учить, бить, а вы меня водкой поить, табаком кормить.

Да он и сдержал слово свое: кого ни поймает, надевает ему тесак, ранец, суму, ружье в руки, мечи, говорит, артикул. Ну, в сутки всех чертей до того перемучил, перебил, водку выпил, табак выкурил, пироги поел, что пошли все черти артелью на него просить!

— Как хотите, так с ним и разделывайтесь,— сказал судия праведных и неверных,— он уже и мне надоел. Я и сам с ним не справлюсь и связываться более не хочу. Подите!

Тогда черти зачесали затылки. Этого собрата и в ступе не утолчешь пестом! Думали, думали: как окаянного выжить из ада? Наконец, поймали да зарезали теленка, сняли шкуру, сделали барабан, да ночью, нечаянно на дворе и ударили тревогу. Сила Калиныч, по старой привычке, за ружье да и выскочил,— а они возьми да двери и запри! Наложили запоры, затворы, железные скобы, замок, и Сила Калиныч, душа горемычная, остался ни в аду, ни в раю, среди неба на земле, без крова, без приюта.

Теперь Калинычу деваться некуда, ни уйти, ни спрятаться, и делать больше нечего, как идти да сказаться отцам-командирам, пусть берут, судят да и расстреливают.

— Не велите казнить, велите речь говорить, повинную голову и меч не сечет. Виноват я много, а кривить душой не хочу. Стоял перед владыкою неба и земли, стану пред царя белого!

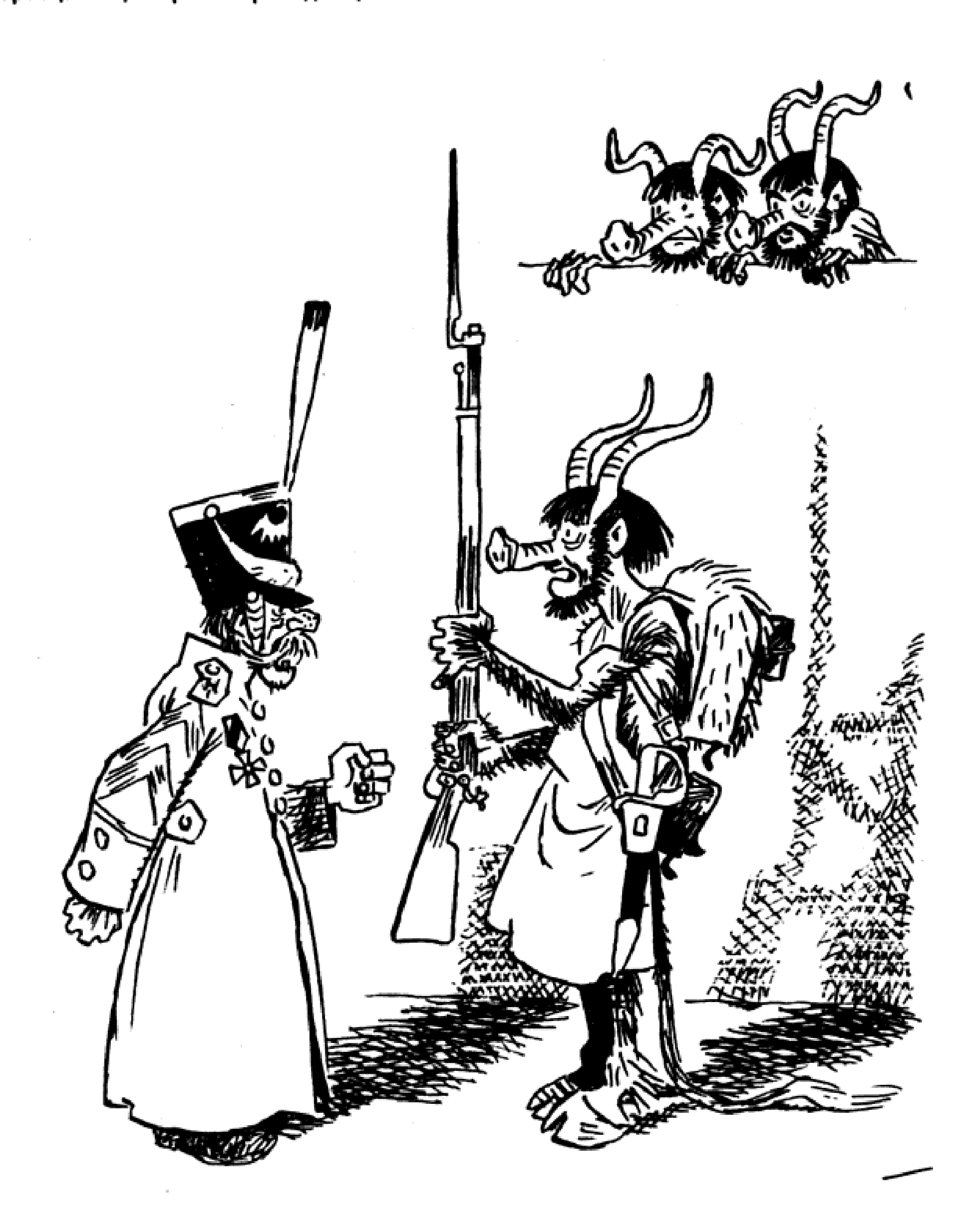
Калиныча взяли, сняли с него допрос, записали похождения и приключения его, и как дело было необычное, не подлежащее никакому закону, доселе писанному, так что и сам обераудитор корпуса не мог подобрать ни одного указа насчет неслыханной, самовольной отлучки в рай и в ад. Представили дело на рассмотрение царя, а царь,— на милость образца нет,— просмотрев дело, написал:

«В раю обретаются ангелы небесные, а в аду черти. И так Силе Калинычу, русскому солдату, там не место, ему и поделом, в чужие сани не садись. Дать ему чистую отставку, обязать реверсом: бороду брить, по миру не ходить, а поселить его под Очаковым на Телигуле или на Березани, где селятся отставные воины мои. Дать ему земли вволю и пенсию по смерть, по окладу жалования, серебром, какое получал, когда брал землю штыком, на которой теперь селится. Намекнуть чиновникам моим, писакам задорным, чтоб они писали, писали, да и назад оглядывались,— дело прошлое, а у меня в какой час набежишь, случится, что и лямку наденут, да заставят годы, которые Силу моего продержали сверх срока, отслужить под ружьем не ему, а вам.

А пономарю Ставропольского большого прихода Крутоглазому Крючкоазу Кутейкину, писавшему похождения Силы Калиныча, души горемычной, ни красно, ни хитро, и не складно, да ладно, и у которого Сила грамоте учился да не изучился, места учительского в семинариях моих, школах, лицеях ему не поручать, а ради гладкой сказки его без штуки, без скуки, без заморских затей, для больших и для детей, поднести ему из погреба моего меду белого, шипучего, стакан большой, да еще другой».

А пономарь Крючкоаз Крутоглаголевич Кутейкин бьет челом: кто во что горазд, тот в то и трубит, туляк — железо, ярославец капусту рубит! И много на свете Васильев, да не все Андреевичи, и много Иванов, да не все Ивановичи, у всякого свое умение, свое прегрешение, всякому своя беда, своя череда, на всех не угодишь, март пивом красен, апрель— водою, олень — по горам, баран — по дворам, у кого свищи орехи, у тещи — зубы! Я же сам там был, к Калинычу на Тигул в гости ходил, царский мед и пиво пил, по усам текло, а в рот не попало, а на душе пьяно и сыто стало.

Козак Луганский.

Ояр ВАЦИЕТИС

МЕТЕЛЬ В РИГЕ

Не отставая от сумерек,
Торжественный, точно органный концерт,
Начался снегопад.

Сперва вразброс медлительными хлопьями,
А позже целой лавиной
Из кладовых неба валился снег.

Загребущими лапами рвачей
Снегоочистители
Хватали небесное мороженое
И заваливали грузовики.

Но снег, попавший в машину,
Заважничал:
Я, дескать, еду, а ты идешь.
Я запустил в зазнайку
Влажным снежком,
Но и он, оказавшись в кузове,
Умчался с хвастливой усмешкой.

А на что пешеходу машина,
Когда у каждого фонаря
Удивительный веер из света и снега
И каждая скамья на бульваре
Манит, как мягкий диван?

В такую погоду мне любо бродить,
В такую погоду трамвайный звонок
Обкатан в снегу
И трамваи воркуют, как голуби.

Вот это был снегопад!
Даже один мой знакомый,
Всех презирающий, кроме себя,
И сквернословящий, как целая таверна,
Преспокойно шел мне навстречу,
Такой ласковый,
Такой обтекаемый,
Как еж, которому запорошило иглы.

Перевел с латышского
Павел ПАНЧЕНКО.

ИГРА ЛУННОГО СВЕТА

Окно «Белой дамы». Фото автора.

Мне посчастливилось открыть для себя эстонский маленький городок Хаапсалу. Говорю — посчастливилось, потому что городок этот незабываемо своеобразен. И искренне жаль, что он стоит в стороне от магистральных туристских маршрутов, что неповторимое обаяние его старины доступно лишь одиночкам из племени так называемых диких путешественников.

Хочется рассказать хотя бы о главной достопримечательности Хаапсалу — о замке, который был построен в XIII веке. Пострадавший от многочисленных войн и от времени, замок этот постепенно разрушался и примерно с XVIII века стоит в развалинах. Уцелела лишь башня замка, с которой открывается великолепный вид на город и море, часть стены и церковь, с которой связана легенда о «Белой даме». Говоря стихами поэтессы Л. Обольсиной,

Здесь в августе, в полночный
час
(Мираж-загадка и для нас),
При полной, в серебре, луне
В узорном, стрельчатом окне
Витает призрак
«Белой дамы»...

Этот «призрак» — просто игра лунного света. В полукруглой пристройке церкви есть три окна. Форма их переплета напоминает очертания головы и плеч. Свет луны преломляется в двух боковых окнах, отражается от стены, и в среднем окне эта игра создает полное впечатление стоящей за стеклом женщины в белом саване. Это бывает при определенном положении луны — только в течение трех ночей в августе, во время полнолуния. На протяжении многих веков появление «Белой дамы» в окне церкви оставалось необъяснимым, а потому казалось сверхъестественным и вызывало у людей суеверный страх.

Образ «Белой дамы», сотканный из лунного света, производит таинственное впечатление. «Призрак» медленно движется в окне по мере движения луны и кажется объемным. Примерно через час после появления исчезает.

А легенда, передаваемая с давних времен из уст в уста, рассказывает о том, что в замке-крепости при грозном владычестве Леене-Саарди было двенадцать каноников, давших по католическому уставу обет безбрачия. Один из них, любивший простую девушку из этого края, переодел ее мальчиком и ввел под своды замка в певческий хор. Тайна была раскрыта епископом, который жестоко покарал обоих: юношу обезглавил, а девушку живой замуровал в церковной стене. Но душа девушки и любовь ее живы. Потому и появляется «Белая дама»...

Интерес к легендам и сейчас не остыл: ежегодно в августе, во время полнолуния, у стен древней церкви можно увидеть немало любопытных, жаждущих увидеть «Белую даму». Это в основном приезжие из других городов. Местные жители с удовольствием пересказывают гостям известные им легенды.

Н. МЯСОЕДОВ

Разбойник

Б. ЯМПОЛЬСКИЙ

Жил при доме отдыха кот, круглый, как бочонок, нахальное плюшевое мурло, великосветские усы, и был он тут словно по штатному расписанию, как повариха, затейник, садовник.

Когда утром все делали зарядку, он, с благородной бархатной сединой, тоже выходил на физкультурную площадку, зевал и умывался, а когда шли в столовую, он, обгоняя всех, направлялся туда же, бродил под столами, мяукал, толкал мордой в ноги и получал рагу, и цыплят-табака, и котлеты, перепадала ему и шарлотка с яблоками и цукатные сырки, а от манного пудинга он отворачивался: «За кого вы меня принимаете?»

В мертвый час он, улегшись на солнцепеке, зажмурившись, предавался воспоминаниям, какие никогда и не снились котам городским и сельским, котам уличным, и деликатно облизывался сиреневым язычком.

Он был обязательным участником всех мероприятий. Когда играли в викторину, сидел тут же и при каждом вопросе делал глубокомысленное лицо, и когда спорили, хмурил брови, а когда при неправильном ответе смеялись, он тоже профессорски улыбался. Любил он смотреть кино, какие фильмы — все равно, лишь бы мелькало, и ненавидел и презирал только игру в бильярд, ибо слишком часто получал шаром в морду.

Все это была видимая его жизнь. Но была еще другая, миру неведомая, глубоко личная, засекреченная, ночная, когда он выходил разорять соловьиные гнезда.

После заката солнца какое-то новое, мечтательное выражение являлось на его круглой, себялюбивой, отъевшейся морде. Осторожно, так, чтобы никто не видел, он заходил за тын и долго стоял, оглядывался и прислушивался.

Он задумал разбойную операцию «Соловей».

Крадется он среди бурьянных трав и одуванчиков, окольной, непротоптанной тропинкой, тигриным шагом, по-пластунски припадая к траве, только спина изогнулась, только хвост трубой, только искры. И, сукин сын, еще петляет, заметает следы, на психологию давит — вот встретился на пути домик, так он и к домику подошел, поднялся по ступенькам на крылечко, словно шел за молочком, и вдруг оглянулся: наблюдает кто? — и шасть назад в траву. А если заметит чей-то взгляд, начинает несчастно прихрамывать и суетиться: мол, ищет травку для лечения, мол, животом заболел, мол, больной я, несчастный, все вокруг цветет, радуется и аукается, а я иду в овраг умирать.

Но вот он появился на открытом опасном склоне и вдруг пошел скачками, скачками к кустам у пруда, где соловьи и веснянки.

Тут мы его однажды и встретили в засаде, и как только он увидел нас, сразу все понял, припал к земле, слился с землей, с головой и плечами ушел в траву.

Мы его шуганули. И он как прыгнул, как взвился, будто выпущенный из пращи. Где уж тут хромоножка, где уж тут несчастненький, летит, как фаустпатрон, лишь трава свистит, лишь одуванчики разлетаются.

А когда мы пришли к дому, он сидел и умывался, такой честный, искренний, и все время лез на глаза, доказывая свое алиби.

ТРОЕ В ПЯТИ ФИЛЬМАХ

Н. ОСИПОВ

Кому ведомы актерские судьбы! Тем более такие несхожие, такие разные. Пришли-то ведь все эти актеры на экран из разных сфер искусства: Георгий Вицин — из театра, Евгений Моргунов — из кинематографа, Юрий Никулин — из цирка.

Долго лелеял Юрий Никулин надежду: вот, дескать, окончу военную службу и подамся в киноискусство. Демобилизовался, подал заявление в Институт кинематографии. На экзаменах вынесли заключение: «Для кино не подходит».

Хотелось бы сегодня взглянуть на автора этой резолюции после того, как он уже увидел фильмы с участием забракованного им Юрия Никулина. Роли, которые доверила артисту режиссура, так разительно непохожи друг на друга, так не вмещаются в понятие «амплуа», что можно смело говорить о высоком даре перевоплощения.

Трудно себе представить более разительных антиподов, чем Кузьма Иорданов в фильме «Когда деревья были большими» — человек тяжелой, горькой судьбы, Балбес, смешивший миллионы зрителей в цикле кинокомедий, и милиционер Глазычев, проводник розыскной собаки в фильме «Ко мне, Мухтар».

А создал их один и тот же актер.

После того, как вышла картина «Девушка с гитарой», в которой Никулина впервые увидели кинозрители, о нем сказали: «Это будет популярнейший комик на экране». А после фильма «Ко мне, Мухтар» о нем заговорили как об одаренном драматическом актере. В «Маленьком беглеце» — это новый фильм — Юрий играет просто циркового актера.

— Как сыграть самого себя? — говорит мне Никулин.— Помните анекдот с сороконожкой, которую спросили, что делает ее 33-я нога, когда она выдвигает 15-ю? Думала она, думала: как же действительно это получается?.. И запуталась, стала спотыкаться. Так происходило и со мной. Думал все: какой же я в жизни? Стал следить за собой, за движениями, выражением лица, походкой — и до того поведение мое показалось самому себе нарочитым, искусственным.

Не подумайте, что я один из нашей троицы играю и драматические и комедийные роли,— заметил Юрий Владимирович.— Вот, например, Моргунов, на что уж апробированный комик, а ведь начал в кинематографе с драматической роли. Помните Стаховича в фильме «Молодая гвардия»? Так это ведь Моргунов. Правда, прошло почти 20 лет. И мой партнер несколько располнел. Теперь он солидный и планы у него солидные — занялся режиссурой.

— А Вицин?

— Блестящий актер, ему под силу и драматические и комедийные образы.

В только что законченном фильме «Кавказская пленница» (режиссер Л. Гайдай) все трио снова выступает в своих привычных образах — Балбес, Трус и Бывалый.

— А ваши ближайшие планы, Юрий Владимирович. Снова на экран?

— Нет, теперь снова в цирк. Готовлю для ребятишек елочную программу. Ах, как хорошо, что Новый год я встречу с мальчишками и девчонками, с крохотными моими любимцами, с ними всегда тепло и весело! Так давайте же поднимем бокалы за них.

Артисты Юрий Никулин, Евгений Моргунов и Георгий Вицин на съемках нового фильма «Кавказская пленница».

Фото В. Чиглякова.

— Ребята! Я не Дед Мороз. Я сторож!

Рисунок В. ГИНУКОВА.

— Вы тоже на маскарад?

Рисунки В. ТИЛЬМАНА.

— Мамочка, ну давай сходим еще на какую-нибудь елку.

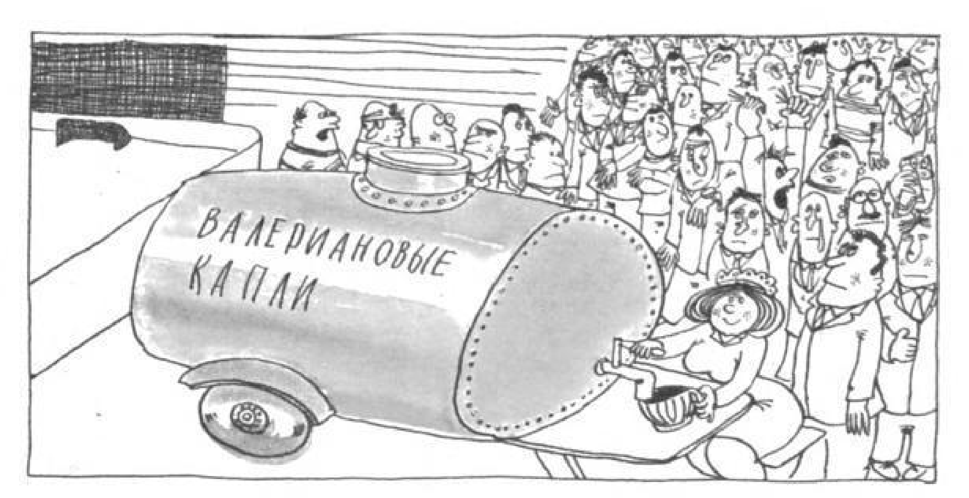

— Ради бога, простите за беспокойство, мы думали, что это лисья нора!

Рисунки А. ШВАРЦА.

— Хоть домой не возвращайся!

Ответственный матч.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Без слов...

Рисунок В. ГИНУКОВА.

Михаил КУДИНОВ

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ О ПУСТОСЛОВИИ

Вариация первая

(Эстрадная)

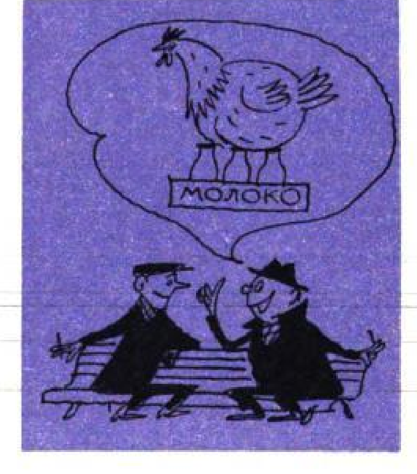
Он должен был говорить,
он обязан был говорить,
а не воду лить,
не дрова рубить,
говорить он был должен,
именно говорить,
то есть произносить слова,
для чего сперва
надо было найти ему эти слова
и, найдя их,
друг с другом связать,
а потом опять
найти и связать,
связать, чтоб из слов
получилась фраза,
и за этою фразой
должна была сразу
появиться вторая,
третья,
десятая,
пятидесятая,
чтобы, вместе взятые,
они назывались бы речью;
и все это требовало
усилия нечеловечьего,
потому что трудно,
ужасно трудно,
не останавливаясь, говорить,
говорить, говорить,
когда говорить
абсолютно нечего.

Вариация вторая

(Бульварная)

Слышал, что говорят?
Кур, говорят, доят.
Так что... сам понимаешь.
(Грамотный ведь, небось.)
В случае там чего,
не было ничего!
Понял? Чего моргаешь?
Слушай, ты это брось!
Мало ли что говорят,
ты мне не сват, не брат,
сели, перекурили,
перекинулись парой слов,
ты не знаешь меня,
я не знаю тебя,
знали бы — не говорили,
так что бывай здоров.

Вариация третья

(Аллегорическая)

Бык сказал: «Кукареку».
А козел в ответ: «Ку-ку».
А потом корова
Попросила слова
И сказала: «Чик-чирик,
Это все не ново».
А баран сказал: «Гав-гав!
Бык неправ, козел неправ,
Доводы коровы
Лишены основы».
А индюк сказал: «Хрю-хрю,
Я вам дело говорю:
Раз дошло до брани,
Закрывай собранье!»

Рисунки Ю. Черепанова.

Ц. СОЛОДАРЬ

Мелкий хам

Инспектор некий райкомхоза
(По части грубости мастак)
Старушке раз ответил так,
Что ахнула она — и в слезы!..
Пошла тогда старушка к заву
И там услышала в ответ:
«Нет повода для шума, право,
Состава преступленья нет.
Смотреть на вещи нужно шире.
Инспектор разве вас избил?
Рукоприкладством оскорбил?
Он хулиганил? Дебоширил?
Нет, он вас только обхамил...»

Замзав — мужчина строгих правил —
Многозначительно добавил:
«Инспектор, ясно мне, нахал.
Но разве это криминал?!
Он нагрубил, допустим, вам.
Но ведь не вор он, не грабитель,

Не соблазнитель, не растлитель,
Совсем не правонарушитель,
А рядовой и мелкий хам...»
«Инспектор, знаю я, невежлив,—
Вмешался в разговор профорг,—
От поведения невежи
Я не могу прийти в восторг.
За вас я крайне огорчен!
Но профсоюз тут ни при чем,—
Здесь налицо нет хулиганства.
А заниматься мелким хамством?
Как ни крути, как ни верти —
На это даже нет статьи!..»

Печально утирая слезы,
Ушла старушка из комхоза.
Ей было очень нелегко.
И так понятна эта драма:
Хоть слыл инспектор мелким хамом,
Но сердце ранил глубоко.

Овсей ДРИЗ

Фантастично, но не очень

РАЗВЕ Я МНОГОГО ХОЧУ!

Я хочу говорить
На языке незабудок,
Лютиков
И лесных колокольчиков.
Этот язык
Понимают все дети мира.

Разве я многого хочу?

Я хочу раскинуть
Звездный сад
На нашей земле.
Этот сад
Рисуют все дети мира.

Разве я многого хочу?

Я хочу превратить
Пушки
В цветные хлопушки,
Штыки —
В новогодние елки.
Под этими елками
Так любят плясать
Наши дети.

Разве я многого хочу?

ДЕВУШКА

Море.
Вдоль берега девушка шла.

Я глядел ей вслед,
Взглядом
Следовал за ней по пятам.

Вдруг
Девушка остановилась,
Сняла свою туфельку
И вытряхнула мой взгляд,
Словно песок.

КЛЕВЕТА

Костлявая старуха,
Нацелив совиный глаз,
Старалась продеть
Нитку сквозь ушко иглы —
И все невпопад,
И все невпопад.

Ближе к свету,
К окну подошла
И долго, упрямо,
Прищурив пронзительный глаз,
Скрюченными пальцами
Все водила ниткой,
Как жалом змеи,—
И все невпопад,
И все невпопад.

Но вот наконец
Выглянул из ушка
Черный язычок.
И сшила старуха
Клевету.

Перевел с еврейского
Г. САПГИР.

Китайские летчики и советские добровольцы в перерыве между боями. Второй справа К. Коккинаки.

В НЕБЕ КИТАЯ

Интервью «Огонька»

Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР Константин Константинович КОККИНАКИ

Константин Константинович Коккинаки участвовал добровольцем в национально-освободительной войне китайского народа против японских империалистов.

Корреспондент «Огонька» А. Голиков попросил рассказать его о тех памятных днях.

— В 1939 году я испытывал в воздухе новые истребители. Этим же занимался и мой друг Степан Павлович Супрун, отличный летчик-испытатель. Время было тревожное. Гитлер развязал войну в Европе, а на Дальнем Востоке Китай изнемогал в борьбе с японскими захватчиками.

Мы со Степаном подали по команде рапорты с просьбой разрешить нам поехать добровольцами воевать в Китай. Тогда многие советские летчики, движимые чувством интернационализма, сражались в Китае, а раньше в Испании.

С остальными добровольцами нашей группы мы встретились на даче в живописном уголке Подмосковья. Из нас, летчиков-истребителей, сформировали две эскадрильи: одну на самолетах «И-16», другую — на «И-15 бис». Командиром всей группы добровольцев стал Степан Супрун, а его заместителем я. Мы были старшими и по возрасту и по опыту летной работы. Особенно Супрун.

Путь в Китай оказался не близким. Сначала поездом до Алма-Аты. Потом вместе с разобранными истребителями на автомашинах через горы, через пустыню Гоби в невообразимо пыльный город Хами. Это уже Китай. Здесь наши техники собрали самолеты, и мы, как говорится, своим летом двинулись в Ланьчжоу — город на реке Хуанхэ.

Мы были в штатском. В полет отправились с пистолетом на ремне под пиджаком, а на левом лацкане был приколот кусочек шелка с китайскими иероглифами, гласящими примерно следующее: «Русский советский летчик-доброволец помогает Китаю в национально-освободительной войне против японских захватчиков. Местной администрации и населению надлежит оказывать содействие летчику-добровольцу».

В районе Ланьчжоу впервые увидели следы войны: черные пятна сожженных японской авиацией деревень, на дорогах и в полях — воронки от бомб. Как-то на большой высоте прошел японский разведчик.

Воевать мы стали, прибыв в тогдашнюю столицу Китая Чунцин. Нам была поставлена задача прикрывать ее от воздушных налетов противника.

Недалеко от нашего аэродрома стояло несколько фанз. Оттуда к нам прибежал малыш лет четырех. Его угощали шоколадом. Вдруг в воздухе загудел самолет, и мальчик затрясся от страха. «Японец летит!» — закричал он и, схватив меня за руку, потянул к укрытию. Этот детский крик словно ножом резанул по сердцу.

Советский доброволец с китайским мальчиком.

Боевого крещения нашей эскадрильи я ожидал с нетерпением, но и с затаенной тревогой. В ту пору за советскими летчиками-добровольцами в Китае уже прочно установилась слава отважных и умелых воздушных бойцов. Слабая китайская авиация под ударами японцев еще в начале войны понесла серьезные потери. Иностранные летчики, за большое вознаграждение вступившие в китайскую армию, были недисциплинированны и серьезной боевой ценности не представляли. Японские бомбардировщики безнаказанно летали над Китаем.

Картина изменилась, когда прибыли советские добровольцы. До этого японцы регулярно бомбили Ухань. И вот 18 февраля 1938 года советские добровольцы встретили их в воздухе и сбили 12 самолетов. Советские авиаторы победили знаменитых японских асов, «воздушных самураев», «четырех королей неба» — Каваниси Есихира, Сираи Садао, Куримото Тосики и Минамиго Сегеаки. За эти подвиги отряд советских истребителей в Китае стали называть «Меч справедливости».

Я был убежден, что и наш отряд будет тоже хорошо драться. Мои товарищи отлично летали и стреляли, но ни у кого из нас еще не было боевого опыта. А японцы имели вполне современные самолеты и хорошо обученный летный состав, который воевал уже не первый год.

Над Чунцином японские бомбардировщики появлялись, как правило, в лунные ночи, когда хорошо просматривались на земле крупные ориентиры. Летали они строем и, войдя в зону действия наших истребителей, время от времени по команде флагмана всеми самолетами открывали заградительный огонь в направлении наиболее вероятных атак истребителей. Зрелище было эффектное. Словно гигантская огненная метла подметала звездное небо.

В одну из таких лунных ночей я в паре с добровольцем Михайловым патрулировал в воздухе. Вдруг увидел ниже себя голубые язычки пламени — выхлопы моторов японских бомбардировщиков. Не теряя ни секунды, дал сигнал ведомому следовать за мной и пошел в атаку. С ближней дистанции открыл огонь и сбил японский бомбардировщик. Вскоре на свой боевой счет первые победы записали и другие наши добровольцы: Супрун, Михайлов, Кондратюк, Корниенко.

Были и потери. В воздушном бою погиб доброволец, осетин по национальности, Бдайциев. На могиле его установили надгробный камень с надписью на китайском и русском языках: «Здесь погребен советский летчик-доброволец, погибший за китайский народ».

Одновременно с нами в Китае действовала группа советских летчиков-добровольцев, которые ле-

тали на дальних бомбардировщиках конструкции Ильюшина — «ДБ-3». Командовал этой группой Г. А. Кулишенко. Китайцы называли этих бесстрашных авиаторов «воздушными тиграми».

О боевых действиях «воздушных тигров» мне рассказывал мой друг, летчик-доброволец Василий Картаков. Он сам разрабатывал тактику налета на японскую авиабазу в Ханькоу и принимал в нем участие. Это произошло в начале осени 1939 года. Китайские партизаны донесли, что на японской базе в Ханькоу находится около трехсот боевых самолетов, много горючего и авиабомб. Кулишенко поднял в воздух свои бомбардировщики. Они подошли к авиабазе незаметно, со стороны солнца, на высоте 7 тысяч метров. Бомбовый удар был внезапен и силен. Японские зенитки не успели сделать ни одного выстрела. А уцелевшие истребители не могли подняться в воздух, так как весь аэродром был перепахан бомбами.

Вскоре добровольцы повторили налет на Ханькоу. За эти два вылета на крупнейшую авиационную базу японцев в Китае они уничтожили более ста вражеских самолетов, много техники и горючего, взорвали склады авиабомб.

Григорий Кулишенко погиб при одном из своих смелых налетов на тылы противника. Позднее я узнал, что его имя стало широко известно в Китае. Еще до провозглашения КНР китайская печать писала о подвигах советского летчика-добровольца Григория Кулишенко. Позднее орган ЦК КПК «Жэньминь жибао» перепечатал эти статьи. О Кулишенко были сложены стихи и песни. Школьники читали о нем в учебниках. Ему были посвящены популярные в Китае книжки-картинки. На могиле советского летчика Кулишенко китайские добровольцы давали клятву беспощадно громить американских агрессоров в братской Корее.

Наши истребительные эскадрильи тоже вели напряженные бои. Мы сражались иногда вместе с китайскими летчиками. Отношения у нас были братские. Однажды японские самолеты бомбили наш аэродром. Китайские летчики только что совершили посадку, но один самолет не успел сесть и оставался в воздухе. Бомбы разбили стартовый прожектор, а второй эшелон бомбардировщиков уже приближался. Китайский истребитель в темноте сесть не смог. Приземляться с парашютом в темноте на скалы — аэродром находился в горах — тоже очень рискованно. Тогда Степан Супрун вскочил в автомобиль, выехал на летное поле и фарами осветил его. Китайский летчик благополучно выполнил посадку, и едва они с Супруном успели выехать с аэродрома, как на летном поле стали рваться японские бомбы.

В декабре 1939 года нашу группу добровольцев перебросили на юго-восток страны. Здесь нам пришлось помериться силами и с японскими истребителями. Они прикрывали свои бомбардировщики, которые наносили удары по китайским аэродромам и коммуникациям.

Помню воздушный бой 10 января 1940 года. Японские бомбардировщики шли двумя группами, по 27 самолетов в каждой, под сильным прикрытием истребителей. Часть наших ребят связала боем японские истребители, а другая атаковала бомбардировщики. Надо отдать должное боевой выучке и упорству противника. Японские самолеты шли плотным строем, крыло в крыло, умело поддерживая огнем друг друга. Если одна машина, объятая пламенем, падала к земле, ее место занимала сзади идущая, сохраняя боевой строй.

Нам пришлось драться с истребителями прикрытия. Их было значительно больше. В этом бою я сбил седьмой японский самолет. Выйдя из атаки, увидел, что два японца атакуют «И-16». Я поспешил на выручку товарищу и сам попал под удар. Пулеметная очередь сильно повредила мою машину, и она крутой спиралью пошла к земле. Тут мне помог опыт летчика-испытателя. Я сумел вывести машину в горизонтальный полет и добраться до своего аэродрома. А летчик-доброволец товарищ Резинка из боя не возвратился. Он был похоронен в китайской земле, за свободу и независимость которой отдал свою жизнь, как и другие двести его товарищей — советских добровольцев.

Вскоре обе наши эскадрильи возвратились на Родину. Я, как и многие советские добровольцы, был награжден боевым китайским орденом. Самолеты мы оставили китайским летчикам, которых предварительно обучили на них летать. Тогда многие советские командиры—артиллеристы, танкисты, летчики — преподавали в китайских военных школах, готовили кадры для китайской армии. А в авиационном учебном центре возле Урумчи советские специалисты подготовили группу летчиков-истребителей, которые и составили костяк истребительной авиации Народно-освободительной армии Китая.

Товарищи мои уехали, а я еще задержался на несколько месяцев — я был военным советником по истребительной авиации. Старшие советские военные советники прибыли в Китай еще в 1938 году. Среди них были такие выдающиеся военачальники, как маршал В. И. Чуйков, маршал авиации П. Ф. Жигарев, генералы П. Ф. Батицкий, Ф. П. Полынин и другие.

Вот что 17 октября 1949 года писала китайская газета «Цзефан жибао» о советских летчиках-добровольцах: «Покинув свою Родину, места, где они родились и жили, своих родных и близких, они добровольно приехали в пылающий войной Китай... Своими бесстрашными действиями они подымали боевой дух китайского народа. Кровь, пролитая погибшими геройской смертью советскими летчиками-добровольцами за дело освобождения китайского народа, слилась с кровью, пролитой китайским народом».

Так было в недавнем прошлом. А теперь китайские руководители объявляют нашу Родину и нашу партию врагом номер один, предают забвению прошлое братство по оружию, кровь, пролитую советскими людьми за Китай. Они преследуют всех, кто питает добрые чувства к Советскому Союзу.

Советские люди с глубоким уважением относятся к китайскому народу, к китайским коммунистам. И тем больший гнев и возмущение вызывают у нас дела китайских руководителей.

До встречи, Москва!

Он стоит, прислонившись к березам, немного грустный, высокий парень с далекого Запада США. Ему 28 лет, он ковбой, певец, киноактер, поэт, композитор. Его зовут Дин Рид. Это имя полюбилось за последние два месяца многочисленным зрителям Москвы и Тбилиси, Риги и Еревана, Ростова и Баку.

Когда поет Дин Рид, на сердце становится светло, губы невольно раздвигаются в улыбку, хочется веселиться, танцевать, быть молодым, любить.

Был в жизни Рида случай, когда он, не задумываясь, прервал концерт на площади в Буэнос-Айресе и бросился в огонь горящего рядом дома, спас находившихся там людей, закончил концерт и весь сбор отдал пострадавшим. Он донор, ибо уверен, что молодежь должна отдавать свою кровь тем, кто нуждается в ней.

Он считает, что «певец не имеет права торговать своим голосом. Голос певца — это его совесть. Нельзя петь одним горлом, какими бы уникальными ни были твои голосовые связки. Песня рождается в сердце и из сердца должна исходить».

Таково художественное кредо Дина Рида — певца-гражданина.

Он борец за справедливость, равенство, счастье, мир. Гражданская тема звучит особенно громко в песнях, написанных им самим,— «Война продолжается», «То, что я видел».

— Вы живете сейчас в Аргентине. А как вы относитесь к вашей родине — США?

— Я гражданин США и пока что не собираюсь менять гражданство. Выступая с концертами в различных странах, я хочу помочь борьбе негритянского народа моей страны за гражданские права, я хочу, чтобы американцы поняли, что наши парни не имеют права убивать вьетнамских парней. Я считаю, что американским солдатам нечего делать во Вьетнаме и они должны уйти. Моя родина — США—сильна. Но это не дает нам права быть мировым жандармом.

Со сцены несутся полные горечи и гнева слова песни Рида:

Что ж, опять барабаны
бьют!
А солдаты? Опять
поют?
И опять на земле она?
Да! Опять ты идешь
умирать,
И опять причитает
мать,
И опять на земле
война!
И политики врут опять,
Чтоб оружье ловчей
скупать...

— Какая ваша самая любимая песня, Дин?

— Когда я узнал, что стану отцом, я забрался от радости на крышу нашего дома и сочинил песню сыну «Я хочу, чтобы ты знал». Позже мы потеряли нашего сына, но мне кажется, что любой отец может спеть ее своему сынишке.

Хочу, чтоб узнал ты, как туча тиха,
Как речка порою бывает суха,
Хочу, чтобы правды потребовал ты от стиха
И правду узнал!
Хочу, чтоб узнал ты, как кожа людей
Бывает похожей, раз люди в беде,
А в каждой душе — больше света, чем зла,
Хочу, чтоб это ты знал!
Хочу, чтоб знал ты, как войны страшны,
Как матери плачут, когда погибают сыны,
А жизнь не игра, и эпоха грозна.
Хочу, чтоб это ты знал!
Хочу, чтоб узнал ты, когда подрастешь,
Как мать и отец ненавидели ложь
И сыну открыто смотрели в глаза,
Хочу, чтобы это ты знал!

Неизменно, когда кончались концерты Дина Рида и закрывался занавес, он долго не уходил со сцены: сотни рук тянулись за автографами. И усталый после выступления Рид тщательно писал на каждой программке: «Мир и счастье в вашей жизни. Ваш друг Дин Рид».

— Покидая, надеюсь, ненадолго, вашу прекрасную страну,— сказал Рид,— я хочу пожелать советским людям мира и счастья в новом, 1967 году.

Мих. БРУК

● ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ ●

КОПЫТНОЕ ТАКСИ

По улицам городка Михас (Испания) курсируют необычные такси — ослики. Новым видом транспорта в основном пользуются иностранные туристы.

РЕКОРДСМЕН СРЕДИ БАРАБАНОВ

Оркестр Техасского университета приобрел новый музыкальный инструмент — барабан, диаметр которого три метра. Это пока самый большой барабан в мире.

АНТИПРЕМИЯ

В Италии учреждена так называемая антипремия по литературе и искусству, которая будет присуждаться известным писателям, художникам и композиторам за самые неудачные произведения. Награжденный такой премией обязан внести миллион лир в пользу какой-нибудь культурной организации. В случае отказа лауреат будет назван на страницах печати как человек, лишенный чувства юмора.

ДРУЗЬЯ

Минувшим летом я провела отпуск в Целиноградской области Казахстана.

В доме, где я остановилась, жили сурок по кличке Нанка и кот Чертик. Они целыми днями бродили вместе.

А. Верхутина

ПЧЕЛЫ УСТАЛИ

Ученые Бразилии установили, что пчелы их страны страдают от страшного переутомления. Причина — непрерывное цветение растений в течение года. В то время как европейские пчелы работают 3—4 месяца в году, их бразильские коллеги трудятся круглый год.

БЕГ С РЫБОЙ

На старте участнику забега вручается рыба, с которой он должен добежать до финиша. Скользкая рыба вырывается из рук, и это значительно осложняет задачу бегунов. Такие соревнования очень популярны в Японии.

КООРДИНАТЫ РОЖДЕНИЯ

Среди пассажиров югославского судна «Нови-Сад», направлявшегося в Дубровник, находилась и Смиляна Томич. В открытом море женщина почувствовала себя плохо и вскоре произвела на свет младенца.

В метрике ребенка, в графе «место рождения», появилась запись: «Координаты 42° 45′ северной широты и 17° 52′ восточной долготы».

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАГАДКА ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Казалось бы, все написанное Конан-Дойлем давно известно до последней строчки. Но это не так. То и дело на страницах детективных журналов и сборников появляются рассказы о новых приключениях прославленного сыщика и его друга доктора Уотсона.

Записные книжки Уотсона оказались поистине неисчерпаемыми! Вот одна из последних обнаруженных там историй...

...Было поздно, и я торопился домой. Улицы Лондона, как обычно по субботним вечерам, были пустынны. Уныло моросил дождь. К сожалению, ни одного свободного кэба у ворот стадиона не оказалось. Пришлось тащиться пешком, а от «Уайт-сити» до Бейкер-стрит добрых пять миль, если не больше.

Итак, нахлобучив котелок на уши и подняв воротник пальто, я понуро плелся по улицам, проклиная все на свете.

«Ладно, уж куда бы ни шло, если бы «Арсенал» выиграл,— с досадой размышлял я.— А тут такое позорное, неожиданное поражение— и от кого! Подумать только, «Портсмут» выигрывает, да еще с результатом 2 : 1, у верного кандидата в чемпионы...»

Погруженный в свои мысли, я не заметил, как мимо проехала большая карета, обдав меня струей грязи из-под колес. Это неприятное происшествие еще больше ухудшило мое и без того скверное настроение.

«Уж лучше бы оставаться дома, сидеть в кресле у камина и прихлебывать бренди... Слушание радиорепортажа избавило бы меня по крайней мере от двухчасовой прогулки под дождем. А хуже всего то, что Холмс опять станет потешаться надо мной. Скажет, что футбол — это балаган, низкопробное зрелище, недостойное интеллигентного человека... Так и слышу его насмешливый голос: «Сердечно поздравляю, дорогой Уотсон, с поистине блистательной игрой вашей любимой команды. Фи! Никогда не думал, что вы так расклеитесь. Неужели вы считаете, что все потеряно? Возьмите себя в руки, ведь вы старый вояка, а не какая-нибудь нервическая девица...» Впрочем, лучше скрою от него, что был на стадионе. Скажу, что навещал тяжело больного пациента».

Вот наконец и наш дом на Бейкер-стрит. Отперев входную дверь, я почти неслышно поднялся по лестнице и собирался незаметно юркнуть в свою комнату. Не тут-то было! Голос Холмса пригвоздил меня к месту:

— Хэлло, Уотсон, вас можно поздравить? Заходите, заходите, друг мой. Итак, ваши хваленые «канониры» проиграли, а их новый вратарь, от которого так много ожидали, бесславно провалился. Кстати, как его фамилия, Крепп или Грепп? Ну, ничего, не огорчайтесь: сегодня победа, завтра поражение, так уж устроена жизнь...

Я поднял голову и увидел обычную картину. Холмс сидел в халате у письменного стола и что-то внимательно разглядывал в лупу. На его утомленном лице мерцала загадочная улыбка. Жестом пригласив меня сесть, он откинулся назад в кресле и, повернувшись ко мне, сказал самым добродушным тоном:

— Ну-с, теперь поговорим о футболе.

Сказать по правде, я хотя и привык к необыкновенному дару Холмса разгадывать события по мельчайшим, незаметным для других признакам, меня снова удивила его дьявольская проницательность.

— Откуда вы узнали, что я был на футболе, что «Арсенал» проиграл и что Крепп — кстати, это имя известно во всей Англии, и незачем его искажать — главный виновник этого проигрыша? А-а-а, понимаю! Великий Холмс, презирающий футбол, включил радио и прослушал весь репортаж об этом злополучном матче...

— Ничего подобного,— все с той же добродушной усмешкой ответил мне Холмс.— Разве вы забыли, что приемник вот уже две недели не работает и я даже просил вас вызвать радиотехника? К тому же я был занят расследованием дела о таинственном убийстве молодой женщины на Трафальгар-сквере. Вы видите у меня на столе щепотку табака, найденного на месте убийства. Некоторые особенности пепла и своеобразный запах дыма этого табака позволили мне установить, что он выращен в Нигерии. Такой табак обычно курят колониальные чиновники, следовательно... А впрочем, не в этом дело... То, что вы были на футболе, точнее, на матче «Арсенал»—«Портсмут», я узнал по программе, кончик которой торчит из кармана вашего пальто. К тому же сегодня суббота — футбольный день. А куда еще мог в такой день отправиться мой друг Уотсон? Конечно, на «Уайт-сити»! Как видите, все просто и ясно, никакого волшебства здесь нет, для разгадки подобной тайны не надо даже обладать способностью к дедукции.

— Превосходно,— сказал я. — Программа программой, но откуда вам известны другие

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

СОРОКИ-ТРУБАЧИ

Вблизи военного лагеря в окрестностях Сиднея поселилась стая сорок. Птицы научились так искусно подражать сигналам трубачей, что внесли в лагерную жизнь полную неразбериху. В самое неожиданное время сороки подымали солдат по тревоге, звали на обед. Пришлось для подачи сигналов трубу заменить шотландской волынкой.

ТАЙНА МЕШКОВ

Недавно стало известно, что якобы два мешка неопубликованных рукописей французского писателя Стендаля находятся в Италии у флорентийского издателя Фредерико Джентиле. Он купил их в 1942 году за сорок тысяч лир. Исследователи творчества Стендаля безуспешно пытаются получить этот интересный материал. Джентиле отказывается продать рукописи и не желает их публиковать.

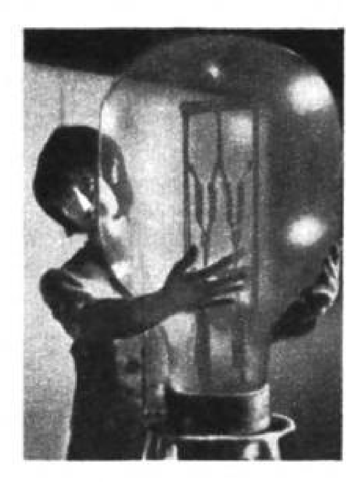

САПЕР ПЛЯЖА

Долорес Карлсон ежедневно проходит по пляжу калифорнийского побережья с прибором, подобным миноискателю. С его помощью она обнаруживает различные вещи, потерянные отдыхающими.

ТОЛЬКО МУЖЧИНЫ

Известный английский артист Лоренс Оливье готовит для Национального театра постановку комедии Шекспира «Как вам это понравится». Все роли, включая женские, исполняют мужчины, как было принято в Шекспировом театре.

САМАЯ БОЛЬШАЯ

В Токио изготовлена электрическая лампа, высота которой 99 сантиметров. Изобретатели утверждают, что при ее свете можно читать вечером на расстоянии более 500 метров от лампы.

Ядвига РУТКОВСКА

Н. взял у меня в долг 10 тысяч злотых в 1947 году. У него была масса хлопот, и он занимал всюду, где сколько дадут. У меня было немного денег. Видя, как Н. мучается, я сказала ему, чтобы он вернул мне деньги, когда сможет. Мне не хотелось связывать обязательствами этого отягощенного заботами человека.

Мы были не в очень приятельских отношениях и встречались нечасто. Прошло немного более полугода, когда я встретила Н. в магазине. Он не смотрел в мою сторону, и я быстро вышла, чтобы своим видом не напоминать ему о долге. Деньги были мне тогда не нужны.

Однажды я увидела его в театре. Я посмотрела наверх на балкон, а он посмотрел на меня.

«Жаль,— подумала я,— мне бы пригодились эти деньги, но в конце концов я могу без них обойтись. Бедный Н.! Ему, должно быть, не везет».

Когда спустя два года мы столкнулись на улице, Н. поклонился мне как-то украдкой, как будто бы кому-то другому, кто шел за мной. Мне хотелось его остановить, у меня были финансовые трудности, но когда я посмотрела на него, он шел сгорбившись, опустив плечи, как пес, ожидающий удара. Я подумала:

«Трудно. Отдаст, когда сможет. Такой был уговор».

Вчера я встретила его у Зоси на именинах. Попивая вино, мы рассказывали разные истории из своей жизни. Зося, конечно, о том, как мужчины теряют из-за нее головы. Бася — какой-то вздор о привидениях. Н. сказал:

— После войны, будучи в больших заботах, я занял у одной знакомой десять тысяч злотых. Спустя какое-то время я начал выполнять свои обязательства и отдал все долги, кроме этого одного. Записную книжку с фамилиями тех, у кого я брал деньги, я потерял. Отсюда,— рассмеялся он,— я надеюсь, что ей неплохо жилось все эти годы. В противном случае она обратилась бы ко мне, правда? — Он налил себе вина и продолжал: — Ведь не мог же я спрашивать у всех знакомых женщин: не им ли я должен десять тысяч злотых? Ведь это сумма. Наверно, не одна признала бы! — И он снова рассмеялся.

После двух рюмок я способна на большие дела. Сразу же, в первом танце, когда меня пригласил Н., я сказала:

— Это я дала вам тогда эти десять тысяч злотых.

Н. остановился.

— Послушайте! — крикнул он.— Мировая шутка! Пани уже реагирует на эти деньги.

Все громко расхохотались.

Перевела с польского
И. ГАВРИЛОВА.

детали, например, что «Арсенал» проиграл и что очень скверно стоял в воротах Крепп?

— Больше того. Я бы прибавил, что «Арсенал» вел в первом тайме, а затем упустил преимущество,— сказал Холмс.— Зоркий глаз и некоторая способность к умозаключениям позволили мне раскрыть этот секрет, куда более легкий, чем тайна убийства на Трафальгар-сквере...

— Но все-таки расскажите, как вы это узнали?

Холмс вынул из кармана трубку, набил ее своим любимым черным табаком и закурил. Его энергичное аскетическое лицо окутали клубы дыма.

— Начнем по порядку. О том, что вы были на футболе, я узнал по кончику программы. Что играли «канониры» и портсмутцы, мне стало известно из газет. За последнее время футбольные рубрики в английской прессе вышли из берегов и затопляют даже далекие от спорта первые страницы. Мой любимый солидный «Таймс» и тот не уберегся от этой футбольной эпидемии... О том, что вы болеете за «Арсенал», я давно знаю. Вы неоднократно доказывали мне, что равных «канонирам» нет ни в Англии, ни во всем мире. В том, что первый тайм, видимо, сложился благоприятно для «Арсенала», я убедился по вашему охрипшему голосу. А если бы он вел еще и во втором тайме,— уверен, что вы вообще лишились бы дара речи. Неужели, подбадривая свою команду, нельзя просто аплодировать, почему обязательно орать во всю глотку?

— Да, но как же вы, черт возьми, узнали, что во втором тайме ситуация изменилась и что Крепп сыграл из рук вон плохо?

— Мой дорогой, прежде всего я убедился, что вы купили себе билет не на сидячее, а на стоячее место. Это можно было предположить заранее, зная вашу шотландскую скупость. К тому же, если бы у вас было сидячее место, вы бы его не покинули ни на минуту. А я знаю, что вы во время игры протискивались поближе к воротам «Портсмута», ожидая, что именно туда посыплются голы.

Мое молчание, вызванное восхищением перед железной логикой Холмса, подтвердило, что его догадка правильна. И все же я не выдержал:

— Ради всех святых, Холмс, откуда вам известно, что я во время игры пробивался сквозь толпу?

— И здесь объяснение напрашивается само собой,— не моргнув глазом, ответил Холмс.— Дорогой Уотсон, подойдите поближе. Посмотрите на ваш левый рукав. Он запачкан свежей краской. После первого гола вы решили спуститься ближе к барьеру, чтобы полюбоваться, как ваши «канониры» будут добивать «Портсмут». Вам это удалось. Но трибуны были переполнены, и вас, видимо, притиснули рукавом к барьеру, а барьеры всегда красят в это время года.

Действительно, на моем рукаве ясно виднелись следы свежей краски! Я невольно покраснел.

— Итак, подозреваемый признает себя виновным,—саркастически заметил Холмс и продолжал:— Но вскоре вы позабыли о воротах «Портсмута». Вы с огорчением установили, что Крепп не очень-то уверенно берет верховые мячи...

— Позвольте, дорогой Холмс,— перебил я.— Откуда вам известна эта деталь, доступная только специалистам?

Он спокойно выдержал мой испытующий взгляд.

— «Арсенал» проиграл, я это понял по вашему скверному настроению. Иначе вы бы не попытались потихоньку проскользнуть мимо моей комнаты, а сами пришли бы ко мне, чтобы поделиться своей радостью. Следовательно, во втором тайме ваши «канониры» пропустили по крайней мере на два мяча больше, чем их противники. А в таких случаях всегда бывает виноват именно вратарь... Теперь о деталях. Я вам не раз говорил, Уотсон, что хороший сыщик должен знать все и обо всем, даже о вашем любимом футболе. Так вот, недавно я прочел в газете, что у «Арсенала» новый вратарь. Фамилии его, как вы убедились, я точно не запомнил. Но мне бросилось в глаза любопытное выражение на вашем футбольном жаргоне: «Неуверенно берет верховые мячи». Когда вы вошли и с мрачным видом уставились на меня, я припомнил все это и выложил вам. Вот вы и попались на удочку. Зная мои методы, вам следовало бы быть осмотрительнее. А вы фактически сами выдали мне все свои секреты.

Боже мой, как все просто! Я с изумлением смотрел на Холмса, а он вдруг с самым непринужденным видом спросил:

— Кстати, Уотсон, когда в следующий раз играет «Арсенал»?

Я не поверил своим ушам и невольно воскликнул:

— А зачем вам это нужно знать?

— Я собираюсь как-нибудь пойти на матч, чтобы самому убедиться, как играет ваш Крепп, и верно ли, что у него не все ладно с этими самыми верховыми мячами... А теперь позвольте мне остаться одному, чтобы еще раз поразмыслить об убийстве на Трафальгар-сквере.

Вернувшись в свою комнату, я лег в постель и долго ворочался, прежде чем сумел заснуть. Да, загадочный человек — мой великий друг! Но неужели он тайный болельщик футбола?

. . . .

На этот вопрос в записной книжке доктора Уотсона нет никакого ответа. Пока это остается загадкой — последней загадкой Шерлока Холмса.

Рукопись доставили в редакцию
В. ДИНОВ и М. СЛАВИН.

Жорж СИМЕНОН

Роман

Мегрэ и старая дама

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Мегрэ снова принялся расхаживать по гостиной, лицо его слегка покраснело. Теперь предстояло заняться старой дамой.

— Вы все слышали?

— Все, что он сказал,— ложь.

Мегрэ вынул кольцо из жилетного кармана и показал ей.

— Вы отрицаете, что в вашей комнате находятся подлинные драгоценности? Может быть, вы хотите, чтобы я взял ваши ключи и принес драгоценности сюда?

— Это — мое право. Мой муж был согласен. Он считал, что его сыновья достаточно взрослые и сами позаботятся о себе, и не хотел оставить такую старую женщину, как я, без средств к существованию. Если бы детям все стало известно, они бы заставили все распродать и год спустя снова остались бы без копейки.

Мегрэ старался не смотреть на нее.

— Почему вы ненавидели Розу?

— Я не ненавидела ее. Я ей не доверяла, и события доказывают, что я была права. Это она невзлюбила меня, хотя я все сделала для нее.

— Когда вы обнаружили, что кольцо пропало?

Валентина открыла было рот, чтобы ответить. Но тут же взгляд ее стал холодным и злобным.

— Я не стану отвечать на ваши вопросы.

— Как хотите.

Он обернулся к Кастэну.

— Продолжай записывать.

Он опять зашагал по комнате, заставляя подрагивать безделушки. Потом заговорил:

— Вы это обнаружили, по всей вероятности, на прошлой неделе, еще до среды. Роза была единственным человеком, который мог выследить вас и похитить кольцо. Вы, конечно, перерыли все ее вещи и ничего не нашли. Когда же в среду она взяла выходной, вы пошли за ней по пятам и увидели, что она встретилась в Этрета с Тео. И тут вы испугались по-настоящему! Вы не были уверены, сказала ли она ему о кольце. Но вы и без того подозревали, что его приезд сюда связан с драгоценностями.

Несмотря на отказ говорить, Валентина не сдержалась:

— Если бы он узнал, моя жизнь была бы под угрозой!

— Вполне вероятно. Заметьте, однако, что я вас ни о чем не спрашивал. Можете прерывать меня, когда у вас появится желание, но я не нуждаюсь в ваших подтверждениях.

Вы решили убрать Розу, прежде чем она успеет вас выдать. Во всяком случае, вы надеялись сделать это, и вы решили воспользоваться представившейся редкой возможностью. Третье сентября! Единственный день в году, когда собирается все семейство, которое, впрочем, вы ненавидите, включая и вашу родную дочь.

Она снова было открыла рот, но он не дал ей говорить.

— Вы знали о пристрастии вашей горничной к лекарствам, ко всем лекарствам, какие бы они ни были. Не сомневаюсь, что вы заметили, что она таскает их из вашей аптечки. По вечерам она, видимо, привыкла допивать ваше снотворное, которое оставалось на дне стакана. Видите ли, преступление, которое здесь совершилось,— это преступление женщины, более того, старой женщины, живущей в одиночестве. Одно из тех преступлений, которые готовятся исподволь. Его лелеют долгие часы, постепенно оно обрастает все новыми и новыми деталями.

В самом деле, разве могут заподозрить вас в убийстве, если яд, судя по всему, предназначался вам? Подозрение неизбежно упало бы на вашу дочь, на других членов семьи. А вам достаточно было заявить, что напиток показался вам горьким и что вы сказали об этом горничной. Хотя на самом деле вы, конечно, утаили это от Розы.

— Она все равно выпила бы!

Нет, старая дама не чувствовала себя раздавленной, как можно было предположить. Она по-прежнему была начеку, не пропускала ни одного слова из всего, что говорилось, и, конечно же, заранее готовила ответные удары.

— Вы были уверены,— продолжал Мегрэ,— что следствие поведет местная полиция и не заметит в этом деле ничего, кроме того, что лежит на поверхности. И, лишь узнав, что по просьбе Шарля Бессона из Парижа буду направлен сюда я, вы испугались.

— Как вы скромны, господин Мегрэ!

— Не знаю, скромен ли я, но вы допустили ошибку, примчавшись на набережную Орфевр с целью заручиться тем преимуществом, что вы-де сами обратились ко мне.

— А откуда, по-вашему, могла я узнать, что Шарль имеет в виду именно вас?

— Этого я не знаю. Эта деталь выяснится позже.

— Предстоит еще выяснить много деталей. У вас ведь нет ни одного доказательства, а вы рассуждаете так уверенно, господин комиссар.

Мегрэ оставил этот выпад без внимания.

— Это относится и к моим драгоценностям. Вот мои ключи. Они лежат перед вами, на столе. Поднимитесь наверх и ищите.

Он остановился, посмотрел ей в глаза, почувствовал новый поворот дела. Потом заговорил снова, словно беседуя сам с собой:

— А что, если, воспользовавшись поездкой в Париж, вы сдали их куда-нибудь? Впрочем, нет! Вы бы не упрятали их так далеко. В банк вы их не положили, остались бы следы.

Она насмешливо улыбнулась.

— Ищите!

— И найду.

— А если не найдете, значит, все, что вы здесь наговорили, гроша ломаного не стоит!

— Мы еще вернемся к этому в свое время.

Он горько пожалел, что в порыве гнева разбил графин со спиртным — теперь он охотно отпил бы глоток.

— Совсем не случайно, придя недавно пожелать вам доброй ночи, я рассказал вам о знакомстве Розы с Тео Бессоном и об их встрече в прошлую среду. Я знал, что это заставит вас действовать. И что, опасаясь, как бы я не допросил Тео, а он не заговорил, вы попытаетесь встретиться с ним и заставить держать язык за зубами, возможно, навсегда. Я только не знал, как вы сумеете незаметно связаться с ним. Я не подумал о телефоне. Точнее, я не подумал о старой мадемуазель Сёрэ, которая живет в двух шагах от вас и которую вы привыкли навещать.

Он повернулся к Тео.

— Вы знаете ее?

— Я ее не видел много лет.

— Она калека?

— Еще в то время она была почти глуха и слепа.

— В таком случае не исключено, что именно у нее мы и найдем драгоценности.

— Вы придумываете одну небылицу за другой! — крикнула яростно Валентина.— Вы говорите, говорите, уверив себя, что так или иначе попадете в точку. Вы, наверное, считаете себя ох, каким циником!

— Вы от нее звонили Тео. И, конечно, набирали немало номеров, прежде чем поймали его в каком-то из кабаков. Вы сказали ему, что хотите поговорить с ним. Он все понял. А ведь вы вовсе и не собирались говорить с ним... Да, да, оба ваши преступления — не только преступления одинокого человека, но преступления старой женщины. Вы очень умны, Валентина!

Она вдруг приосанилась, польщенная, несмотря ни на что, этим комплиментом.

— Вам нужно было заставить замолчать Тео и сделать это так, чтобы комар — то есть я — носа не подточил. Была, конечно, одна возможность, которая, вероятно, сошла бы гладко. Но ее вы отвергли: эта возможность — поделиться с Тео.

Но в вас слишком сильно чувство собственника. Одна мысль о том, что вам придется расстаться с частью этих драгоценностей, которые ничего вам не давали, да и никогда ничего бы не принесли,— эта мысль показалась вам настолько чудовищной, что вы предпочли пойти на второе убийство. И вы сказали Тео, чтобы он пришел к вам в полночь и никому не говорил об этом... Ведь именно так она сказала вам, господин Бессон?

— Вы понимаете, что мне затруднительно было бы ответить на этот вопрос. Как джентльмен...

— Вы негодяй! Хорош джентльмен, впутывающий служанку в семейные делишки да еще склоняющий ее к воровству только потому, что это, видите ли, его устраивает! Хорош джентльмен, хладнокровно посылающий вместо себя на смерть другого человека!

Во всяком случае, Бессон, после телефонного звонка Валентины вы одновременно и торжествовали и боялись,— продолжал Мегрэ.— Торже-

Окончание. См. «Огонек» №№ 42—51.

ствовали потому, что добились своего, ведь ее звонок означал, что она готова делиться. Боялись потому, что слишком хорошо знали ее и отдавали себе отчет, что отнюдь не с легким сердцем она решила заплатить вам за ваше молчание. Вы почуяли ловушку. Это свидание в полночь вам не слишком нравилось.

Вы вернулись в отель, чтобы хорошенько все обдумать. И вдруг вам повезло: позвонил бедняга Анри, который к тому же изрядно выпил... Совсем недавно мы с ним беседовали, и этот разговор заставил его задуматься. Ему захотелось повидать вас, не знаю точно зачем, возможно, и он о чем-то догадывался.

А вы послали его в разведку, наказав ему, чтобы он пришел сюда, в «Гнездышко», ровно в полночь. Иначе говоря, это он, Анри Трошю, должен был попасть в ловушку Валентины...

Мегрэ помолчал несколько мгновений, потом продолжал:

— Снимаю перед вами шляпу, мадам. Убийство Розы вы задумали безупречно. Но второе вы осуществили поистине с дьявольской ловкостью. Вплоть до выключателя, который продемонстрировали мне сегодня вечером,— это ведь должно было послужить свидетельством, что в волнении вы могли забыть включить свет в саду.

И вот Анри убит. Брат и сестра в одну неделю!.. Знаете, что бы я сделал, не служи я в полиции? Я оставил бы вас здесь под охраной инспектора, а сам отправился бы в Ипор и поведал бы эту историю некоему Трошю и его жене. Я бы рассказал им, как, почему и во имя чьих грязных целей и интересов они за несколько дней потеряли двух детей в расцвете сил! Я привез бы их сюда, вместе с братьями и сестрами ваших жертв, вместе с их соседями и друзьями...

Мегрэ увидел, как побледнел Тео, как он судорожно стиснул пальцами ручки кресла. Валентина вскочила и закричала вне себя:

— Вы не имеете права! Чего вы ждете, почему не отправляете нас в Гавр? Вы обязаны арестовать нас, во всяком случае, меня.

— Значит, вы признаетесь?

— Ни в чем я не признаюсь! Но вы обвиняете меня и не имеете права оставлять меня здесь!— «Кто знает,— мелькнуло у нее в голове,— может, Трошю уже знают и сейчас нагрянут сюда?!»— Мы в цивилизованной стране, и каждый должен быть выслушан судом!

Она судорожно прислушалась к шуму, донесшемуся с улицы, и чуть было не бросилась к Мегрэ, словно ища у него защиты. Уже отчетливо был слышен шум мотора, а потом шаги в саду.

Валентина была, казалось, на грани сумасшествия. Лицо ее потеряло обычную привлекательность, в глазах стоял ужас, она впилась ногтями в кулаки комиссара.

— Вы не имеете права! Вы не имеете...

Это не были Трошю, им еще ничего не было известно. Это прибыли из Гавра фургон и легковая машина с полицейскими и экспертами.

На добрых полчаса дом был отдан в их распоряжение. Тело Анри вынесли на носилках. Эксперты фотографировали место преступления, собирали осколки стекла, которое раздробила пуля.

— Вы можете идти одеться,— сказал Мегрэ Валентине.

— А я?— спросил Тео Бессон, съежившийся, словно из него выпустили воздух.

— Вам, как мне кажется, предстоит уладить дела с собственной совестью.

Еще один автомобиль остановился на дороге. В дом ворвался Шарль Бессон.

— Что здесь произошло?

— Я ждал вас раньше,— сухо ответил Мегрэ.

Словно не понимая, что должна означать эта фраза, депутат стал оправдываться:

— По дороге у меня лопнула шина.

— Что побудило вас приехать сюда?

— Наш с вами недавний разговор по телефону, когда вы сказали мне о кольце.

— Понимаю. Вы узнали кольцо по моему описанию?

— Мне стало ясно, что Тео был прав.

— Значит, вам были известны подозрения Тео о том, что ваша мачеха сохранила подлинные драгоценности? Он вам говорил об этом?

Братья холодно посмотрели друг на друга.

— Он мне этого не говорил. Но я все понял по тому, как он вел себя во время раздела имущества.

— Вы примчались, чтобы получить свою долю? И по этому случаю даже забыли про похороны вашей тещи, которые состоятся завтра?

— Почему вы так грубо со мной разговариваете? Я ведь ни в чем не виноват. Кого сейчас отвезли в фургоне?

— Ответьте сначала, зачем вы приехали?

— Не знаю. Когда вы сказали мне про кольцо, я понял, что готовится какая-то мерзость. И подумал, что Тео попытается что-то предпринять, а Валентина не даст себя провести.

— Ну так вот, кое-что действительно произошло. Только ваш старший брат позаботился о себе и вместо себя отправил на смерть другого.

— Кого?!

— Анри Трошю.

— Родители... знают?

— Нет еще. Вот что я думаю: не послать ли мне вас сообщить им эту новость? Ведь какникак вы их депутат.

— Наверное, я больше не буду депутатом после всего этого скандала. А Роза? Кто... ее?

— Вы не догадываетесь?

— Когда вы сказали мне о кольце, я подумал было...

— О вашей мачехе! Да, она. И вам придется все это объяснить вашим избирателям.

— Но я-то ведь ничего не сделал!

Прошло уже немало времени с тех пор, как Кастэн перестал записывать. С удивлением смотрел он на Мегрэ, машинально прислушиваясь к шагам наверху.

— Вы готовы?— крикнул комиссар, подойдя к лестнице.

Валентина не отвечала. Мегрэ прочел опасение во взгляде инспектора.

— Не бойся! Такие женщины себя не убивают. Она будет защищаться до конца. Будет драться зубами и когтями, найдет деньги, чтобы нанять себе лучших адвокатов. Она знает, что сейчас уже не отрубают головы старым женщинам!..

И действительно, Валентина спустилась к ним, как всегда, похожая на изящную маркизу, как в тот раз, когда Мегрэ увидел ее впервые. Безукоризненно причесанные волосы, большие светлые глаза, ни морщинки на черном платье, и огромный бриллиант на корсаже — видимо, одна из «подделок».

— Вы наденете на меня наручники?

— Я начинаю верить, что вам бы это доставило удовольствие: как же, это было бы так театрально и придало бы вам вид невинной жертвы. Ну-ка, парень, уведи ее.

— Вы разве не поедете с нами в Гавр?

— Нет.

— Вы вернетесь в Париж?— спросил Кастэн.

— Завтра утром, после того как зайду за драгоценностями.

— Вы сами пошлете рапорт?

— Составь его. Тебе ведь известно теперь столько же, сколько и мне.

Кастэн окончательно перестал понимать комиссара.

— А что делать с этим?

Инспектор указал на Тео, который курил сигарету и старался держаться подальше от своего братца.

— Он не совершил преступления, которое прямо подпадало бы под действие закона. Он слишком труслив для этого. Но ты сможешь вызвать его в любое время, как только он тебе понадобится.

— Могу я уехать из Этрета?— спросил Тео с явным облегчением в голосе.

— Когда угодно.

— Проводите меня, пожалуйста, до отеля, там остались мои вещи и машина.

Да, конечно, он не меньше, чем Валентина, боялся Трошю. Мегрэ кивнул одному из инспекторов, приехавших из Гавра.

— Проводите этого господина. И разрешаю на прощание дать ему пинок в зад.

Выходя из «Гнездышка», Валентина обернулась к Мегрэ и проговорила, еле шевеля губами:

— Вы считаете себя очень хитрым. Но последнее слово не за вами!

Мегрэ взглянул на часы, они показывали половину четвертого утра. Сирена, оповещающая о тумане, все еще продолжала завывать в ночной темноте. С ним остался лишь инспектор из Гавра, который заканчивал опечатывать двери, и Шарль Бессон, не знавший, куда девать свое огромное тело.

— Теряюсь в догадках, почему вы так грубо разговаривали со мной. Я ведь ничего не сделал!— Это была правда. И Мегрэ почувствовал нечто вроде угрызения совести.— Клянусь вам, я никогда не мог даже предположить, что Валентина способна...

— Вы можете поехать со мной?

— Куда?

— В Ипор.

— Вы очень настаиваете на этом?

— В противном случае мне пришлось бы разыскивать такси, что нелегко в такой час.

Он вскоре пожалел о своей просьбе: Шарль нервничал, машину швыряло из стороны в сторону. Остановился он как можно дальше от низкого домика, который пятном выделялся из тумана.

— Вас подождать?

— Сделайте одолжение.

Бессон, сидевший в дальнем углу темной машины, слышал стук в дверь и голос комиссара, который произнес:

— Это я, Мегрэ.

Шарль видел, как зажглась лампа, как открылась и закрылась дверь. Он откусил кончик сигары.

Прошло полчаса, за это время Шарля не раз подмывало уехать. Затем дверь вновь открылась. Три фигуры медленно приближались к машине. Мегрэ открыл дверцу и сказал приглушенным голосом:

— Меня вы по пути подбросите до Этрета, а их отвезете в Гавр.

Мать, в траурной вуали, оставшейся от похорон Розы, то и дело начинала рыдать, зажимая рот носовым платком. Отец не проронил ни слова. Мегрэ тоже молчал.

В Этрета, выйдя перед своим отелем, он заглянул внутрь машины, разжал было губы, но не нашел что сказать и только медленно снял шляпу.

Он не стал раздеваться и не лег спать. В семь часов утра он доехал в такси до домика престарелой мадемуазель Сёрэ. То же такси доставило его до вокзала, он как раз успел на восьмичасовой поезд. Помимо чемодана, в руке у него был небольшой сафьяновый кошель в чехле непорочно-голубого цвета — точь-в-точь как глаза Валентины.

Перевел с французского
О. ШИРОКОВ.

КРАМОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

К 80-летию со дня рождения А. С. Неверова

«Искусство на грани двух эпох должно быть... героическим, и художник-писатель должен выбирать для своих работ величественное и прекрасное...»

Эти вдохновенные слова принадлежат одному из зачинателей советской литературы, Александру Сергеевичу Неверову, и выражают его собственное идейно-творческое кредо. Как художник Неверов сложился и получил признание еще до революции, но подлинный расцвет его дарования стал возможен только под воздействием живительных идей Октября. Из-под его пера выходят многочисленные рассказы и очерки, пьесы, повесть «Ташкент — город хлебный», роман «Гуси-лебеди». Эти произведения — художественная летопись крестьянской жизни в пору великих социальных перемен.

В пору молодости Александру Неверову (Скобелеву) пришлось учительствовать в деревнях Самарской губернии, в частности в Новом Письмере.

Интересы учителя Скобелева далеко выходили за пределы школы. При свете коптилки он вслух читал крестьянам «потайные книжки», рассказывал о царском произволе, о стачках и забастовках в городах. Искренний друг бедноты, Неверов помогал ей в борьбе с угнетателями, используя для этого печатное слово. В Новом Письмере до сих пор хранят память о появлении в либеральной газетке «Симбирские вести» его изобличительных фельетонов, подписанных псевдонимами «Иван Червячок», «Бой» и другими.

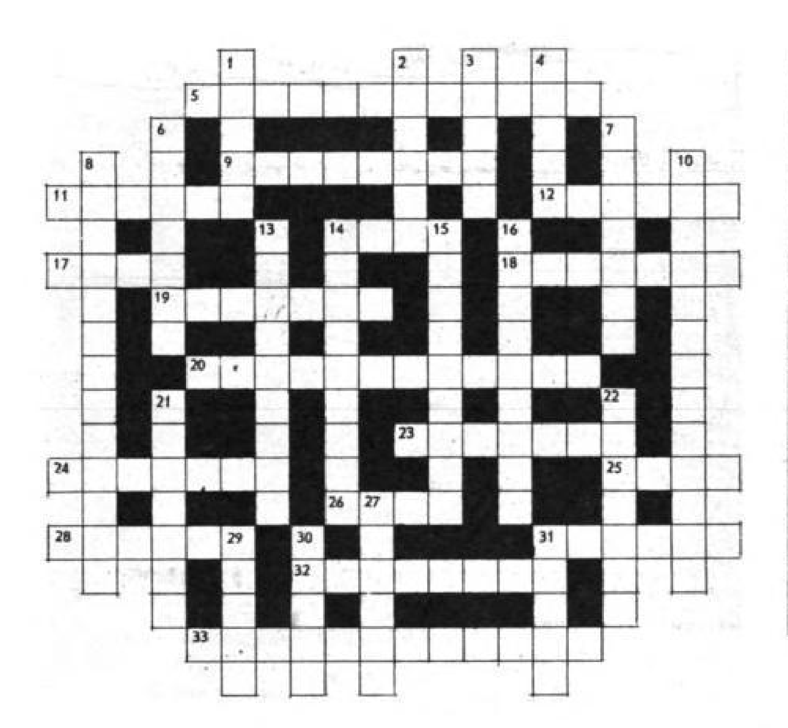
Церковники, и ранее настороженно следившие за подозрительным учителем, переполошились не на шутку. Перед нами пространный донос благочинного А. Сунгурова на имя епископа самарского и ставропольского Константина от 23 февраля 1907 года. В нем «с архипастырским бдением» излагаются «обстоятельства по делу богоотступника Православной Христовой церкви — Скобелева Александра...». Новописьмерские события рассматриваются доносчиком как «бунтарские деяния Скобелева, охватившие всех, от мала до велика».

О том, насколько серьезный оборот приняло «Дело Скобелева» после поповского доноса, свидетельствует предписание «государственной важности», отданное самарским вице-губернатором органам полиции 3 марта того же года.

Это предписание означало посылку в Новый Письмерь карательного отряда. Одних «бунтовщиков» каратели выпороли, других препроводили в Ставрополь, где их судили. В ходе дознания никто из крестьян не подтвердил, что «Иван Червячок» и учитель Скобелев — одно и то же лицо. Не сделал этого, по-видимому, и редактор «Симбирских вестей», привлеченный к ответственности «за преступление, предусмотренное статьей 1525 Уложения о наказаниях». У Скобелева вице-губернатор приказал произвести обыск. Но обыскивать было некого: учитель внезапно исчез.

Невыносимые условия учительской жизни доводили не одну честную натуру до крайней степени душевного изнеможения, а иногда и до трагического конца. С Неверовым этого не случилось. Его спасли близость к народу и литературная деятельность, дававшая выход чувствам и впечатлениям, укреплявшая веру в жизнь, в человека.

Н. СТРАХОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Русский революционный публицист, писатель. 9. Докладчик, консультант по определенным вопросам. 11. Птица отряда воробьиных. 12. Река в Красноярском крае. 14. Отличительный знак государства, города. 17. Порода комнатных собак. 18. Возвышение для лектора, оратора. 19. Научное сочинение. 20. Штат в США. 23. Опера А. Н. Серова. 24. Курорт в Читинской области. 25. Театральное представление, обозрение. 26. Музыкальное произведение для одного голоса или инструмента. 28. Домашний костюм. 31. Пушной зверек. 32. Документ об окончании среднего учебного заведения. 33. Наука о полетах летательных аппаратов в мировом пространстве.

По вертикали:

1. Дикая африканская лошадь. 2. Раскаленное космическое тело. 3. Приток Тобола. 4. Оптическое стекло. 6. Оркестровый музыкальный инструмент. 7. Отрезок прямой, соединяющий две точки окружности и проходящий через ее центр. 8. Описание своей жизни. 10. Чемпионка мира по шахматам. 13. Ассистент боксера. 14. Цветок. 15. Озеро в Экваториальной Африке. 16. Изменение имен, местоимений и причастий по падежам. 21. Советский живописец и историк искусства. 22. Старинный экипаж. 27. Созвездие южного полушария неба. 29. Героиня сказки английского писателя Л. Кэрролла. 30. Остров в Тирренском море. 31. Инструмент скульптора.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали:

1. Амазонка. 6. Торричелли. 7. Яблоня. 10. Кефир. 11. Чибис. 13. Иридий. 14. Салат. 16. Барон. 17. Аксонометрия. 18. Акула. 20. Торос. 22. Плавни. 23. Тагор. 24. Силос. 25. Шяуляй. 27. Рахманинов. 28. Барограф.

По вертикали:

2. Марля. 3. Колея. 4. Станица. 5. Бионика. 8. Варранкилья. 9. «Неизвестная». 10. Космонавт. 12. Синтаксис. 15. «Тоска». 16. Берет. 19. Леопард. 21. Орисава. 25. Шахта. 26. Ионна.

На первой странице обложки: Серебряные призеры первенства мира Татьяна Жук и Александр Горелик.

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: У новогодней елки.

Фото А. Бочинина.

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья!

Мы ждем ваших советов и пожеланий на 1967 год.

Какие литературные произведения хотели бы вы увидеть на страницах «Огонька»?

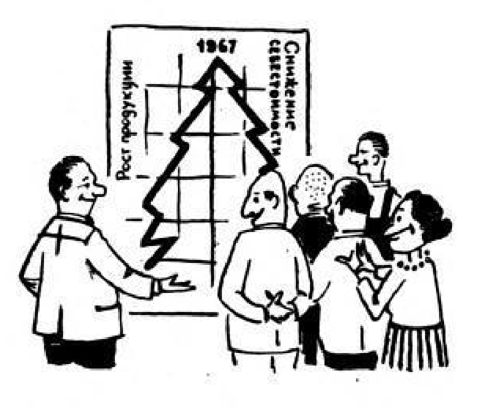
В каких районах страны должны побывать корреспонденты журнала?

Какие события в общественной жизни, науке, литературе, искусстве, живописи, спорте вас волнуют?

Мы надеемся видеть вас авторами нашего журнала. В преддверии 50-летия Советской власти мы ждем от вас сообщений о трудовых и военных подвигах наших соотечественников.

Страна наша велика, и проникнуть во все ее уголки, рассказать обо всем интересном и значительном мы сможем лишь с вашей помощью.

Пишите нам.

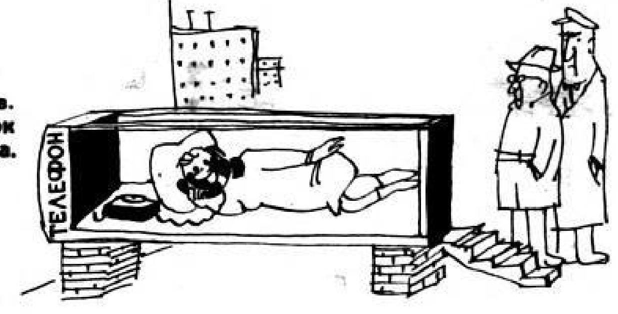
С такими показателями мы подошли к Новому году.

Рисунок А. Мунтяна.

Начнем, пожалуй.

Рисунок О. Марковича.

Для долгих разговоров.
Рисунок В. Воеводина.

Советский контрразведчик Павел Синицын вернулся из иностранного разведцентра с заданием разыскать в СССР резидента Надежду, скрывшегося от преследования под именем Станислава Курнакова. Курнаков обнаружен в городе К. Органы госбезопасности арестовывают его, а Павел остается в К., чтобы исполнять роль вражеского разведчика.

На этом обрывалась повесть О. ШМЕЛЕВА и В. ВОСТОКОВА

«ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА РЕЗИДЕНТА»,

опубликованная «Огоньком» в 1965 году (№№ 38—49).

В новогоднем, 1-м номере «Огонек» начинает печатать продолжение этой повести

«С ОТКРЫТЫМИ КАРТАМИ».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

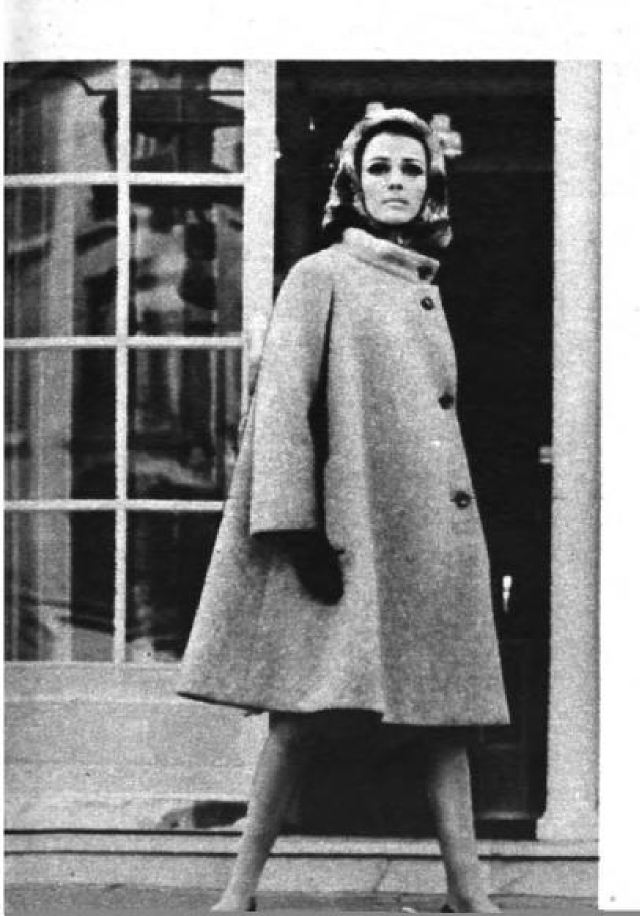
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-31-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10771. Подписано к печати 21/XII 1966 г. Формат бум. 70×108$^1/_8$. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 1 990 000. Изд. № 2159. Заказ № 3390.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ МОДЕЛИ «КРИСТИАН ДИОР»

Какие фасоны предлагает в новом году прославленная французская фирма «Кристиан Диор»? Представитель фирмы Жак Греп прислал для читательниц журнала «Огонек» несколько фотографий последних моделей. Они дают представление о современных модах Парижа, об интересных сочетаниях пальто и платья, отделках нарядного туалета, новых прическах.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663